

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
3-12

3-12 Забвению не подлежит : сборник / сост. А.П. Изам, Т.В. Пыженкова, Я.В. Прокопчик. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 208 с.

ISBN 978-5-4469-0590-4

В данном издании собраны дневниковые записи и воспоминания сотрудников пожарной охраны и бойцов МПВО Ленинграда о жизни и борьбе с пожарами в условиях блокады города. Публикуются впервые.

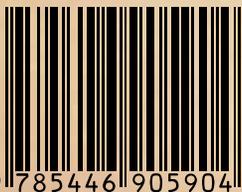
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Корректор Т. М. Жучкова
Оригинал-макет И. А. Тимофеев
Дизайн обложки И. А. Тимофеев

Подписано в печать 23.04.2015. Формат 60×90/8
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 26
Тираж 500 экз. Заказ № 15

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23

ISBN 544690590-3

9 785446 905904

© Главное управление МЧС России по г. Санкт-Петербургу, 2015
© А.П. Изам, Т.В. Пыженкова, Я.В. Прокопчик, сост., 2015

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны бередить».
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне.
И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
Неправа!
Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...

Ю. Воронов

Оглавление

ГЛАВА I. Блокадные дневники	7
Голубев С.Г. «Сороковые, роковые...»	9
Волков И.С. ФИПО в эвакуации	93
ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания	109
Артамоновы. Чувства, опаленные войной	110
Бессонов Г.В. Стояли со взрослыми рядом	117
Витюк (Ворохобина) Т.П.	
Как мы тушили Пулковскую обсерваторию	121
Гаврон Н.А. Телеграфистка-морзистка	125
Грибов В.Г. Как молоды мы были	128
Ефимова К.И. Блокадные тире и точки	149
Каширихин В.И. Как хотели убить красоту	152
Коновалов Г.Д. Хрен, который слаще редьки	154
Кузьмина Л.Н. Атланты держат небо	164
Кулешов Н.Н. Пожарная охрана Дороги Жизни	167
Лисенков А.Р. Шедевры, возрожденные из пепла	174
Лобов К.К. Техника снова в строю	179
Мартьянов Б.Н. Единство тыла и фронта	181
Мяло В.Я. Спасите мой белый рояль	188
Середин Я.С. Гордая Тамара	194
Шклярук В.П. «О камни! Будьте стойкими как люди!»	198
Предсмертное письмо Бориса Гаслера	204
Потери личного состава пожарной охраны и МПВО Ленинграда в годы Великой Отечественной войны	206
Список сокращений	207
Топонимический указатель	208

От составителей

*Они молча хоронили своих убитых,
перевязывали раненых,
не зная отдыха, работали день и ночь,
спасая Ленинград от уничтожения огнем.*

Николай Тихонов

История героической обороны Ленинграда составила одну из ярчайших страниц в летописи Великой Отечественной войны. О событиях тех далеких дней сказано и написано довольно много. Но каждый раз, читая страшные строки о войне или слушая живые воспоминания очевидцев, открываешь для себя все новые факты.

Блокада Ленинграда — трагедия, не имеющая аналогов в мировой истории. Ни один город мира, а тем более город с более чем трехмиллионным населением, не выдерживал столь длительной осады — 872 дня страданий, лишений, ужаса и потерь. Ни один город мира не потерял столько своих мирных жителей, точное количество которых не подсчитано и поныне. Страшной ценой — сотнями тысяч человеческих жизней — было завоевано право на жизнь одному из красивейших городов мира — Ленинграду — Санкт-Петербургу. Городу, которого по плану Гитлера не должно было быть на карте.

В те трудные годы тяжелейшие испытания выпали на долю ленинградских пожарных, основной задачей которых стало спасение города от огня. Лишь за первый день блокады — 8 сентября 1941 года — на Ленинград было сброшено более шести тысяч зажигательных и фугасных бомб. Одновременно вспыхнуло 178 пожаров. Город стал похож на огненный ад, и пожарным пришлось пройти сквозь это пекло. Что пришлось пережить им в осажденном городе, навсегда осталось в их дневниках и памяти.

Жизнь и борьба ленинградских пожарных — еще одна составляющая жизни блокадного Ленинграда. Без ее описания картина событий тех страшных дней была бы неполной. Широкому кругу о бойцах огненного фронта известно довольно мало. А между тем во многом именно им мы обязаны тем, что можем сегодня любоваться красотой прекрасного Петербурга. Их подвиг забвению не подлежит...

В основу этой книги легли дневниковые записи и воспоминания бойцов и офицеров пожарной охраны, спасавших Ленинград от огня. На обветшалых от времени страницах руками разных людей написана история одного из самых страшных времен в летописи России и мира — блокады Ленинграда.

Открывается сборник дневником Сергея Гордеевича Голубева, который занимал должность заместителя начальника Управления пожарной охраны Ленинграда, и находился в осажденном городе на протяжении всей блокады.

Первая страница дневника датирована первым днем войны — 22 июня 1941 года. Дневниковые записи лета 1941 года больше всего напоминают сводки Совинформбюро и передовицы газет, на которые и ссылается автор. Однако уже с начала сентября, с момента начала ленинградской блокады, рука автора переносит нас на передовую города-фронта, описывая события, разворачивающиеся непосредственно в самом Ленинграде.

Голод, холод, смертельная усталость, гибель людей, потеря друзей, тушение многих крупных пожаров, в которых автору дневника приходилось принимать участие — все это реалии того страшного времени. От меткого взгляда Голубева не укрылась ни одна часть жизни блокадного Ленинграда. Мы видим

осажденный город и его жителей глазами автора этих строк, вместе с ним проходим по заснеженным улицам Ленинграда, наблюдая медленно бредущих мимо разрушенных зданий истощенных людей-полутеней, тянущих за собой бесконечную, казалось бы, вереницу саночек с разного рода поклажей. То тут, то там нашему взору предстают тела погибших жителей многострадального города, и, кажется, они повсюду — смерть повсюду. Смерть была и постоянной спутницей Сергея Голубева, неоднократно он был на волосок от гибели. Однако судьба оказалась благосклонна к нему...

Второй представленный в сборнике дневник охватывает не только события, развивающиеся в осажденном Ленинграде, но и за его пределами. Вместе с автором И. С. Волковым, преподавателем факультета инженеров пожарной охраны, из суровых будней ленинградской блокады мы отправляемся в эвакуацию в Баку...

Вторую часть книги составляют воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные в 70-е годы прошлого столетия бывшими ленинградскими пожарными, трудившимися в блокаду на разных участках огненного фронта. Они раскрывают перед читателями картины неимоверной стойкости, истинного героизма и самоотверженного труда пожарных и бойцов МПВО, отдавших все свои силы обороне Ленинграда. Это своеобразная блокадная книга ленинградских огнеборцев.

Представленные в сборнике свидетельства имеют огромную ценность, ведь написаны они непосредственными участниками тех страшных событий. Настоящий сборник «Забвению не подлежит» написан для того, чтобы помнили... Как сказано в легендарной «Блокадной книге»: «Надо же новым поколениям знать, чем все оплачено, надо знать не только о тех, кто воевал, но и о тех, кто сумел выстоять,

об этих людях, не имевших оружия, которые могли лишь стойкостью своей что-то сказать миру. Надо знать, какой бывает война, какое это благо — мир!»

«Профессия пожарных отнесена к самым опасным профессиям на земле. И в мирное, и в военное время пожарные находятся постоянно в боевой обстановке на грани между жизнью и смертью. Но то, что совершали ленинградские пожарные в течение девятист дней жестокой блокады города на Неве, было огромным человеческим подвигом», — из воспоминаний Бориса Ивановича Кончаева.

Явные опечатки и описки в материалах сборника исправлены без оговорок, однако ряд лексических особенностей, присущих языку авторов дневников и воспоминаний, сохранен. Пунктуация дана согласно современным требованиям русского языка. В круглых скобках курсивом помещены уточнения составителей.

Тексты дневников и воспоминаний снабжены краткими, необходимыми для лучшего понимания содержания, комментариями, расположенными для удобства читателей непосредственно в тексте. В конце сборника помещены список сокращений и список переименованных ленинградских топонимов.

Составители выражают глубокую благодарность и искреннюю признательность начальнику Главного управления МЧС России по г. Санкт-Петербургу Л. А. Беляеву и директору Общественного учреждения пожарной охраны «Добровольная пожарная команда Санкт-Петербурга» В. В. Лобану, а также коллективу Управления информационного обеспечения деятельности МЧС России ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу за личное участие и оказанную поддержку в издании книги.

ГЛАВА I
Блокадные дневники

«Сороковые, роковые...»

С. Г. Голубев,
заместитель начальника УПО
г. Ленинграда

*Мы жили,
Мы дрались,
Мы плакали, скрепя,
Мы голодали, нам бывало стужа.
Нам никогда не позабыть себя,
Не бронзовых – живых, простых, вечно живых.*

О. Бегалович

22 июня 1941 года. Воскресенье

С утра стояла солнечная теплая погода. Леся (жена автора дневника), В. П. Казьмин и я поехали в Петергоф, где предполагали провести день отдыха. В парке подошедший к нам пожилой мужчина сердито заявил: «Ну и гад Гитлер. С утра начал бомбить Киев. Вы слышали речь Молотова?»

Мы ничего не слышали. Сообщение неизвестного поразило нас. Ошеломленные известием, мы побежали к репродуктору. Из речи В. М. Молотова, которую мы слушали издали, стало понятно, что сегодня в 4 часа утра немецкие войска перешли нашу границу на пространстве от берегов Балтийского до берегов Черного морей. Вражеская авиация бомбардировала города Каунас, Киев, Житомир, Севастополь и др. Более двухсот человек убитых. В 5 часов утра посол Германии фон Шолленбург вручил Молотову ноту о военных действиях, обвиняя СССР в несоблюдении договора, в частности, в сосредоточении на границе с Германией наших войск. Наше правительство дало приказ Красной Армии отбить наступление и изгнать противника из пределов нашей родины.

Всюду народ оживленно обсуждает события... Из пригорода люди бросились в город. На вокзале множество людей. В вагонах теснота невероятная. Ехали, тесно прижавшись друг к другу. Люди взволнованно обсуждали события. В Ленинград приехали к вечеру. На улицахлюдно. Местами встречаются семьи, провожающие мужчин, направляющихся в военкомат. По радио ежеминутно передают

патриотические песни, музыку, речь В. М. Молотова, первые сообщения о том, как встретили на заводах сообщение о войне. Некоторые неустойчивые и малодушные люди бросались в сберкассы и магазины.

Я пошел в свой техникум. Там все уже пришло в движение. В течение десяти часов сделано бомбоубежище в туннелях под зданием. Вечером послали в парк слушателей отрывать щели в земле. Сегодня самый длинный день в году. Завтра он будет убывать. Ночью огни не зажигали. Об этом было предупреждение из штаба МПВО (местной противовоздушной обороны). Люди носят при себе противогазы. Всем выдали индивидуальные пакеты. Ожидаем нападения с воздуха. В 23 часа по радио передали Указы Президиума Верховного Совета:

1. О введении военного положения в девятнадцати областях и республиках.

2. О мобилизации четырнадцати возрастов рождения с 1905 по 1918 годы включительно.

3. О передаче власти в ведение Военных советов округов или старших войсковых начальников.

4. О революционном порядке в военное время.

5. Об утверждении Положения о военных трибуналах и подсудных дел.

Итак, мир социализма столкнулся в решительной борьбе с миром капитализма, в борьбе с сильным противником. Мы вступили в Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

23 июня 1941 года. Понедельник

Почти всю ночь не спали. В 2 часа 30 минут была объявлена в городе учебная воздушная тревога. Самолеты «противника» прорвались к городу. Была слышна стрельба зенитных орудий. На фоне облаков были видны вспышки рвущихся снарядов. Над городом непрерывно дежурят в воздухе истребители и разведчики. Их не видно. Они где-то на огромной высоте. Только глухой гул доносится на землю.

Утреннее радио передало, что вчера в первую половину дня вражеские войска вторглись на нашу территорию, но встретили отпор передовых частей Красной Армии. Сбито за день шестьдесят пять самолетов противника. На заводах и фабриках идут митинги. Всюду по стране огромный патриотический подъем. Много добровольцев.

Вчера английский премьер Черчилль выступил по радио и обратился к народу Англии по поводу нападения Германии на СССР. Обещал нам помощь техническую и экономическую. Обещал бить немцев до конца. Речь хорошая. Посмотрим, что будет на деле.

Сегодня наши слушатели целый день устраивают окопы-щели в городском парке. Получилась сложная система укрытий. Сделали тридцать два пятиметровых окопа глубиной по 1,8 м каждый. Внутри облицевали досками, сделали дренаж и крышу. Там могут укрыться до трехсот человек. Местные власти одобрили качество работ. Патриотический подъем все возрастает. В военкоматы поступает много заявлений с просьбой послать на фронт. Заявления подают также в парткомы, райкомы, в комсомольские администрации. Пишут взрослые и подростки, мужчины и женщины, парни и девушки. Дважды орденоседец инженер И. С. Нестеров и его жена М. Н. Нестерова оба пришли в военкомат с просьбой зачислить их в действующую армию. Д. К. Лебедев в 46 лет пишет: «Даю клятву быть честным, мужественным и безукоризненно исполнительным бойцом». Шесть школьников — Ю. Гюппенен, Н. Минин, А. Смирнов, Г. Розен, В. Беленький,

В. Гульяев просят зачислить их добровольцами в одну часть. Подали заявления пять девушек, недавно окончивших школу. Некоторые отказываются от очередных отпусков. Рабочие на заводах высказались за удлинение рабочего дня. Приходят в цеха на работу в выходные дни и становятся к станкам. Некоторые удваивают выработку на производстве. Взамен мужей идут на заводы жены. Вечером по радио выступали с речами и призывами И. Д. Папанин, А. Г. Стаханов, М. А. Шолохов, В. И. Лебедев-Кумач, некоторые академики.

На нашей улице большое оживление. Весь вечер и ночью шли на север воинские части. Шла пехота. Шумно проносились броневики и танки. Впервые мы увидели миниатюрные танкетки-тягачи с прицепами-противотанковыми пушками и боевыми расчетами бойцов. В обе стороны ездят военные автомашины самого различного назначения: бензозаправщики, авиастартеры, трехосные автомобили с зенитными пулеметами и т. д. Ночью над городом появилась масса воздушных заградителей. Между некоторыми из них протянуты тросы и сетки.

Началась смывка населения с красноармейцами. На улицах окружают бойцов и оживленно беседуют. Боец дал мальчику письмо и попросил опустить в почтовый ящик. Мальчик стремглав бросился исполнять просьбу, предварительно лихо откозыряв бойцу.

Вечернее радио сообщило о зверствах фашистов в Югославии, Норвегии и в других оккупированных странах. В Белграде патриоты убили двух немецких солдат. Немецкий начальник гарнизона приказал расстрелять 100 сербов и в приказе объявил, что в дальнейшем будет расстреливать 100 сербов за каждого немца.

«Ленинградская Правда» вышла сегодня в понедельник, хотя раньше в этот день ее не выпускали. В заголовке крупно написано: «Вчера в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну. Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье фашистское нападение,

ГЛАВА I. Блокадные дневники

изгнать германские войска с территории нашей Родины. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». В передовой под заголовком «Враг будет разбит» газета писала: «Война началась. Красная Армия и весь наш народ поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу. За свободу, за честь, за Родину грудью встанет весь наш великий 193-миллионный народ. Наше дело правое. Наше дело победит». Опубликованы Указы Президиума Верховного Совета, речь В.М. Молотова, резолюции и высказывания на митингах.

Рабочие заявляют: «Мы будем трудиться с утроенной силой; не только молодежь, но и мы, старики, пойдем в бой. У нас есть, кому воевать, есть чем воевать». Вот заголовки статей и заметок:

— «Кировцы выполнят свой долг перед Родиной».

— «Железнодорожники помогут красным бойцам разгромить врага».

— «Нанесем сокрушительный удар врагу».

— «За победоносную Отечественную войну».

— «Для фашистов у нас найдутся смирительные рубашки».

Поэт Н.С. Тихонов в стихотворении «Не отдадим» пишет:

Пусть знает враг, на нас войной идущий,
Поднявший меч на наш простор цветущий,
Что ждет его лишь гибель впереди —
Мы ничего ему не отдадим.

Весь день по радио передавали патристические и военные песни, марши. На киноэкраны выпущены картины: «Александр Невский», «Линия Маннергейма», «Всадники», «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок» и другие.

24 июня 1941 года

Сводка с фронтов. По всему фронту немцы стремились развивать наступление. Особенно яростные атаки были на Владимирско-Волынском и на Шаурийском направлениях. Нашей артиллерией уничтожено триста танков. Сбит пятьдесят один самолет. Один самолет у Минска посажен на землю. Противник занял Ломжу, Брест. Сегодня вызвали в домоуправление и попросили освободить две комнаты для размещения семей пограничников, которые эвакуированы с границы. Требование выполнил. Освободили по одной комнате тов. Блейхман и Тимошенко. Ждем новых квартирантов. В доме сегодня стали готовить в подвале бомбоубежище. Часть сараев в подвале отвели под него.

Первые дни войны. Люди несколько дезориентированы. Много разговаривают, мало работают. У всех нервное напряжение. Все чувствуют серьезную опасность от налетов противника. Ночевал в кабинете. Жена дома одна. Бойтся. В квартире нет радиорепродуктора. Можно проспать воздушную тревогу (ВТ). Поэтому

Леля не спит. Заметно нервничает. Мне хочется ей помочь, но не знаю как. Сам все время нахожусь в техникуме. Совершенно не знаю, как она ведет себя во время воздушной тревоги.

По воздушной тревоге у нас все бросают работу. Кто прикреплен к командам ПВО или в опернаряд, идут на свои места. Остальные же или бродят по коридорам, или идут в бомбоубежище. Мне кажется, что зря люди бросают работу по ВТ, находясь в здании. Если будет реальная угроза, то можно будет людей послать в бомбоубежище. А так зря пропадает очень много рабочего времени.

Стоят светлые ночи. Это нас спасает от бомбардировок города, так как самолеты противника перехватываются нашей истребительной авиацией где-то далеко за городом.

М.П. Блейхман (возглавлял Ленинградский пожарный техникум) прислал телеграмму, что 26 июня возвращается из Сочи. Из отпусков всех возвращают.

25 июня 1941 года. Среда

Образовано Информационное бюро СССР. Сводки идут от его имени. Сегодня передали по радио, что противник нажимает на всех направлениях фронта. Создана угроза городам Каунас, Вильно, Гродно, где идут ожесточенные бои. Красная армия пока сдерживает напор. Наша авиация бомбила трижды Кенигсберг, Данциг, Варшаву, Люблин, Констанцу и Сулин (в Румынии). В Финском заливе потоплена неприятельская подлодка. Противник бомбардировал Кандалякшу (24 июня), сбросил бомбы у Кронштадта и на Карельском перешейке.

В США, видимо, вступление в войну Германии с СССР встречено ликованием. Сняты санкции (запреты, ограничения) на фонды СССР. Рузвельт объявил о всевозможной помощи СССР со стороны США. Английская печать сочувственно отзывается об СССР.

Сегодня с утра были две ВТ, длившиеся по 40–60 минут. Самолеты противника над городом не появились.

Выяснилось, что у нас во дворе, в здании техникума живет чистокровная немка, жительница Берлина, женщина с образованием, домашняя работница преподавательницы литературы Мудровой. Муж этой «работницы» в ссылке на десять лет, зять тоже. Немедленно выселили.

26 июня 1941 года. Четверг

Ночь спали спокойно. Тревоги не было. Стоит прекрасная солнечная погода. Не верится, в такую погоду люди на западе не наслаждаются природой, а убивают друг друга. Однако это факт. Законы войны неумолимы.

В сегодняшней сводке указывается, что противник продолжает давление по всему фронту. У Вильно ему удалось продвинуться в пригородный район. Всюду идут ожесточенные бои с применением всех видов оружия. Сбито свыше семидесяти самолетов противника. Наша авиация бомбардировала аэродромы Финляндии, г. Мемель, военные суда, Констанцу.

Мобилизация продолжается.

Вчера в городе были две тревоги. В первую прорвались у Выборга двадцать

Турецкий посол Хайдар Актай посетил Молотова и передал ноту о нейтралитете Турции в войне.

Румыния и Финляндия предоставили свои территории немецким войскам и выступили по существу без объявления войны СССР.

Немцы стали сбрасывать по пять–десять парашютистов–диверсантов, одетых в форму советских милиционеров. После сообщения об этом по радио население стало внимательно присматриваться к милиционерам. За городом, на перекрестках дежурят лица начсостава милиции. Для борьбы с диверсантами созданы в тылу батальоны, подчиненные НКВД.

Мы вообще стали подозрительно ко всему относиться. Вчера мимо нашего дома проехала желтая автомашина ЗИС–101, а за ней гнался милиционер на мотоцикле с револьвером в руке. Вот сейчас, в 3 часа ночи, проехал мимо дома грузовой автофургон и пролил какую–то жидкость. След от нее маслянистый, пло испарение, пахнет хлором. Проба на лакмусовую бумагу дала положительную реакцию. Бумага пожелтела. Подозрение на фосген. Вчера в районе колхоза «Рот фронт» в Стрельне, где живут немцы–колонисты, найдена немецкая автоматическая винтовка. Идут парашютистов. Пока не нашли.

пять самолетов, во вторую — девять у Териоки (Териоки — ныне город Зеленогорск). Самолеты были отогнаны.

Вчера в английском парламенте обсуждался вопрос о политике в отношении СССР. Докладывал Иден. Политика наметилась благожелательная. Иден сообщил, что правительство СССР согласилось на посылку Англией военной и экономической миссий. Итак, наметилось военное сотрудничество СССР с Англией и США.

Получили указание из УУЗа (Управление учебными заведениями) о выпуске досрочно слушателей второго курса без экзаменов. Через четыре месяца должны выпустить и первый курс. 10 июля приедет пополнение для годичного обучения. В ноябре (наверное) прильют еще на первый курс. Мы уже

ГЛАВА I. Блокадные дневники

начинаем привыкать к военной обстановке. Уже нет той нервозности, как это было 22 июня. Люди спокойно работают. Каждое утро в 6 часов слушают сообщение Советского Информбюро. Все высказывают негодование по адресу Гитлера. Все понимают, что германский народ не против нас. Как жаль, что этот прекрасный, умный, энергичный и культурный народ позволил командовать собой такому чудовищу, как Гитлер. История не простит ему кровожадности.

27 июня 1941 года. Пятница

Противник продолжает теснить наши войска. Действуют преимущественно бронетанковые и авиационные войска. Красная Армия сдерживает напор и контратакует части противника. Наша авиация бомбардировала Бухарест, Констанцу и нефтепромыслы в Румынии.

Выяснилось, что в каждом румынском полку находится по сорок немецких солдат и офицеров. Сзади румынских частей находится артиллерия.

В Балтийском море потоплены две подлодки противника.

Немцы посылают в бой пехотные части, одетые в форму красноармейцев. Коварство на каждом шагу. Спускают по четыре-шесть парашютистов с радиостанциями.

Радио сообщило, что немецкая подлодка потопила в сорока милях от берегов Турции турецкий пароход, на котором ехали сто морских офицеров. Так Гитлер практически реализует пакт о дружбе с Турцией.

Иранский посол Мохамед Соед передал ноту СССР о нейтралитете Ирана.

Ночь прошла спокойно. Хотя погода была благоприятна для налета на город. Я ночевал в кабинете. В 3 часа ночи приехал М. П. Блейхман. Поезда стали ходить с перебойми. Железные дороги заняты перевозками войск и боеприпасов.

Днем радио сообщило, что румынское правительство покинуло Бухарест и выехало в неизвестном направлении. За ними последовали дипломатические представители.

Наш посол в США Уманский посетил Государственный департамент и уведомил о нападении Германии на СССР. В ответной речи зам. Госсекретаря Уэллес

не умереть ему своей смертью. Мы поможем ему уйти поскорее из жизни.

Вечером передали по радио Указы Президиума Верховного Совета о пособиях семьям ушедших в армию, о бесплатной передаче бойцам обмундирования, об отмене очередных и дополнительных отпусков, о праве директоров на сверхурочные работы от одного до трех часов с оплатой в полуторном размере.

заявил, что всякая просьба СССР будет рассмотрена немедленно и в максимально дружественной атмосфере.

На имя В. М. Молотова поступила следующая телеграмма из Лондона: «Англо-русский парламентский комитет выражает возмущение неспровоцированным нападением гитлеровской Германией на СССР. Комитет уверен, что советские вооруженные силы отбросят назад и уничтожат легионы нацистских гангстеров. Комитет сделает все, что окажется в его силах, для того чтобы проследить за оказанием Англией всевозможной помощи СССР, прилагающему все усилия, чтобы избавить мир от нацистских преступников».

Англия тратит в день на войну 10250 тысяч фунтов стерлингов.

Польша Юлия Барлицкая, прибывшая в Москву 26 июня, сообщила: в Варшаве населения полтора миллиона человек. Живут очень плохо. Нет жиров, мяса, молока, сахару. Поляков бьют, иногда убивают. Немецкие власти запретили лечить еврейских детей до трехлетнего возраста и стариков старше шестидесяти лет. Евреев подвергают насильственной стерилизации. Город разделен на три части: немецкую, польскую и еврейскую. Режим соответствует национальности. Поляки получают в день по 350 гр. хлеба, евреи — по 750 гр. в неделю. Польшу ограбили. Вывезено заводское оборудование, продовольствие, разные товары, белье, одежда. В квартирах даже снимали клеенки со столов.

Положение в Словакии не лучше. Закрываются фабрики из-за неимения сырья. Кожевенная и текстильная промышленность

не работает. В «Правде» от 26 июня помещена интересная статья Александрова «Фашизм — лютый враг человечества». Он пишет: «Германией правят «завсегдатаи кабаков и участники почти всех преступлений, совершенных в Германии за последние годы. Страна, давшая миру Гете и Лессинга, Гейне и Бетховена, Гегеля, Маркса и Энгельса, теперь вынуждена под страхом штыка и виселицы переносить кровавые оргии своих столь же наглых, сколь и недалёковидных правителей. Гитлеровские преступники вовлекли в войну большинство населения земного шара»...

Люди, которых проклинают и будут проклинать миллионы, имена которых народы будут всегда произносить с ненавистью и чувством величайшего омерзения — Гитлер, Геринг, Геббельс, Фрик, Риббентроп и др. — это выродки с темным разнообразным прошлым.

По Гитлеру, «понимание масс ограничено, их разум мал», народ «сам по себе ленив». Геббельс призывал «снова обратиться к самым примитивным инстинктам масс». «Разрушение, истребление, уничтожение! Концлагерь, виселица, расстрел!» — вот наиболее часто встречающиеся слова в речах и статьях правителей Германии. Война для них — нормальное состояние человечества. Жизнь — есть война. Гитлер однажды сказал: «Война — это я».

Фашизм — главный враг всех народов и государств. Цель его: уничтожение национальной самостоятельности и целостности народов и государств.

Вечернее радио передало о некотором отступлении наших войск в минском направлении. Идут ожесточеннейшие бои. Наша авиация бомбардировала румынские города и нефтепромыслы.

В связи с выброской противником парашютистов в форме милиционеров в городе происходят курьезы. Население стало подозрительно относиться к разным людям. Вот факты... В Колпино инструктор горкома партии направлялся на радиостанцию и, не зная адреса, спросил об этом мальчика. Последний заподозрил его, собрал других мальчишек, и они забросали камнями и заплевали инструктора. На одной из улиц Ленинграда заподозрили инженера, составлявшего записи на улице для сметы на стройку. Его чуть не избили, не поверили ему и тогда, когда он показал паспорт. Проводили до места службы. Отпустили, к сожалению, убедившись, что он не немец. Мой помощник, майор Сутулов, был у трамвайной остановки. Женщины пригласили его для проверки документов у подозрительного человека, севшего в трамвайный вагон. Проверили, оказался рабочий завода «Электросила».

На курортах, как оказалось, была паника 22 июня. Все почувствовали, что им надо немедленно ехать к месту работы, но не знали, как уехать. М. П. Блейхман, начальник Ленинградского пожарного техникума, ехал в купе в числе десяти человек. Спал в багажной конуре наверху. Многие сидели на чемоданах в коридоре вагона. В бесплацкартных вагонах вообще была страшная толчея.

28 июня 1941 года. Суббота

Вчера возвратился в Москву посол Англии Крипс. С ним приехала военная миссия в составе генерал-лейтенанта Мэсона Макфарлама, контр-адмирала Майлса, вице-адмирала Колбера. В этот же день миссия была принята В. М. Молотовым.

Вчера калмыки провожали мобилизованных в Красную Армию сыновей калмыцкого народа. Работница сказала трогательную речь. Герой Советского Союза Шевченко со своим подразделением сбил двадцать два самолета противника. По радио выступал брат Николая Щорса. Он артиллерист и инженер-технолог авиации. Поехал

на фронт. На текстильную фабрику пришла пенсионерка-ткачиха Кранивенцева, 60 лет, и попросила допустить ее к станку. Колхозницы-девушки и женщины усиленно изучают тракторы и комбайны, заменяют мужчин, ушедших на фронт. Много русских эмигрантов в США подали заявления о вступлении добровольцами в Красную Армию, желая защитить свое отечество. Прошли слухи, что в Шанхае две-три тысячи русских белогвардейцев заявили желание пойти на фронт защищать свою Родину.

В оккупированных странах начались взрывы германских складов с боеприпасами.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Взорван склад в Голландии, склад в Греции. Сегодня артист Каминка читал фельетон Заславского о том, что в Германии спешно готовятся цари для России. Был претендентом на престол Кирилл. Он умер. Дочь его Кира вышла замуж за кронпринца. Гитлер сначала поставил на престол России младшего брата кронпринца. Но тот не знает русского языка. Тогда решили назначить царем младшего брата Киры. Бедная Россия, вот до чего дошло!

Ночь работали в Государственном Эрмитаже. Послали сто двадцать пять слушателей техникума. Упаковали все ценности. Их снесли в безопасное место. Работами руководил зам. наркома государственной безопасности комиссар госбезопасности 2-го ранга Павлов. Мы долго с ним разговаривали. Он нас с М.П. Блейхманом познакомил с директором Эрмитажа Орбели — братом известного академика Орбели — физиолога, ученика и продолжателя дела И.П. Павлова.

Правительство умно поступает, что готовится к сохранению культурных ценностей. Известные памятники, шедевры русских скульпторов, памятники Петру I, Николаю I, Суворову и др. защищаются специальными футлярами из дерева с толстой песчаной прослойкой. Мы видели, как одевают в дерево памятник Суворову у Троицкого моста (*памятник полководцу во время войны оставался открытым*), колонну Славы на площади Урицкого (*ныне Дворцовая площадь*).

Сегодня мы дважды проехали по городу. Всюду ведется подготовка на случай бомбардировки города с воздуха. Надо ожидать, что коварный враг бросит на город Ленина сотни бомбардировщиков, как только это найдет выгодным для себя. Стекла во всех домах заклеены бумажными полосами. Это даже украшает здания. В окнах появились симметрические узоры, дома как принарядились. В скверах и на площадях лежат, блестя на солнце, баллоны заграждения. На площади «Жертв революции» (*Марсово поле*) и в других местах установлены зенитные орудия и пулеметы. Окна подвальных этажей, превращенных

в бомбоубежища, плотно закрыты кирпичами или мешками с песком. В скверах и вообще на свободных местах вырыты и роют убежища от бомб. Мобилизовано на это население.

Согласно постановлению Ленсовета, неработающие на предприятиях и в учреждениях привлекаются на восьмичасовую работу семь дней подряд, после чего четыре дня дается отдых. Работающие на предприятиях, за исключением оборонных, привлекаются на три часа работы.

Запрещено фотографирование, въезд в город не прописанных, передвижение от 24 ночи до 4 часов утра.

Людей на улицах мало. Даже Невский проспект опустел. У райвоенкомата много провожающих на фронт мобилизованных. Это преимущественно женщины. По улицам бодро шагают отряды войск, учащихся, трудящихся, идущих на работу, членов санитарных дружин. Ленинград с величайшим спокойствием готовится к отражению нападения и с воздуха и с земли.

Вечер. Слушаем радио. Сводка сообщает: на минском направлении разгромлен штаб вражеского корпуса, захвачены оперативные документы, взят в плен генерал. На Луцком и Львовском направлении атаки отбиты. В остальных местах граница удерживается. Наши войска перешли Дунай и вторглись в Румынию. Один наш летчик вынужденно сел на территории противника. Однако снова взлетел и благополучно вернулся на свой аэродром. Колхозники поймали группу парашютистов-немцев, а на море поймали летчиков, севших на море и удиравших в резиновой лодке. Советский летчик лейтенант Ермак — смелый истребитель. Он уже сбил пять неприятельских самолетов. Родина должна отметить его подвиг!

У меня в квартире поселили семью командира-пограничника из Таллина. Приехала женщина с ребенком и сестрой — трое. Ее звать Любовь Ивановна, сестру — Марина Ивановна, трехлетнего сына — Эдик. Фамилии не узнал. Поселили их в спальне. Сами перебрались в столовую.

29 июня 1941 года. Воскресенье

Начинаю запись со сводки Совинформбюро. На Минском направлении, Луцком направлении наши войска отступили. Идут тяжелые бои. На Львовском направлении сейчас идет бой танков. С обеих сторон участвует в бою свыше четырех тысяч танков. Это величайшее сражение техники. Наши войска вчера подбили около трехсот танков. На остальных участках фронта граница удерживается.

Зам. зав. информбюро т. Лозовский провел первую пресс-конференцию для иностранных журналистов и корреспондентов. Он отметил следующие три факта:

I. С первого января по 22 июня 1941 года немецкие самолеты свыше трехсот двадцати четырех раз перелетали нашу границу. Иногда самолеты залетали на 100—150 километров вглубь страны. Наши самолеты за это время ошибочно залетали восемь раз.

II. Заявление ТАСС о соблюдении Германией своих обязательств было сделано преднамеренно, чтобы заставить Германию выполнить свои обязательства. Но это заявление в Германии или вассальных государствах не было опубликовано.

Один наш летчик-герой истребитель сегодня врезался в середину строя вражеских бомбардировщиков снизу и разогнал их.

Колхозники задержали группу диверсантов в пятьдесят человек. Батальон НКВД уничтожил тридцать два, а остальных взял в плен. Думали ли когда-нибудь фашисты, что им придется воевать не только с Красной Армией, но и с гражданским населением?

А вот еще для нас обычный случай: в районе Коуволы группа финских солдат перешла на нашу сторону.

На западном фронте сел на нашем аэродроме немецкий бомбардировщик. Экипаж перешел на нашу сторону и написал воззвание! В какую войну такое наблюдалось?

Рабочие и работницы на наших заводах показывают невиданные образцы производительности. Некоторые рабочие выполняют по две-три нормы.

Вот военные эпизоды. Летчик Тихомиров нагнал вражеский самолет и из-за неимения патронов врезался в противника и сбил его. Самолет Тихомирова тоже погиб, однако сам летчик благополучно спасся на парашюте. Тихомиров проявил беспримерный героизм!

Вчера Венгрия объявила себя в состоянии войны с СССР! Вчера у нас в доме возникли слухи, что семьи пограничников подлежат эвакуации в Саратов, Ярославль и другие места. Кое-кто стал готовиться.

Стало известно, что властями решено эвакуировать из Ленинграда четыреста тысяч детей до трехлетнего возраста. У нашего зам. начальника техникума по политчасти И. И. Тимошенко эвакуируется старшая дочь Аллочка. Мой помощник Ф. Б. Зильберштейн категорически отказался эвакуировать свою дочь Ирину до получения приказа. Говорят, сегодня с Октябрьского вокзала (ныне Московский вокзал) отправили первые эшелоны детей. Среди матерей царил растерянность, обильные слезы. Но как же могло быть иначе?

30 июня 1941 года. Понедельник

Сводка с фронтов неутешительная. Финско-немецкие войска по всему фронту от Баренцева моря до Балтийского вчера пошли в наступление, однако везде были отбиты.

На участке Вильно-Шауляй наши войска отступают. На Минском направлении продвижение противника приостановлено. Вклинившиеся танковые части отрезаны и их бомбят наши самолеты. На Луцком направлении третий день продолжается сражение крупных

масс танков. На западном фронте противник сосредоточил против нас свыше ста семидесяти дивизий — это около 3 млн 500 тысяч человек, из них 1/3 мотомеханизированных частей. Нашими войсками оставлены города Брест, Белосток, Вильно, Каунас, Гродно.

Б. Розанов поместил в «Красной звезде» статью «Варвары». Он пишет: «Один из фашистов писал: первобытное варварство, скрытое и скованное в течение столетий

ГЛАВА I. Блокадные дневники

под строгими формами высокой культуры, теперь пробуждается. Мы считаем наилучшим боевым кличем, провозглашенным в последние годы — назад к варварству!» Второй мракобес и людоед писал: «Больше всего страдают от воздушных бомбардировок наиболее густонаселенные районы городов. Поскольку эти кварталы населены бедными людьми, не обеспеченными в жизни, то общество освобождается с помощью воздушных бомбардировок от этих людей». Фридрих II когда-то сказал: «Если Вам нравится чужая провинция, и вы имеете достаточно силы, занимайте ее немедленно» — вот лозунг фашистов, которые прославляют Фридриха II.

Гитлер истерически кричит: «По следам тевтонских рыцарей, вперед на Восток!» Но он, видимо забыл, как русский народ встретил псов-рыцарей!

Илья Эренбург был в одном из французских городов на берегу Лауры, когда туда пришли немцы. Он видел, как обращались немцы с французами. И. Эренбург свидетельствует, что к нему подошел немец, принявший его за француза, и сказал: «Ваша страна очень красивая. Теперь мы наведем порядок. Так сказал фюрер. Конечно, воевать никому не хочется. У меня в Касселе жена, дети. Но без нас

порядка не будет. А через год мы справимся со всем. В августе мы возьмем Лондон, так сказал фюрер. Потом пойдем в Россию. Там Украина, много хлеба. У нас трудно. Жена из Касселя просит посылочку. Я взял здесь окорок: если примут посылку — пошлю окорок. А в России много всего. Мы там наведем порядок».

Старые германские империалисты говорили: «Славяне — это только удобрение для немцев».

Наши люди непременно проявляют чудеса храбрости. Вот несколько примеров, которые нельзя было не запомнить. Младший лейтенант Яковлев во время боя с самолетами противника внезапно нырнул вниз, а затем снизу врезался в строй вражеских бомбардировщиков и заставил метким огнем уничтожить пятнадцать солдат противника. Стрелок-радист Беловеков получил четыре ранения, продолжал вести бой и успешно отразил вражеского истребителя.

20 июня в Финляндии была проведена всеобщая мобилизация, а 23 июня произведены первые разбойничьи нападения на советскую землю. 23 июня шесть немецких самолетов пытались бомбить Кронштадт, и вечером по всему фронту немецко-финские войска пошли в наступление, но не везде были отбиты.

1 июля 1941 года. Вторник

Мария прислала письмо. Леонида 24 июня призвали в армию. Уже уехал куда-то, она работает по одиннадцать часов на заводе. Хорошо, что Иру отправили в Курск. Там она со своими родными. Теперь бы ее эвакуировали наряду со всеми детьми. Мария не беспокоилась бы.

Наши квартиранты-таллинцы переехали в другую квартиру, в помещение освободившихся детских яслей. Мы остались одни. Стало скучно. Снова передвигаем мебель.

Семьи наших героев-пограничников, пока по непонятным для меня причинам, вчера спешно погрузили свой скарб на автомашины и уехали на вокзал. Говорят, их эвакуируют в Саратов и Ярославль. Что-то непонятное творится. Грузили тюки, сумки, швейные машины, велосипеды, ночные детские горшочки. Оставшиеся почему-то

недружелюбно провожали отъезжавших. Наверное, им нужно было уезжать, только нам это было не понятно. Приказало начальство, а ему виднее!

В утренней сводке передавали:

1. На Финском фронте все атаки отбиты. На Мурманском направлении идут упорные бои.

2. На Вильно-Двинском направлении враг нажимает в сторону Риги — на северо-восток. В бой брошены большие силы противника, намного превосходящие наши силы.

3. На Минско-Барановичском направлении силы танковых частей противника превосходят наши. Войска Красной Армии отходят на промежуточные рубежи. Идут ожесточенные бои.

4. На Пруте все атаки противника отбиты.

5. Потоплены две подлодки противника: одна в Балтийском, другая в Черном морях.

6. Красноармеец Измаилов, замаскировавшись, уничтожил одиннадцать финских егерей.

7. Танк под командованием сержанта Спиценкова прямой наводкой из пушки расстрелял пять немецких танков.

8. Дети, увидев, что над мостом летает самолет противника, сообщили об этом куда следует. Вскоре к мосту прилетели два транспортных самолета противника и высадили двадцать два диверсанта. Взвод под командой офицера Тарасова всех изловил и уничтожил.

Вчера решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома образован Государственный Комитет Обороны в составе: И.В. Сталин — председатель, В.М. Молотов — зам председателя, К.Е. Ворошилов¹, Г.М. Маленков, Л.П. Берия — члены Совета. К Государственному Комитету Обороны переходит вся полнота государственной власти. Комитету подчинены все советские, государственные организации, партийные и комсомольские организации, военные органы.

Газета «Правда» в передовой настойчиво призывает население к бдительности, дисциплине, организованности, борьбе с болтунами.

Интересен случай с майором Хрулевым. Он сел в трамвай № II, чтобы ехать в школу им. Куйбышева в Стрельну. Пересадку на трамвай № 28 нужно было сделать у Кировского завода. Хрулев спросил у кондуктора доедет ли он на трамвае до Кировского завода. Кондуктор ответил: «Не знаю». К их разговору прислушался воентехник. Он стал перешептываться с другими пассажирами. У Кировского завода Хрулев сошел с трамвая, не зная, на какой трамвай ему нужно садиться, пошел в проходную завода к милиционеру. Воентехник последовал за ним. Узнав номер трамвая, Хрулев быстро сел в трамвай и уехал. Через три остановки трамвай догнала грузовая машина, и из нее вышел воентехник. Затем он сел в трамвай.

Объяснение было у школы им. Куйбышева. Техник извинился и ушел. Его никто не осудил. Это было нормальным явлением. Много подобных случаев было в эти дни в городе. Бдительность нужна!

Опубликовано специальное обязательное постановление о ламповых радиоприемниках. Завтра свой СВД-9 отнесу в Райсвязь. Сегодня подал заявление о подводке радиоточки горсети.

Сегодня был в городе, на проспекте 25 Октября (ныне Невский проспект). Народу мало. Преобладают женщины. Редко встречаются военные — буквально единицы в поле зрения и то только что призванные. У всех хмурые сосредоточенные лица. Улыбок, смеха, шуток не слышно. Подозрительно поглядывают друг на друга. Движение уличного транспорта резко сократилось. Автомашин мало. В магазинах редкие покупатели. Товаров много, никто не покупает. Некогда, да и денег мало.

Ходил в сберкассе. Деньги дают по-прежнему. Никого у кассы не было. Взял 50 рублей. Купил за 22 рубля репродуктор. Пришла в сберкассе незнакомая женщина. В руках сторублевая облигация 1938 года. Сказала: «Хочу сдать». Служащая ответила, что принять не может, такое распоряжение. Женщина заволновалась: «Как же так! Ребятишки ведь, обносились! Что же это за обман. Ведь говорили, что в любое время можно вернуть. Ах, горе какое! Я понимаю, что тяжело всем, но мне-то как... Ребятишки ведь...» Она долго причитала, жаловалась, ни к кому не обращаясь, и ушла нетвердой походкой.

Мы никак не можем преодолеть какое-то индифферентное состояние. Все чувствуют опасность, тревожатся, гадают, обсуждают положение на фронтах, смотря на карту, которую вывесил капитан Шадрин в вестибюле, но нужной интенсивности в работе нет. Никак наши люди не могут определить, что сейчас главное, что надо делать в первую очередь. Указаний от центра и от партийных органов нет. Информация о состоянии фронтов не исчерпывает всех наших вопросов. До сего дня не было

¹ Ворошилов Климент Ефремович — главнокомандующий войсками Северо-Западного направления, командующий войсками Ленинградского фронта (с 5 по 14 сентября 1941 года), представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Волховском фронте (в феврале-сентябре 1942 года). Маршал Советского Союза.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

партсобрания, не было собрания сотруddников. Вчера мы даже ушли с работы в 20 часов, хотя раньше уходили позже. Нужно какое-то твердое указание свыше,

чтобы разбудить нас от спячки, дать какое-то твердое задание. Если надо готовить город к обороне, то нужно рыть окопы и т.д.

2 июля 1941 года. Среда

Сводка. Противник нажимает на Двинском, Минском и Луцком направлениях. Наши части, сдерживая отпор, отходят. Львов оставлен нашими войсками. На Мурманском направлении наши части ведут ожесточенные бои с превосходящими силами противника.

Сейчас фронт проходит вблизи старой западной границы, на линии Рига—Двина—Молодечно—Новогрудок—Пинск—Луцк—Львов—Перемышль. Передают по радио, что среди наших раненых нет ни одного раненого в спину. Бойцы проявляют чудеса храбрости, отваги и мужества.

3 июля 1941 года. Четверг

Утром тов. Сталин произнес по радио речь—обращение от имени Государственного Совета Оборонь. Вероломное нападение на СССР продолжается, хотя лучшие дивизии врага разгромлены.

Врагом захвачены Литва, значительная часть Латвии, западная Белоруссия, западная Украина. Враг бомбардирует города Мурманск, Одессу, Минск, Оршу, Смоленск, Киев, Севастополь, Могилев.

Непобедима ли армия фашистов? Непобедимых армий нет. Армия Наполеона была разбита. Армия Вильгельма была разбита англо—французскими войсками. Фашистские армии еще не встречали серьезного сопротивления в Европе. Теперь они его встретили.

Наша армия разбила лучшие немецкие части. Будут уничтожены все армии. Почему мы вынуждены были уступить некоторые территории и города? Потому что война началась в невыгодных для нас условиях. Наши войска еще не отмобилизованы, немцы же, скрыто и коварно подготовившись, бросили в наступление сто семьдесят дивизий. Немцы — сторона нападающая. Мы были миролюбивы и не могли быть вероломными.

Почему СССР пошел на заключение договора с Германией. Не было ли это ошибкой? Нет, ошибки не было. Мы заключили пакт о ненападении, пакт о мире. Мы не могли отказаться от пакта, раз шел разговор о мире.

Что мы выиграли от пакта?

1) Мы обеспечили мир стране на полтора года и за это время подготовились.

2) Германия за это время получила лишь некоторые выигрышные положения для своих войск, но проиграла политически, разоблачив себя как агрессора.

Военные победы немцев — эпизод. Гораздо важнее политическая победа СССР. Все передовые люди мира, в том числе и в Германии, считают наше дело правым, симпатизируют нам, клеймят позором фашистов. Схватка смертельна. Наши войска героически сражаются, преодолевая многочисленные трудности. В бой вступают главные силы Красной армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Отпор крепнет и растет. Поднялся весь советский народ.

Что требуется, чтобы разгромить врага?

1) Советские люди должны понять всю глубину, опасность от благодушия и беспечности. Надо идти к сознанию помогать защите Родины от врага действием, а не сочувствием.

2) Враг ставит целью восстановить царизм, власть помещиков и капиталистов, разрушение национальностей, онемечивание народов СССР, захват нефти и хлеба. Дело идет о жизни и смерти, быть свободными или впасть в порабощение.

3) Не должно быть трусов, дезертиров, не должно быть страха в борьбе.

Ленин говорил, что основным качеством советских людей является доблесть, храбрость и отвага. Это должно быть качеством миллионов масс, Красной Армии, флота и всего народа.

4) Все народы СССР должны подняться на защиту своих прав, своей земли, своей свободы. Отстаивать каждую пядь советской земли, бороться за города, проявлять смелость, инициативу, смекалку.

5) Всемерно помогать Красной Армии, пополнять ее ряды, снабжать всем необходимым.

6) Транспорт должен работать четко.

7) Помогать раненым.

8) Усиленно работать на всех предприятиях, выпускать больше танков, самолетов, пушек, снарядов, патронов, винтовок и пр.

9) Зорко охранять заводы, электростанции, связь, транспорт. Наладить МПВО.

10) Бороться с дезертирами тыла, с паникерами, шпионами, вражескими парашютистами. Помогать батальонам НКВД истреблять диверсантов.

11) Предавать суду всех паникеров и трусов, мешающих обороне страны.

12) При вынужденном отходе из городов все увозить с собой. Скот угонять. Хлеб

увозить. Увозить горючее, цветные металлы. Если увезти нельзя — уничтожать.

13) Создавать партизанские отряды, диверсионные группы для борьбы в тылу противника.

14) Создавать невыносимые условия для врага, всех уничтожать беспощадно, война не обычная, борется не армия, борется весь советский народ. Война отечественная.

Мы должны изгнать врага с нашей земли, помочь народам Европы освободиться от ига фашистов. Мы имеем сочувствие народов Европы, Америки, лучших людей Германии.

Выступление Черчилля и декларация американского правительства о помощи СССР вызывает чувство благодарности в сердцах советских людей. Наши силы неистощимы. Вместе с армией поднимаются миллионные массы нашего народа. Москва и Ленинград приступили к созданию народного ополчения. Поднимемся все на защиту Родины, чести, свободы. Все на войну с фашизмом!

4 июля 1941 года. Пятница

Начинаю эту страницу лозунгами, опубликованными в «Красной звезде».

— «Советский народ ведет священную Отечественную войну с фашистскими варварами. Воины Красной Армии! Уничтожайте вражеские полчища, громите гитлеровских налетчиков!»

— «Тройным сокрушительным ударом ответим на удар врага. На кровь ответим кровью. За каждую нашу жизнь возьмем десятки вражеских жизней! Сметем с лица земли фашистскую нечисть!»

Товарищ Сталин в заключение своей речи по радио 3 июля сказал: «Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного флота! Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Вот с этими мыслями все дни и ночи живет наш народ. Ох, узнает враг, что такое ненависть трудящихся нашей страны к фашистским варварам! Нас не смутят временные военные победы врага. Народ истребить нельзя. «Победы врага на фронтах — это эпизод», — сказал

тов. Сталин. Скоро увидим, какая будет развязка.

Обращение вождя всколыхнуло весь народ. В каждом честном сердце это обращение нашло благоприятный отклик. Меня эта речь воодушевила. Я не смущаюсь временными победами врага. Пусть пока не дошли главные силы на позиции, наша армия отступает. Но ведь идут ожесточенные бои. Враг теряет лучшие дивизии, лучшие танковые части. Ведь враг не имеет неистощимых ресурсов. Пленные говорят, что самолеты снабжают бомбами выпуска 1940 года, значит, все запасы уже истощены.

Сегодняшняя сводка неутешительная. Враг переправился через Двину у гор. Двинска и Якобштадта (город Екабпилс, Латвия). Бои идут на реке Березине, у Тернополья. Теперь линия фронта проходит через все пункты: Рига—Двинск—Борислав—Бобруйск—Ровно—Тернополь. В районах этих городов идут бои с превосходящими силами противника. Последний бросает в бой свежие силы. На полях боев лежат тысячи

ГЛАВА I. Блокадные дневники

трупов немецких солдат, дымящиеся танки, разбитые самолеты. Враг не выдерживает наших штыковых атак. Немецкие танкисты и летчики избегают боев с нашими танкистами и летчиками.

Наша страна встречает сочувствие всего демократического мира, всех трудящихся. Поступают многочисленные телеграммы из США, Англии, Южной Америки, Исландии, Австралии, оккупированных стран. Это сочувствие, моральная поддержка вселяют силы, радуют наши сердца. Моральная поддержка может перерасти в материальную.

Фашисты пытаются в оккупированных и подчиненных странах сформировать корпус добровольцев. Но это не удается. Шведские газеты опубликовали заявление комиссии «союза корпуса шведских добровольцев», в котором признается полная возможность организации корпуса. Завербовано сто человек. В Финляндию отправлено тридцать восемь человек. Провалилась вербовка во Франции, Голландии, Бельгии.

5 июля 1941 года. Суббота

Вчера произвели первый выпуск слушателей второго курса. Скромно, без пышных проводов выпустили досрочно девяносто командиров. Я сделал на собрании двадцатиминутный доклад о результатах учебы и о задачах молодых командиров. И. И. Тимошенко зачитал приказ по техникуму о премировании и на этом закончили. Скромно поужинали почти в гнетущей тишине. Сегодня наши питомцы уезжали к месту назначения. Тепло расстались.

Теперь задача в четырехмесячный срок подготовить по годичной программе I курса и I ноября выпустить его. Уже приезжает новое пополнение. Должны принять в июле триста слушателей и учить один год.

Ожесточенные бои идут на Полоцком, Островском, Лиепайском, Бобруйском, Могилев-Подольском, Новгород-Волынском, Кандалякском, Ухтинском и Кексгольмском направлениях. Наша авиация бомбардировала скопление мотомеханических сил врага и его аэродромы. Произошло большое сражение у села «Ш». Бой шел пять часов. Наши войска три раза ходили в контратаку, потом отступили на полтора километра.

Стрелковые части борются с танками при помощи бутылок с горючим и связок гранат. Подразделение капитана Морозова за три дня вывело из строя шестнадцать танков противника. Кавалерийский эскадрон уничтожил десант в сто пятьдесят человек. Колхозники днем и ночью дежурят на вышках, а дети — в скрытых местах, откуда наблюдают за воздухом. Поймали диверсанта, который сигнализировал ракетой место военного объекта.

В паровозе воинского эшелона провалился задний ряд колосников топки. На ремонт необходимо 5 часов. Рабочий депо И. С. Сигачев, облившись водой, влез в топку, отгреб горящий уголь и в 40 минут устранил неисправность. Поезд пошел по назначению.

Техникум упразднен. Теперь наше учебное заведение переведено на годичный срок обучения и называется «2-я пожарно-техническая школа ВПО НКВД». В ноябре переедет еще новое пополнение — второй поток в триста человек.

Пятьдесят танков противника прорвалось. Их окружила наша танковая часть и уничтожила. Потом она бросилась на основные силы врага — танки и пехоту, и разгромила их. Убито семь тысяч немцев, взято в плен полторы тысячи человек.

На пресс-конференции т. Лозовский заявил, что на нашем фронте немцы ежедневно в среднем теряют: людей шестьдесят тыс. человек, сто восемьдесят восемь самолетов и триста двенадцать танков.

В 10 часов 15 минут раздались сигналы ВТ. В небе над нашим зданием появились облачка от разрывов зенитных снарядов. Самолетов противника мы не видели. Отбой был в 10 часов 50 минут. По тревоге всех людей завели в бомбоубежище. Туда же завели людей, укрывшихся в подезде нашего дома. Инцидентов не было.

В 13 часов 5 минут прозвучала третья тревога. Слышна очень сильная стрельба зениток. Самолетов врага опять не видели. Отбой в 13 часов 55 минут. Речь т. Сталина стала достоянием народов за границей, особенно в Германии, Финляндии, Чехословакии, Польше, Румынии, Югославии,

Норвегии и т.д. Везде эта речь обсуждается. Заграничная печать сообщает комментарии речи отдельными лицами. Гарвин (Англия) пишет, что речь Сталина потрясла нацистов Германии. Знаменательно, что народ Финляндии, Румынии, Венгрии ненавидит немцев. Из Финляндии все больше поступает сведений о непопулярности финско-советской войны среди народа. Солдаты-финны открыто высказываются против немцев. В Финляндии стали находить трупы немецких солдат, убитых финнами. В тылу Финляндии

широко распространяются листовки, разоблачающие фашистов.

Наши части остаются в тылу у фашистов на захваченных ими территориях и ведут войну с войсками противника второй очереди.

Очередная ВТ произошла в 12 часов 24 минуты, окончилась в 12 часов 49 минут. Затем произошла тревога в 13 часов 19 минут, окончилась в 13 часов 38 минут. Самолетов над городом не было.

7 июля 1941 года. Понедельник

В 8 часов 20 минут была воздушная тревога. Продолжительность 25 минут. Самолеты противника над головами не появлялись. Вот уже целую неделю не было воздушной тревоги. Вчера я дважды наблюдал стрельбу зениток. Высоко в небе разрывались снаряды, образуя светлые облачка. Снаряды ложились кучно. Самолетов я не видел — слабо зрение, должно быть. Сегодня некоторые говорят, что вчера были сбиты два вражеских самолета. Чудно получается. Светит солнце. Тепло. Прекрасное июльское утро. Природа живет полнокровной жизнью. Из окна я наблюдал, как два воробья в нашем сквере хлопчут, подбирая на распаханной земле пищу. Молодой воробышек, смешно хлопая крылышками, прыгает вокруг матери. К ним издали крадется рыжий котенок. Сначала он бродил в бездумье, поставив вертикально хвост. Но, заметив воробьев, быстро прилег, вытянулся, опустил хвост и ползком стал подбираться к птичкам.

В то же время люди по сигналу воздушной тревоги бросаются ошалелые в подъезды. Наши слушатели и служащие бегут к бомбоубежищам. Вот к чему привели нас проклятые фашисты. Они отняли у нас радость мирной жизни. Превратили в животных, прячущихся в земляных норах. Животные, пользуясь благами природы, мирно живут, а мы, люди, поставлены в положение хуже зверей. Ох, дорого же заплатят за такую жизнь миллионов советских людей Гитлер и вся его собачья свора. Не уйти им от исторической расплаты!

Сегодня днем в рабочие часы было четыре воздушных тревоги. Первая с 8 часов 20 минут до 8 часов 50 минут, вторая с 11 часов 20 минут до 12 часов, третья с 12 часов 5 минут до 13 часов, четвертая с 15 часов 50 минут до 16 часов 30 минут. Самолеты над головами не появлялись. Изредка вдали слышалась стрельба зениток.

8 июля 1941 года. Вторник

День начался с воздушной тревоги. Ее объявили в 6 часов 25 минут, окончилась в 6 часов 55 минут. Как и вчера, самолетов не видели. Стрельбы не было.

К тревогам уже привыкли. Люди спокойно одеваются и уходят из квартир в убежища. Многие стоят у подъездов и на парадных крыльцах. Наша унитарная команда быстро приводит себя в боевую готовность. Сформировано пожарное отделение, вооруженное мотопомпой и другим инвентарем, химическое отделение, отделение наблюдения,

восстановления, связи, санитарное. Бойцы уже привыкли к своим обязанностям, быстро идут на свои места.

Сеня К., сын начальника Житомирской электростанции, встретил в лесу неизвестного, который попросил его указать, где нефтебаза и паровозное депо. Сеня привел врага к милиционеру.

Солдат Том Х, 25 лет, сказал: «Не помню случая, чтобы за все время службы в румынской армии я когда-нибудь был сыт. Только сейчас в связи с войной в румынской армии

ГЛАВА I. Блокадные дневники

ввели «усиленное» питание — солдат получает в сутки 500–600 гр. хлеба. Обед состоит из постного горохового или картофельного супа, второго блюда нет». Солдатам платят 2 леи в день, стоимость половины коробки спичек. Оккупировав Румынию, Германия ее ограбила вконец. У крестьян реквизировали хлеб, забрали остатки кукурузы.

Василий Р. сказал: «Солдатам не говорили правды, даже когда по приказу Гитлера нас гнали на войну в СССР. Нас подло обманули. Собрали нас человек сорок, и командир батальона объявил, что советская Россия решила вернуть Румынии Бессарабию, а Красная Армия начала отход к старой границе. Нам приказано перейти Прут, чтобы проверить, ушла ли Красная Армия, и организовать охрану добра от расхищения. Мы сели в лодки и стали переправляться через Прут. Лейтенант остался на берегу. Но когда

мы приблизились к советской земле, на нас обрушился ураганный огонь. Мы пытались бежать обратно, но, увидев, что окружены красноармейцами — сдались в плен».

Из нашего дома продолжается эвакуация. Уезжают в товарных вагонах. Формируют специальные эшелоны. Сегодня уехала с детьми Полина Тимофеевна Тимошенко. С ней поехала жена Фельдмана и семья Блюмберга. Поезд пошел в Куйбышев (*ныне Самара*), а им надо ехать в Свердловск (*ныне Екатеринбург*). Где-то надо пересаживаться. Хлебнут они горя. Наши коммунисты — Тимошенко и Фельдман переполошились. Если есть некоторые основания к эвакуации у Тимошенко (двое детей), то у Фельдмана этих оснований нет. Спасая шкуру, взрослый работоспособный человек уехал, покинув родной город, который, возможно, надо будет защищать от врага.

10 июля 1941 года. Четверг

В 8 вечера меня вызвал по телефону из Москвы т. Кудряшов. Интересовался ходом комплектации школы. Сообщил две новости: полковников Рякина и Ослоповского и воентехника Горохова призвали в армию. Кудряшов остался один в отделе. Вторая новость — возможно, в ближайшие дни УУЗ изменит свой адрес. Об этом мне надо узнать подробнее в Управлении НКВД области. Это, видно, предосторожность от бомбардировок Москвы авиацией противника.

Сегодня пришла в школу Ганебная, бывший секретарь начальника школы. Она эвакуировалась из Вильно. Ее муж на фронте. Уехал из Вильно 18 июня. На Вильно вражеские бомбардировщики напали в 20 часов 22 июня. Бомбардировка продолжалась до 6 часов утра. Самолеты шли волнами. Возникло много пожаров. Огромные

разрушения. Ганебная взяла чемодан, все другое осталось. Уезжали на грузовике. Население бежало, кто как мог. Поляки остались в меньшинстве. Евреи уходили в одном белье, кто-то с незначительным скарбом. До Минска ехали на автомобиле. В пути подвергались бомбардировкам и обстрелам с бреющего полета. 24 июня Минск, когда туда прибыла Ганебная, уже был бомбардирован. Вокруг станционного здания были разрушения. Погрузились в эшелон. В пути было несколько нападений вражеской авиации. Люди разбежались из поезда в лес, в поля, там их настигали самолеты и обстреливали из пулеметов. Некоторые из бежавших погибали. Матери потеряли своих детей, дети отбились от матерей. Было что-то кошмарное. Только 6 июля прибыли в безопасную зону.

11 июля 1941 года. Пятница

Почему-то московский диктор осекся на первом слове: «наступление на...» и минуты три играл будильник. Потом начали передавать сводку. Первый раз сообщили за все время, что на всем фронте ничего существенного не произошло. Не знаю, как его понимать? Ведь вчера шли ожесточенные

бои у Острова, на Новгород-Волынском направлении и т.д.

Наша авиация бомбардировала аэродромы врага и его мотосилы. Уничтожено двадцать восемь самолетов, потеряно шесть. В одном из пунктов враг бросил в наступление крупные силы. Наша артиллерия уничтожила

семьдесят танков. Обозленный враг после артиллерийской подготовки снова пошел в атаку. Наши еще уничтожили несколько танков, но затем отступили. В прорыв вошла дивизия врага. Ее окружили и разгромили. Захвачено двадцать восемь орудий, тридцать автомобилей, пятьдесят четыре мотоцикла. На поле боя погибло три с половиной тысячи врагов, захвачено две тысячи четыреста пленных.

Произошел следующий эпизод. На опушке леса стоял замаскированный танк под

командой Найдина. На узкой дороге показалось пятнадцать танков врага. Наши уничтожили головной танк, потом задний. Остальные оказались в ловушке, так как по сторонам дороги было болото. Экипаж нашего танка уничтожил все пятнадцать танков. Молодцы, ребята! Герои!

Захваченные на фронте немецкие пленные сообщили, что они прибыли из Северной Франции. Им говорили, что за десять дней разобьют Россию, а в августе они будут обедать в Лондоне. Вот тебе и победили!

13 июля 1941 года. Воскресенье

Стоит неимоверная жара. В помещении 30 градусов. Парит. Сильно все потеют. Время 12 часов 35 минут. Я сижу в школе. Внезапно раздаются вызывающие звуки заводских гудков и сирен. Включается радиостанция, и из репродуктора раздаются уже хорошо знакомые и заученные слова: «Передаем чрезвычайное сообщение штаба МПВО города Ленинграда. Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!» И вслед за этим угнетающие душу завывания сирены. И так три раза в день, а то и более.

Все бегут, кто на свои посты, кто в укрытие. И обязательно бегут, а не идут шагом. Мы пошли с Платуновым проверять пожарные посты на чердаке. Двое бойцов стоят на своих местах. На чердаке жарко и душно. Постовые сильно потеют. Мы вылезли на крышу. Невыносимо палит солнце. Смола на рубероидной крыше расплавилась и прилипает к подметкам. С высоты видна значительная часть города. Город-великан замер, будто притаившийся зверь, приготовившийся к прыжку. Не слышно обычных шумов. Приостановлен городской

транспорт. Трамваи и автомобили остановились там, где их застала тревога. Из фабричных труб лениво ползет дым и белыми столбами поднимается в небо. Прислушиваемся, но тишина ничем не нарушается. Самолеты над городом не показываются. Зенитная артиллерия безмолвствует. В эти минуты сотни тысяч людей напряженно всматриваются в небесную лазурь и ждут, мучительно ждут, когда появятся в этом удивительно прозрачном воздухе многочисленные птицы-стервятники и начнут терзать тело красавца-города, распластавшего свои могучие крылья в устье Невы.

Но и на этот раз опасность миновала. В 13 часов 17 минут был дан отбой.

Сейчас 15 часов, по московскому радио передали сообщение о заключении вчера в Москве соглашений с Англией о совместных действиях против гитлеровской Германии. Соглашением предусмотрена взаимная помощь и поддержка; в продолжение войны не вести переговоров иначе как с взаимного согласия. Соглашение вступает в силу немедленно и ратификации не подлежит.

19 июля 1941 года. Суббота

Идут упорные бои на Псковско-Порховском направлении и в других местах. Обе стороны несут большие потери.

Эпизод. Девять фашистских солдат перешли к нам. Они рассказали о массовом дезертирстве в армии. Ставят постовых, но иногда и постовые уходят. Дезертиры заманили шюцкоровцев в болото и перестреляли.

Конный партизанский отряд взорвал мост, а потом напал на фашистский обоз с боеприпасами. Конвой в двадцать четыре солдата и офицер уничтожены.

13 августа фашистские танкисты захватили трех юных партизан-разведчиков. Юноши ничего не сказали, хотя их пытали, а затем пытались раздавить и кляли под гусеницы танка. Александр Самохин долго находился

ГЛАВА I. Блокадные дневники

под танком, но так ничего и не сказал. Озверевшие фашисты привязали партизан за ноги к танкам и на большой скорости пустили машины сквозь кустарник. Изуродованные тела героев подобрали ночью партизаны.

Румынское радио сообщило, что на Карельском перешейке большевики якобы применили отравляющие вещества. Это ложь.

18 июля в Лондоне был митинг солидарности с СССР. На митинге выступали представители Индии, Западной Африки, с острова Кипр, Бирмы, Вест-Индии.

Из США сообщают, что в течение всей прошлой недели в Болгарии продолжалась мобилизация и концентрация значительных сил на турецкой границе. Турецкая «Тан» пишет: «Против кого готовится Болгария?»

Советский морской флот и его авиация полностью разрушили порт Констанца. Не намерена ли Германия ввести итальянский флот в Черное море под видом продажи его в Болгарии, или она хочет закрыть проливы и не дать выхода советскому флоту?

В Японии сформирован премьером Коноэ новый кабинет. Коноэ произнес речь.

Обещал «осуществить полное обновление национальной структуры в целях решительной и быстрой реализации установленной политики правительства в условиях становящейся все более угрожающей международной обстановки». Интересно, какую «политику» собираются реализовать японцы?

Происходит грызня в лагере противника. Венгрия по «арбитражу» Гитлера захватила Румынию и Трансильванию. Теперь Антонеску скулит и грозит. «Румыния не может больше терпеть того, чтобы оскорбляли ее армию. Такая позиция является абсолютно нелояльной со стороны государства, присоединившегося к тройственному союзу... Румыния сумеет ответить, если компания венгерской печати не прекратится», — так пишут румынские газеты.

Итальянские войска в Восточной Африке разбиты. Война закончилась. Из ста двадцати пяти тысяч итальянцев сто тысяч попали в плен, десять тысяч — убито. Англичане захватили триста пушек, несколько тысяч пулеметов, сто пятьдесят танков.

20 июля 1941 года. Воскресенье

Три дня тому назад мы хотели с Михаилом Петровичем Блейхманом отправить жен из Ленинграда. Я ходил за справками в здравпункт Московского района. Потом мы раздумали. Зачем им уезжать? Мы будем защищать любимый город — колыбель революции.

Леля изрядно поволновалась, долго плакала. В ней боролись два чувства — страх перед пленом, перед издевательствами фашистов, если враг сломит сопротивление наших войск и ворвется в город, и боязнь разлуки со мной, неизвестное будущее. Те, кто покинул Ленинград, немало испытывали горя. Любовь Ивановна Окоева, наша временная квартирантка из Таллина, вчера прислала письмо. Она вместо Саратова попала в глухое село Кировской области. Жизнь там после столичного города, конечно, тяжелая. Некоторые эвакуированные сидят на глухих полустанках неделями и ждут очереди к отправке. Эвакуированных очень много.

Из Ленинграда эвакуируют некоторые оборонные предприятия и учреждения. Наметили

к эвакуации академиков и профессоров. Но потом почему-то отложили на время эту эвакуацию. Предложили эвакуироваться народным артистам Александровой-Корчагиной и Самойловой, но они отказались.

Сводки по-прежнему скупы. Боевых эпизодов ежедневно передается по несколько, но положение на фронтах в одном абзаце.

Фронт навис где-то под Ленинградом. Отдельные люди передают, что дивизия ополченцев Московского района уже дважды была в бою где-то недалеко от Ленинграда в сторону Луги-Кингисеппа. Будто есть раненные. Но кто же может поручиться за правильность этих слухов. Во время войны публика падка на слухи и всячески их раздувает. Сводки по-прежнему сообщают, что ожесточенные бои идут на Псковско-Порховском, Полоцко-Невельском, Витебском, Смоленском и Новгород-Волынском направлениях. На Финском фронте спокойно. На юго-западном наши части проявляют активность.

Сегодня уже была тревога. Самолетов не видно. К нашему счастью, Ленинград еще ни разу не бомбардировали. Видимо, у врага уже не так жирно с самолетами. Сегодня за день было три ВТ. Кроме того, самолеты

появлялись над центром города. Действовали батареи, установленные на площади «Жертв революции» (ныне *Марсово поле*). Наш посол в Германии — заместитель народного комиссара иностранных дел Деканозов прибыл из Берлина.

21 июля 1941 года. Понедельник

5 часов утра. Уже вторая ВТ. Первая была в половине первого. Сейчас я видел двенадцать-пятнадцать самолетов врага. Они летели со стороны Пулкова вдоль Московского шоссе. Их отчетливо было видно в лучах солнца. У Пулкова самолеты попали в зону обстрела. Вокруг них стали рваться снаряды. Самолеты повернули на запад. Их начали обстреливать из многих батарей. Воздух насытился гулом от выстрелов и взрывов. Сотни светящихся точек возникли в небе подобно звездочкам. Потом светящиеся точки

превратились в белые дымки, которые окутывали вражеские самолеты. Так, постепенно удаляясь, самолеты скрылись от нашего взора. Вместо них над нашим домом долго проносились стаи скворцов и голубей, возможно, испуганные стрельбой. Мы шутиливо приравнивали их к строю самолетов. Вот время настало: строй птиц, испытанных представителей природы, мы сравниваем со строем искусственных птиц, порожденных гением человечества и обращенных в оружие истребления того же человечества.

22 июля 1941 года. Вторник

У нас несчастье. Леля утром сходила к врачу и ее немедленно направили в больницу им. Коняшина. При помощи т. Артемьева ее удалось положить в клинику Первого медицинского института. Я и Рубен Иванович Артемьев ее провожали. Там любезно приняли, хотя клиника полна больными. Говорил с зав. клиникой. Он заявил, что в сопроводительной бумаге лечащего врача помещены три диагноза. Это часто бывает у неопытных врачей. Вот, мол, обследуем, и тогда будет ясно, сколько она пробудет в клинике.

Я сразу почувствовал гнетущее одиночество. Мне делается очень грустно, когда я вспоминаю печальный взгляд жены. Она очень измотана работами по рытью окопов, стала очень нервная. Проклятая война сильно подействовала на нее. Какая-то обреченность проскальзывает в ее взгляде. Она часто плачет. Перед тем, как ехать в больницу, она несколько раз, плача, просила не бросать ее, если придется эвакуироваться из города. Она приходит в смятение, и ужас обрисовывается на ее лице при одной мысли, если ей придется встретиться лицом к лицу с фашистами, которые вселяют в нее страх. Проклятие этим извергам человеческого рода! Слов нет, чтобы высказать свое возмущение поступками фашистов.

Они теперь как саранча бросаются на Ленинград. Вчера было пять тревог. Радио сообщило, что группы по двенадцать-пятнадцать самолетов пытались вчера прорваться к городу, но наша авиация и артиллерия сбили одиннадцать, да еще восемь самолетов, потеряв четыре своих. Я лично видел группу черных немецких самолетов-хищников.

Вчера в 12 часов 45 минут впервые была бомбардирована Москва. Около двухсот самолетов пытались прорваться в город. Но удалось это только единицам. Есть раненные и убитые. Возникло много пожаров. Налет длился свыше пяти часов.

Фашисты думают поставить нас на колени. Не выйдет! Нельзя победить народ, из среды которого вышли Ленин и Сталин, Пушкин и Максим Горький, Мечников и Павлов, Чайковский и Глинка, Суворов и Кутузов.

Интервенты печатают оккупационные марки и на них «покупают» все, что есть в захваченных областях. В Париже один немецкий офицер «купил» девятьсот пар чулок. Багажные вагоны поездов, уходящих в Берлин, набиты товарами и посылками. Забирают все: от яиц до дверных ручек, от мыла до музейных картин.

Маршируя на площади Конкорд в Париже, фашисты пели: «Французы — дикие свиньи,

ГЛАВА I. Блокадные дневники

и мы их заколем! Мы умеем коптить окорока...». В Париже показывали для счастливостного французского населения кинокартину про бомбардировку Парижа, парад на Елисейских полях, расстрел беженцев на дорогах с надписями «вот судьба горделивой Франции».

Французы отзываются на такое поведение немцев. Из кафе «Даркур» выкинули с третьего этажа германского офицера, который оскорбил француженку. В квартале Сен-Поль ночью подстрелили двух оккупантов. В Сене возле Сен-Клу выудили труп немецкого полковника.

Заводы «Ситроен», «Рено», «Гном» немцы приспособили для ремонта самолетов. Парижские рабочие поработали на славу. Отремонтированные самолеты не летят, а танки не едут. Виновных не нашли. Французские патриоты передали по тайной радиостанции: «Пишите на всех стенах городов букву "V" — первую

букву слова "Победа" (по-французски)». Хотели проверить, много ли парижан слушают радиостанцию. Через три часа все стены были покрыты буквой «V» — ее писали мелом, углем, краской.

Немцы 10 мая вторглись в Бельгию. В стране царит полная растерянность и паника.

В Белграде хождение после девяти часов вечера запрещено. Неподчиняющихся просто расстреливают на месте без предупреждения. Всякий немецкий офицер имеет право брать к себе для мытья полов, стирки и вообще «домашнего обслуживания» еврейских девушек. В любом месте девушки могут быть задержаны денщиками и уведены к офицерам.

Оккупанты чувствуют себя во враждебном окружении. Ни один немецкий солдат не имеет право выйти в город без предупреждения.

26 июля 1941 года. Суббота

11 часов 25 минут. Воздушная тревога. Непрерывно гудят заводские гудки. Где-то на окраине города в нашем районе завывает сирена. Эти щемящие сердце звуки слышатся и из репродуктора — какой-то пискливый тембр металлического звука. Потом в репродукторе слышится отчетливое тиканье часов. Это указывает на то, что репродуктор переключен на штаб МПВО. С улицы слышатся свистки постовых наружной охраны, которыми останавливаются пешеходы, не успевшие укрыться. Через некоторое время наступает тишина. Она нарушается лишь грузовым автотранспортом, которому разрешено передвигаться за исключением от 24 ночи до 4 часов утра. Напряженно прислушиваемся к звукам. Чудятся звуки моторов вражеской авиации. Хлопанье дверей принимается за выстрел зенитного орудия. И так вот ждешь, что упадет с неба смертоносный груз или наши славные соколы преградят дорогу воздушным бандитам и сбросят их на нашу землю, с которой они не поднимутся.

Чувствуется, что для нашего города надвигается реальная угроза. Фронт находится где-то вблизи, в районе Порхова—Луги. Враг, как и в 1919 году, опять подбирается с юго-запада, с побережья Финского залива. Он, должно быть, пытается окружить кольцом Ленинград и заставить население капитулировать. Но этого не может быть. Ленинград отдать нельзя. Его даже временно нельзя потерять, так как здесь три с половиной миллиона населения, самый революционный передовой рабочий класс, 100% всей союзной промышленности, в том числе много оборонной, здесь Балтфлот... Одним словом, Ленинград — окно в Европу. Потерять Ленинград — значит, вновь остаться с отдаленным замерзающим Архангельским портом.

Позавчера был городской партактив... Выступали гг. Ворошилов К. Е., Жданов А. А.² и Кузнецов А. А.³ Призывали к настороженности, увеличению производительности труда, 100% выполнению оборонных заказов, к формированию нескольких дивизий ополченцев и нескольких партизанских отрядов.

² Жданов Андрей Александрович — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии (1934–1944 гг.). Во время Великой Отечественной войны член военных советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта. Генерал-полковник (с 1944 г.).

³ Кузнецов Алексей Александрович — второй секретарь Ленинградского обкома (1940–1945 гг.), горкома ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны член военных советов Балтийского флота, Северного и Ленинградского фронтов. Генерал-лейтенант (с 1943 г.).

12 августа 1941 года. Вторник

Вот образец спокойствия. Батареей зенитной артиллерии командует лейтенант Турукало. Политрук батареи Аксен, младший командир сержант Шапиро, бойцы. Точка, откуда идет сокрушительный огонь, место, где происходят большие события, яростная борьба, требующая напряжения всех сил, окружены удивительной атмосферой спокойствия. Это спокойствие

людей, работающих бесстрашно и хладнокровно, совершающих доблестные поступки не в нервном азарте, а так, как того требует дело. Храбрость, полная спокойствия, вызывает особое уважение. Вот также ведут себя и наши бойцы-пожарные, ведя борьбу с огнем иногда в невероятно сложной обстановке.

15 августа 1941 года. Пятница

Сегодня радио сообщило, что наши войска оставили Кировоград и Первомайск на Украине. Это значит, что враг прорвался к Днепропетровску и «Днепрогэсу», к Николаеву. Это значит, что под угрозой электроэнергия юга, криворожская руда, металлургическая промышленность, алюминиевые заводы.

На море встретились Рузвельт и Черчилль. Они опубликовали декларацию (см. в газетах).

Опубликована декларация Петена. Все сводится к тому, что Франция попала на удочку к Гитлеру. Петен угрожает репрессиями непокорным.

16 августа 1941 года. Суббота

На всех фронтах идут ожесточенные бои. Линия фронта не ясна. Жизнь в Ленинграде идет нормально. Производится эвакуация детей и женщин.

У пленных альпийской дивизии нашли «карточки на поцелуи». На углу карточки надпись: «Хранить секретно. Никому не передавать. Если попадешь в плен — немедленно уничтожить». В обозе дивизий

и полков следуют проститутки. На карточку солдат может получить «любовь».

Недавно фашисты выгнали сто голых проституток купаться. Они орали похабные песни. Думали отвлечь внимание красноармейцев, и навести переправу через реку. Ничего не вышло. «Фей» обстреляли из пулеметов.

19 августа 1941 года. Вторник

Боевые эпизоды. Партизанский отряд под командованием «М» выследил вражеский аэродром, изучил распорядок дня команды. 10 августа вечером отряд напал на команду. Убито двадцать два фашиста, сожжено двенадцать самолетов. Захватили две автомашины, нагрузили их пулеметами, винтовками, боеприпасами, бочками с бензином. После этого партизаны взорвали мост, уничтожили еще четыре машины. На другой день отряд напал на обоз и уничтожил двадцать четыре солдата, шесть офицеров. Позже захватили броневую автомашину и сбили бомбардировщик.

Два наших танкиста Яценко и Устинов перебрались к своим из вражеского окружения. Встретили немецких танкистов, распивавших водку возле танка. Когда немцы опьянели, танкисты напали на них и захватили танк. Проехали мимо часового, которому вместо пароля Яценко выпалил ругательства по-немецки. Потом натолкнулись на аэродром, где было около двадцати самолетов, ворвались туда и раздавили несколько самолетов. Танк загнали в лес, зажгли, а сами благополучно пришли к своим.

Захвачен секретный циркуляр № УВ 10-43/677 от 17 июля 1941 года. В нем

ГЛАВА I. Блокадные дневники

говорится: «Сейчас необходимо вновь подчеркнуть основные задачи, вытекающие из особенностей Восточного фронта. Здесь в неизмеримо большей степени, чем на всех прежних фронтах, следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности. Никакие проявления мягкости по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимы. Всемерно следует развивать и поощрять инициативу каждого солдата, вызывающего своими действиями страх перед германской расой... Работникам пропаганды нужно воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне... Настоящая директива в прямой форме дается только командирам рот пропаганды и не подлежит широкому оглашению. В официальных беседах с солдатами и населением необходимо соблюдать подходящую форму».

Бывший военный атташе Германии в Москве расстрелян в Берлине за неправильную информацию о состоянии вооруженных сил СССР.

Военный министр Англии Марджессон заявил: «Когда русские вынуждены отдать

территорию, то, уходя, они сжигают и уничтожают абсолютно все. Мы приветствуем этих отважных мужчин и женщин за то, что они готовы пожертвовать всем — жизнью, домом, деревней, урожаем». Немцы жалуются, что эта тактика «выжженной земли» не соответствует правилам. Кто слышал когда-нибудь о немцах, поступающих по правилам? Германские армии еще сильны. В Германии создается беспокойное настроение, как в армии, так и в народе.

Немцы удивлены бомбардировкой Берлина. Берлинцы спрашивают, что это за бомбардировщики, откуда они прилетели, и означает ли это появление начало нового этапа войны. Бомбардировщики летают так высоко, что их едва обнаруживают звукоулавливатели нового образца. Во время этих налетов зенитки безмолвствуют, что вызывает раздражение населения. Печать указывает, что советские летчики летают на самолетах, на которых был достигнут северный полюс. Кто же летает в Берлин? Мне кажется, летают Водопьянов, Мазурук и другие. Герои Советского Союза!

20 августа 1941 года. Среда

Около двух часов длилась воздушная тревога. Мы сидели на крыше: Крючков, Сипайлов, Штрейхер, Сазонов и два слушателя. Почти все два часа (с 17 до 18:55) была слышна сильная стрельба зениток в направлении Петергоф-Красное Село.

Над нами долго носились наши истребители. Очевидно, большое число вражеских самолетов пыталось прорваться к городу. А возможно, они бомбили по целям в тех районах. Итак, снова мы спасены. Ни одна бомба не обрушилась на наши дома.

22 августа 1941 года. Пятница

Сегодня исполнилось два месяца с начала войны. За это время наши войска пока все отступают. Создалась непосредственная угроза Ленинграду, Киеву, Москве. Если у этих городов фашистам не будет дан решительный бой, то придется отступать к Волге. Почему же мы отступаем? Этот вопрос кажется многим непонятным. Однако надо полагать, дело в том, что некоторые наши части пока не в состоянии преодолеть тот дьявольский концерт и шум, который порождает среди неустойчивых красноармейцев и командиров панические настроения.

Передают, что немцы в лесу устанавливают громкоговорители и при их помощи распространяют шум, стрельбу и прочее. У немцев много танков, минометов, автоматов, нам же не везде можно быть сильными. Нам, тыловикам, во всяком случае, очень трудно ориентироваться в делах на фронте и делать прогнозы. Поживем — увидим!

Но мне, как пропагандисту, иногда задают такие вопросы: «Почему мы все отступаем?». «Ворошилов говорил, что мы войну будем вести на территории врага, а получилось наоборот?». «Нет ли измены

в наших рядах?». Ответить на эти вопросы чертовски трудно. Приходится давать общие ответы, которые по существу ответа не дают. Сегодня разбирался в вопросе, что такое «тотальная война». По-русски это всеобъемлющая война. Немецкие теоретики хотели в короткий срок сокрушить не только армии, но целые народы. «Классик» этой войны — Людендорф в своей книге «Ведение тотальной войны» отметил, что в такой стране, как Германия, продолжительная война вызовет тяжелые затруднения в снабжении армии и населения, результатом чего наступит «ужасающее психическое напряжение, возрастающее по мере роста недостатков продовольствия, одежды и поступления известий о недостатках военного снаряжения... А это напряжение может привести к неожиданным политическим и социальным переворотам».

Вот, оказывается, чего боятся «теоретики» тотальной войны! Что ж, чего боялись, то и произойдет. Война затягивается. Против гитлеровской Германии мобилизуются ресурсы СССР, США, Англии. Этого не перенести Германии с ее непрочным социальным строем и относительно слабой экономикой. Блок СССР—США—Англия заявил, что он сложит оружие только после разгрома Германии.

Сегодня я услышал замечательно верные слова про Наполеона. 83-летний старик Евлантьев Исая Маркович, сторож в колхозе на Дону, сказал: «Дед мой с Наполеоном воевал и мне, мальчишке, бывало, рассказывал. Перед тем, как войной на нас идти, собрал Наполеон ясным днем в чистом поле своих муратов и генералов и говорит: «Думаю Россию покорять. Что вы на это скажете, господа генералы?» А те в один голос: «Никак не возможно, Ваше императорское величество, держава даже сурьезная, не покорим». Наполеон на небо указывает, спрашивает: «Видите вы на небе звезду?». «Нет, — говорят, — не видим. Днем их невозможно узреть». «А я, — говорит, — вижу, она нам победу предсказывает». И с тем двинул на нас свое войско. В широкие ворота вошел, а выходил через узкие, на силушки проскочил. И провожали его наши до самой парижской столицы. Думаю своим стариковским умом, что такая же глупая звезда и этому германскому начальнику привиделась, и как к выходу его наладят, узкие ему будут ворота сделаны, ох, узкие! Проскочит, нет ли? Дай Бог, чтобы не проскочил! Чтобы другим отныне и до веку неповадно было!»

23 августа 1941 года. Суббота

Каковы итоги войны за два месяца? Молниеносное уничтожение (блиц-криг) Красной Армии провалилось. В месячный срок не взяли ни Москвы, ни Киева, ни Ленинграда. На Москву сделано двадцать четыре

авиационных налета. Военные объекты не пострадали. Убито 736 тысяч человек, тяжело ранено 1 млн 444 тысячи человек, легко ранено 2 млн 65 тысяч человек.

25 августа 1941 года. Понедельник

В Ленинграде образован Военный Совет обороны города в составе: Ворошилов К. Е., Жданов А. А., Кузнецов А. А., Попков П. С.⁴, Субботин А. И., Капустин Я. Ф.⁵

Решения Совета подлежат выполнению всеми партийными, советскими и хозяйственными организациями и всеми гражданами.

⁴ Попков Петр Сергеевич — председатель Ленгорсовета (1939–1946 гг.). С 1941 года член Комиссии по вопросам обороны Ленинграда. С апреля 1942 года член Военного совета Ленинградской армии ПВО.

⁵ Капустин Яков Федорович — секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) (1940–1945 гг.). Во время блокады Ленинграда — Уполномоченный ГКО по эвакуации предприятий Ленинграда.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

26 августа 1941 года. Вторник

Бои идут на всем фронте. Наши войска оставили Новгород. Враг подходит все

ближе к Ленинграду.

29 августа 1941 года. Пятница

Бои на всем фронте. Враг нажимает, наши отходят. Вчера отдан врагу Днепропетровск. Это большой удар по нашей промышленности. Днепропетровск — центр металлургической промышленности юга, Криворожского бассейна. В городе около миллиона жителей. Теперь под прямым ударом Никополь — центр алюминиевой промышленности. Под прямой угрозой Днепродзержинск — крупнейшая в СССР гидроэлектростанция. Если немцы перейдут

Днепр, то под угрозой будет Донбасс. Это второй удар по нашей тяжелой промышленности и народному хозяйству в целом. Обидно и досадно. Но мы на то и большевики, чтобы не впадать в уныние при временных неудачах. Все равно враг будет разбит. Отступить он будет поспешнее, чем наступает. И еще неизвестно, кому из фашистов удастся сохранить свои дурные головы.

1 сентября 1941 года. Понедельник

Бои на всем фронте. Эта фраза уже стала привычной в информационных сообщениях. Но какое гигантское содержание вложено в нее!

29 августа был воздушный бой под Ленинградом. Наши истребители разогнали около семидесяти самолетов противника, одиннадцать самолетов было сбито. Старший лейтенант Лазарев сбил пять самолетов врага, младший лейтенант Новиков вогнал в землю два Ю-87 и сбил истребитель.

Вчера послал письмо Леле. От нее нет ни одного. Как плохо работает почта. Послал письмо Окоевой Л. И. Сообщил ей, что ее муж подполковник Окоев убит и награжден орденом Ленина посмертно. Писал намеками. Наверное, поймет. Ох, как тяжело писать об этой человеческой трагедии!

Ленинград все туже опоясывается вражескими войсками. Говорят, враг уже взял Териоки. Его войска обстреливают артиллерийским огнем Колпино. Видимо, мы будем жить в осажденном городе. До сего дня мы еще не слышали ни одного разрыва авиационных бомб.

В ночь на субботу наши две автомашины ездили на пожар в Ижоры. Попали под вражеские снаряды, но не пострадали. Привезли с собой двух мальчиков, которые потеряли своих родителей. Дом их сгорел от снарядов. Мост через реку Ижора взорван. Связь нарушена.

Мы по приказу НКВД сформировали два батальона курсантов. Видимо, скоро придется бросать учебу и идти воевать. Все клонится к этому.

2 сентября 1941 года. Вторник

В ночь на 1 сентября наши самолеты бомбардировали Берлин, Кенигсберг, Данциг, Мемель. Возникли пожары, наблюдались взрывы.

Над нашим городом пока все спокойно. Идет третий месяц войны, а пока еще ни одной бомбы не разорвалось в городе. У нас в школе никакой нервозности. Спокойно формируем батальон для уличных боев.

Сегодня стало известно о Таллинской трагедии. К нам явились наши бывшие воспитанники Капитонов и Коротков. Одеты в военно-морскую форму, в резиновых сапогах. Они работали инспекторами управления пожарной охраны Эстонской ССР. С ними были другие наши выпускники — Леонов и Ягодницын.

29 августа немцы окружили Таллин. Решено было эвакуировать наркоматы. Погрузились

на сто двадцать транспортов. Охрана была плохая — катера, причем у катеров не оказалось боеприпасов. На транспорты налетели три звена бомбардировщиков и начали хладнокровно бомбить. Остались невредимыми только сорок транспортов. Остальные погибли... Многие были убиты взрывами. Некоторые кончали самоубийством: стрелялись, вешались, бросались в воду, чтобы не выплыть. Многие утонули, обессилев. Капитанов случайно остался жив. Он выбрался наверх через развороченную палубу. Коротков проплавал на доске более двух часов, пока не подобрали их военные корабли. Леонов и Ягодницын погибли.

Фашистские изверги, зная и видя, что на транспортах гражданское население и госпитали, хладнокровно расстреливали людей из пулеметов. Капитан корабля, на котором плыл Капитонов, сначала получил три пулевых ранения, но он не ушел с поста. Потом разрывом бомбы ему оторвало голову, и долго лежали на палубе отдельно голова и труп капитана.

Когда люди выбросились в воду и плавали на спасательных кругах или досках, в них бомбардировщики стреляли из пулеметов. Это ничем не прикрытое истребление

мирных советских людей. Так могут поступать лишь людоеды. Ох, отомстим же этим извергам! Мы с таким же хладнокровием будем выпускать кровь из этих вампиров, потерявших облик людей.

Сегодня «Ленинградская Правда» пишет: «Враг у ворот Ленинграда! Красная Армия ведет бои в непосредственной близости к Ленинграду. Враг стремится прорваться к городу. От населения нужна помощь непосредственная, действенная, энергичная и немедленная. Ленинград стал фронтом. Отбиваться от врага должен каждый, способный владеть оружием. Надо защищать все подходы к городу, превратить каждую заставу, каждый перекресток, каждую площадь и улицу в крепость обороны. Суровые испытания предстоит пройти трудящимся города Ленина. Нужна бдительность и еще раз бдительность! Наша ненависть к врагу должна быть воплощена в живые конкретные дела, в действенную помощь фронту, в подготовку прочной, надежной обороны города. Не в громких словах и заклинаниях, а в наших живых делах, в наших боевых и трудовых подвигах выражаем мы свою ненависть к врагу. Ленинград есть и будет советским городом!»

6 сентября 1941 года. Суббота

Кажется, кончаем нормальную учебу. Начальник политотдела И. И. Тимошенко уже четыре дня находится в должности комиссара мотомехотряда чекистов. Туда же ушел лейтенант Куликов — наш физрук. Начальник школы М. П. Блейхман получает назначение комиссаром обороны города при четвертом отделе НКВД, который возглавляет старший комиссар госбезопасности Огольцов. Сегодня уходят на позиции на Кировские острова и за Новую деревню наши два батальона, которые влились в первый полк 22-й дивизии.

Вот уже третий день в город летят снаряды. Позавчера снаряды упали на Лиговке, в Волковой деревне, на заводе «Салолин», где сгорел водородный цех, на «Красном нефтянике», где загорелся резервуар с маслом и бензин в мелкой таре. Вчера снаряды падали на Предтеченской улице (ныне улица Черняховского), на Глазовской (ныне улица Константина Заслонова) и на других

улицах. Есть разрушения и жертвы. Не поймешь, откуда летят снаряды: одни говорят — из Колпино, другие — с Карельского перешейка.

Сегодня во всех цехах Кировского завода прошли митинги. Принято обращение к бойцам, командирам, политработникам Красной Армии, защищающей Ленинград. В обращении выражается уверенность, что армия будет идти только вперед. Ленинград — фронт. Рабочие не отступят. Итак, мы на фронте, вынуждены непосредственно воевать, отстаивать город — колыбель революции, город, носящий звание величайшего из людей — Владимира Ильича Ленина.

Бои идут на всех направлениях. Наше направление стали называть Ленинградский фронт. Наша авиация бомбила Берлин. Один самолет не вернулся. Одесситы и киевляне упорно защищают свои города. Немцы несут большие потери. На юге в тылу противника стали действовать отряды казаков.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

8 сентября 1941 года. Понедельник

Сегодня в 19 часов вражеские самолеты прорвались в город. Не успела отзвучать тревога, как на наш район и на наши дома посыпались зажигательные бомбы. Они падали на улицах, во дворах, на крыши. На здание школы упало четыре бомбы и три во дворе. Все они были немедленно потушены. На наш жилой дом 7-В по Московскому шоссе попала одна бомба на чердак, но угодила в ящик с песком. Вторая бомба упала у входной двери, с торца той стороны, где наша квартира.

В нашем районе возникли десятки пожаров. Народ, не приученный к надлежащему поведению во время воздушных бомбардировок, не сразу принял меры к тушению. Деревянные здания загорелись. Напротив школы у строящегося здания возникло два пожара. Их потушили наши курсанты и охрана дома. По левую сторону Благодатного переулка (ныне Благодатная улица) загорелись два сарая, дом, фабрика шерсти. Мы послали туда свои пожарные автомобили с опозданием, так как все ждали распоряжения штаба МПВО, но такого распоряжения не последовало. Пришлось действовать

самим. Четыре пожара локализовали. Но вот в небе стал нарастать огромный столб черно-белого дыма. Он потом преобразовался в облако. Сначала думали, что это пожар на заводе «Электросила». Оказалось, что горят продовольственные склады им. Бадаева. Мы послали туда все свои автомашины и, кроме того, триста курсантов. Я тоже работал, руководя последовательно на четырех боевых участках.

Около полуночи вражеские самолеты появились вновь над городом и стали сбрасывать фугасные бомбы. Над пожарищем, где мы работали, с дьявольским шумом пронеслась фугасная бомба и взорвалась где-то вдали от меня. Потом послышались короткие пулеметные очереди. Густой дым скрывал нас от противника. Стрельба шла наугад. Никто из наших на пожаре не пострадал. Вообще в городе есть убитые и раненые.

Во время налета в 19 часов из райкома шел наш сотрудник Ксенофонтов. Ему на плечо свалился осколок зенитного снаряда, разорвав шинель и ушиб плечо. Ксенофонтов упал в обморок.

Пожар на продовольственных складах имени Бадаева. 8 сентября 1941 года

Второй случай. У нас во дворе на асфальте горела зажигательная бомба. Подошел к ней курсовой командир. Он нагнулся, пытаясь поддеть на дощечку остатки бомбы. В это время бомба взорвалась, ранила его в лоб и руку. Мы с М.П. Блейхманом видели все это. Курсового командира направили в санчасть, где ему немедленно оказали помощь. Мы были удивлены, почему бомба взорвалась. Потом все объяснилось. Оказывается, в некоторых экземплярах зажигательных бомб под стабилизатором имеются взрывные патроны. Их ставят, чтобы устроить население.

Наши ребята нашли вокруг здания школы до сотни неразорвавшихся бомб. Нашли целую кассету, в которой оказалось тридцать шесть зажигательных бомб.

Сегодня я принял участие в тушении семи пожаров, организовав наступление на очаги горения и беря на себя руководство тушением.

На складах им. Бадаева организовал тушение на четырех огромных участках,

площадь до семи-восьми тысяч квадратных метров. Я использовал средства пожаротушения школы, 8-й и 2-й городских пожарных команд, пожарный поезд. Вернулся домой в 3 часа утра.

Пожар был ужасный. На огромной площади горело несколько десятков зданий-складов, набитых продовольственными запасами. По мостовой текли реки расплавленного сахара. Смердный запах пропитал воздух, трудно было дышать. Стояла страшная жара. Небо было застлано густыми облаками дыма. Над головой трещали пулеметные залпы, свистели пули, воздух сотрясали громкие разрывы фугасных бомб. В такой обстановке нам еще ни разу не приходилось тушить пожары. Наверное, еще не то увидим. Ведь война в городе только началась.

Итог сегодняшнего пожара ужасен: мы лишились основных запасов продовольствия!

10 сентября 1941 года. Среда

Вражеская авиация, по-видимому, приступила к систематическим налетам. Сегодня произошло одиннадцать налетов. В 22 часа самолеты прорвались в город и сбросили много фугасных и зажигательных бомб. Появились зарева над Кировским заводом, Северной верфью, Бадаевскими складами. Мы опять выезжали на тушение пожара на складах им. Бадаева, где загорелись пять складов с мебелью и другими товарами.

С фронта шли сведения, что противник занял левый берег Невы и дошел до Шлиссельбурга,

который наши войска оставили. Итак, Ленинград окружен немецкими войсками. Мы — в блокаде. На почтамте заявили, что вот уже с 30 августа почта не уходила из города и лежит в кладовых. В один день ее накапливается до шести тонн.

Вчера прекратили выдачу белого хлеба всему взрослому населению. На 200 грамм сократили выдачу хлеба курсантам по военному пайку. На Бадаевских складах сгорело очень много муки, сахара, масла, крупы и других продуктов.

11 сентября 1941 года. Четверг

С утра начались воздушные тревоги. Вражеские самолеты летают над нашим районом. Над школой был воздушный бой. Наш истребитель строчил из пулемета по фашистскому бомбардировщику. Потом, кажется, сбил, так как фашист резко пошел на снижение в районе залива. Сейчас, когда пишу эти строки, стекла дрожат от стрельбы зенитных орудий, хотя тревога не объявлялась. Светит солнце, и идет жестокая война — чудно устроен мир!

С утра отменили занятия с курсантами, уходящими на фронт. Оба батальона ушли в назначенное место. Осталось около ста восьмидесяти курсантов. Тепло проводили фронтовиков. У многих провожающих — преподавателей и обслуживающего персонала, вышедших во двор и пришедших к трамвайной остановке, появились слезы. Уезжая, курсанты махали руками, фуражками. В школе стало как-то пусто. Шутка сказать, шестьсот человек уехали. Мы с классным вахтером

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Кучумовым бродили по аудиториям. Почти в каждой из них обнаружили на классных досках надписи: «Мы все ушли на фронт», «Мы ушли на войну», «Группа перестала заниматься ввиду отбытия на фронт».

Тревога — шестая по счету, помешала проститься со всеми. У наших питомцев бодрое настроение и хороший вид. Все хорошо экипированы: новые шинели, крепкие сапоги, алюминиевые котелки, исправные вещевые мешки. Некоторые имеют на винтовках снайперские оптические прицелы.

Кто знает, когда они теперь вернуться? Возможно, некоторых не досчитаемся. Все перемешалось. Наши уходят, к нам приходят. Рядом, в доме АХУ (*Административно-хозяйственное управление НКВД*), разместились штаб дивизии. Комсостав встал к нам на довольствие в столовую. В штабе дивизии работает наш бывший курсовой командир Шадрин — капитан артиллерии. Он уже побывал в жестоких боях на Петрозаводском перешейке. Говорят, что представлен к Орденом Красного Знамени. Да, многие в эту войну за лихие дела на фронте украсят свою грудь орденами. Но много людей и головы сложат где-либо в безвестных лесах и болотах севера, запада и юга.

Во время воздушного налета был на крыше. Смотрел в сильный бинокль Крюкова. На юге тянется цепь высот, начиная от Пулково, где всемирно известная обсерватория. Все высоты противник обстреливает. На склонах что-то горит. Видно даже пламя. Мы наблюдали, как разрывались снаряды, как появлялись дымки.

12 сентября 1941 года. Пятница

На подступах к Ленинграду за три дня сбит девяносто один немецкий самолет. Летчик Бринько сбил сегодня четырнадцатый самолет врага. Бринько поднялся туда, где фашисты оставляют белый след от выхлопных газов. Бринько присвоили звание Героя Советского Союза.

Старший сержант, комсомолец Кисляков, занимая высоту, один сражался с ротой фашистов. Расстреляв патроны из пулемета, бросал гранаты, собирал патроны и стрелял из винтовки. К нему пришли на помощь. Высота осталась за нами.

В заливе напротив Кировского завода стоят крейсера и обстреливают Карельский перешеек. То и дело из дул орудий вырываются длинные языки пламени, и через некоторое время раздаются глухие удары.

Немецкие бомбардировщики безнаказанно летают на большой высоте над городом. В небе вьется белая лента, идущая вслед за самолетом... Иногда зенитная артиллерия пытается сбить самолет, но снаряды не долетают. Дымки от их разрывов появляются где-то в стороне или несколько ниже самолета. В бинокль видны двухмоторные черные хищники. Они, очевидно, разведывают район, фотографируют его, чтобы ночью нанести смертоносный визит. Наши истребители не могут подняться на такую большую высоту. Нужны кислородные приборы, а может, и самолеты не приспособлены для этого. Так вот и ждем ночи, когда опять на этой же трассе появятся высотные бомбардировщики, и по разведанной местности будут метать бомбы.

Война вызвала новые, весьма интересные лозунги рабочего движения в оккупированных немцами странах. Чехи выдвинули лозунг: «Наша продукция должна быть самой худшей в мире». В Норвегии, Франции, Голландии добавили: «Работай медленно». В ближайшее время там будет проведена «неделя медленного труда».

Газеты сообщили, что немецкий миллионер-промышленник Тиссен казнен фашистами. Он обвинен в подготовке антифашистского военного переворота. Вместе с ним казнены двадцать шесть офицеров. Полковник Гревениц покончил жизнь самоубийством.

С 8 сентября в Европе началась «неделя медленного труда». «Если все рабочие тяжелой промышленности простоят без дела одну минуту, то пропадет время, в которое можно обеспечить четыре дивизии винтовками. Если рабочие авиазаводов простоят без дела десять минут в неделю, не будет выпущен один «Мессершмидт». Если рабочие угольных копий простоят полминуты без дела, не будет горячего для пяти бомбардировщиков для полета в Лондон или Москву», — так говорится в воззвании из Лондона. Символ недели «В» (*бойкот*).

Сегодня стало известно, что во время налетов вражеской авиации на Ленинград

«кто-то» сигнализирует врагу ракетами. НКВД принял меры к поимке шпионов.

13 сентября 1941 года. Суббота

25 августа немецкое радио так объяснило наш советский воздушный таран: «Жил-был молодой пилот, который хотел хоть раз сбить немецкий самолет. Он не щадил для этого ни своих сил, ни своих боеприпасов. Но на беду его ему не удавалось попасть в цель... Тогда он решился пропеллером своего истребителя отрезать хвост у какого-нибудь немецкого бомбардировщика. И вот он осуществил свое намерение и к тому же сумел спастись сам. Так он создал новую моду под названием "таран"... Просто удивительно, до какой степени заврались московские творцы легенд! Только совершенно неграмотный или безмозглый человек может поверить этой брехне. В Германии никто не посмел бы рассказывать подобные сказки трехлетним детям, — они подняли бы рассказчика на смех».

«Пятая колонна». Словосочетание «Пятая колонна» родилось во время войны в Испании. Фашистские генералы кричали, что они идут на Мадрид четырьмя колоннами,

а пятая будет их встречать в городе, под-разумевая под этой колонной своих агентов.

Теперь «пятой колонной» называют врагов, шпионов, находящихся в любой стране. Фашисты всюду создали «пятую колонну». Но их разоблачают. В США арестовано тридцать три шпиона. В Англии арестовано свыше шести тысяч лазутчиков во главе с Освальдом Мосли. В Александрии арестовано семьсот человек. В Иране их разгромили наши и англичане. Раскрыт фашистский заговор в Боливии. Мексика вышвырнула германского пресс-атташе фон-Дитриха «за деятельность, выходящую за рамки его официальных обязанностей». В Аргентине выявлено пятьсот лазутчиков, в числе которых пятьдесят агентов гестапо. В Кубе сенаторы требуют закрыть германское и итальянское консульства и выслать своих сотрудников. В СССР разгромлен троцкизм, представлявший собой «пятую колонну».

15 сентября 1941 года. Понедельник

Вчера получил письмо от Лели, в котором сообщается о том, где и как она устроилась в далеком Свердловске. Все благополучно.

Прошедшей ночью много разрывов снарядов слышалось вокруг нашей школы. Один из снарядов упал между домом АХУ и вновь строящимся в Благодатном переулке. Видимо,

он перелетел через наш дом. Выкопал небольшую воронку, осколками разбиты стекла во всех этажах и исковерканы стены. Выбита доска в заборе. Раненых нет. Много снарядов, в том числе тяжелой артиллерии, упало на соседний аэродром. Видимо, по нему и стреляют.

16 сентября 1941 года. Вторник

Сводка малоутешительная. На юге враг переправился через Днепр и теперь угрожает Донбассу. Киев окружается кольцом со стороны Чернигова и Кременчуга. К Ленинграду враг подошел почти вплотную. Немецкие войска находятся у Пулковой горы. Прибывший вчера со стороны Пулковой горы Лемещенко рассказал, что двое суток враг обстреливал артиллерией гору. Причинил много вреда: все сожжено, все изрыто. Снаряды летят в город. Поистине — враг

у ворот города. Он может в течение нескольких часов прорваться в город, если у него окажется превосходство в силе. Вчера вечером высадился десант в пятьдесят мотоциклистов-автоматчиков на дороге в Стрельну, возле завода пишущих машинок. Фашисты косили пулеметным огнем всех проезжающих. Убит бухгалтер школы ВПО им. Куйбышева, ранен сын у нашего преподавателя Голутвы. Сегодня возле нас целый день слышалась канонада: стреляли

ГЛАВА I. Блокадные дневники

от нас, стреляли в нас. Сейчас — зловещая тишина.

Газеты сообщили, что в ночь с 18 на 19 августа госпитальное судно «Сибирь», на борту которого находилось тысяча восемьсот

раненных красноармейцев, было потоплено немецкими бомбардировщиками. Фашистские людоеды стреляли из пулеметов по плавающим, бросали мины. Утонуло четыреста человек, остальных спасли наши тральщики.

17 сентября 1941 года. Среда

Мимо нашего дома по Московскому шоссе утром в сторону Пулково идут и едут тысячи, может, десятки тысяч ленинградцев. Они идут строить укрепления вокруг города. Вечером в 7–8 часов они возвратились, нагруженные капустой и картошкой: им разрешили взять с полей и огородов.

Истекшей ночью не было обстрела. Видимо, врага отогнали. Утром была кратковременная воздушная тревога.

Серьезные события происходят в Иране. Немцы пытались нанести удар оттуда. План их был разгадан. Наше правительство, совместно с англичанами, послало туда свои войска. Они уже вступили в Тегеран. Иранский шах отрекся от престола в пользу сына. В тегеранских культурных кругах возникло прогрессивное движение /выборы народа в меджелис/.

18 сентября 1941 года. Четверг

Опубликован закон (Постановление Государственного Комитета Оборона) о всеобщем воинском обучении мужчин от 16 до 50 лет, по 110-часовой программе. Должны пройти строевую подготовку, тактику одиночно и в отделении.

Опубликовано решение Горсовета о сдаче призматических биноклей для нужд Красной Армии.

Газеты сообщили, что в немецкой тюрьме умер Гильфердинг, которого выдали Гитлеру французы.

20 сентября 1941 года. Суббота

Позади нашего дома у железнодорожной линии установлено несколько дальнобойных крупнокалиберных орудий, они ухажут и днем и ночью. От звуков выстрелов сотрясаются стены домов. В авиатехникуме вылетели все стекла. Частично вылетели стекла и в нашей школе. Снаряды летят в сторону Урицка (ныне Лигово), где сосредоточены фашистские войска.

Сегодня туман, погода нелетная и тревог нет. 15 часов. Сегодня начальника школы М. П. Блейхмана вызвал в НКВД комиссар Огольцов для обсуждения вопроса о временном расформировании школы. Как жаль, если это действительно осуществится. По существу, пожарная охрана останется без созной школы среднего начсостава.

21 сентября 1941 года. Воскресенье

Получен приказ по НКВД о временном расформировании школы: одни — в 20-ю дивизию, другие — в ГорУПО, третьи — увольняются.

Я даже не знаю, где придется служить. Пока никто мною не интересуется. Положение на фронтах не улучшается. Наш район рассматривается как передовая

позиция. Всюду стоят пушки. От их выстрелов содрожаются стены и вылетают стекла. Противник где-то за Пулковой горой. Стрельна отрезана.

Сегодня звонил бывший начальник отдела кадров ГУПО Сергей Петрович Григорьев. Он приехал из Кронштадта на катере. Берегом ехать нельзя.

20 дивизия НКВД

Все свои ценные вещи я перевез на квартиру Рубена Ивановича Артемьева. Возможно, придется уезжать из квартиры и все бросать: ведь наша улица и наш дом находятся во фронтовой полосе. Жители уже давно покинули дома на Московском шоссе.

Сегодня были четыре воздушных тревоги. Вот и сейчас опять завывли сирены. Их звуки наполняют тревогой сердце. Ужасное время!

Сводка безотрадная. Бои на всех фронтах. Киев оставлен нашими войсками. Пала украинская столица. Она долго и героически сопротивлялась. Надо ожидать, что немцы устроят в Киеве резню населения. Особенно еврейского.

Газеты сообщили из Ирана, что новым шах Моххамед Реза Пехлеви назначил премьер-министром Фаруги, который сформировал новое правительство. Объявлена политическая амнистия.

16 сентября объявлено предоставление независимости Сирии. Правительство, назначенное властями Виши, вышло в отставку. Вводится республиканский режим. Шейху Тадж-эд-Дину, принявшему на себя функции президента, предложено образовать правительство.

Замечательный подвиг совершил коммунист Аграм Петросян. Он заместитель политрука. Вынося раненого красноармейца из боя, он был схвачен двумя фашистами, переодетыми в форму красноармейцев. Петросяна пытали. Он ничего не сказал. Офицер-фашист приказал расстрелять Петросяна. Ему дали лопату и велели рыть могилу и двум другим замученным красноармейцам. Петросян лопатой разбил голову немецкому ефрейтору. Неподалеку лежали отобранные у него гранаты. Петросян ими взорвал своих мучителей. Его самого тоже ранило. Он нашел в сумке офицера свой партийный билет и другие документы. Офицер, оказавшийся живым, выстрелил и ранил Петросяна в голову и ногу. Петросян задушил офицера. Затем взял немецкий револьвер, бутылку с горючим, офицерскую сумку. С помощью бутылки Петросян взорвал склад немецких гранат. При этом сам был ранен в третий раз. Сейчас он выздоровел и находится в своей части.

«Ленинградская Правда» в номере за 23 сентября опубликовала найденный дневник немецкого солдата Эмиля Гольца, члена национал-социалистической партии. Вот что в нем записано:

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Тушение пожара Пулковской обсерватории, сентябрь 1941 года

«22 июня. Мы в Модлине. Расположились в еврейском квартале. Когда видишь эти слоняющиеся фигуры, берет охота потянуть за курок и расстрелять этот сброд. Ну, погодите, мы еще доберемся до вас!

25 июня. Проходя через Слоним вместе с Вальтером, принял участие в очистке лавок и квартир. Кое-какие нужные вещи я захватил в машину.

28 июня. На рассвете мы приехали в Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением на языке пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды "СС" и сделают то, что не успели сделать мы.

5 июля. В 10 часов утра мы были в местечке Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи; взламывали двери топорами, ломками. Всех кого находили в запертых домах, приканчивали. Кто действовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и прикладом. Я предпочитал пользоваться пистолетом.

25 августа. Мы бросали ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище. Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет, и не может быть пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

23 сентября 1941 года. Вторник

Сегодня наша школьная пожарная команда тушила пожар здания Пулковской обсерватории на передовой линии фронта. Работали семь часов подряд. И все это время противник обстреливал здание обсерватории минометным огнем. Ранило осколками

бойца-курсанта Дедикина и шофера Горюнова. Дедикин получил три ранения. Мина разорвалась вблизи автомашины начальника оперативного отдела Г.Г. Тарвида, и взрывом автомашина была сброшена в кювет. Люди не пострадали. Мы подробно

описали ход тушения этого пожара. Наши бойцы и командиры героическими усилиями пытались спасти здание всемирно известного научного центра, но усилия не увенчались успехом: силы были неравны, а обстоятельства совершенно не способствовали тушению пожара. В конце концов, военное командование предложило прекратить тушение, поскольку сам процесс его, протекавший на глазах фашистских войск,

вызывал с их стороны сильный минометный огонь. В 23 часа на наш район налетели вражеские самолеты. Сбросили зажигательные и фугасные бомбы. На школу упало семь зажигательных бомб. Их немедленно обезвредили. Ущерба зданию они не причинили. Рядом загорелся барак в колонии. За аэродромом возникли два пожара: один сильный на юге, другой на заводе № 47. Я руководил тушением пожара в бараке.

24 сентября 1941 года. Среда

Сегодня полковник Сериков⁶ сделал мне предложение занять пост его заместителя по профилактике или по тушению пожаров. Я согласился. М. П. Блейхман написал мне положительную аттестацию, рекомендуя на самостоятельную работу вплоть

до начальника управления пожарной охраны области. Наверное, завтра-послезавтра выяснится вопрос о моей службе. В школе дело свертываем. Часть нашего здания занимает под штаб 42-й армии.

25 сентября 1941. Четверг

Сегодня в два часа ночи был на приеме у начальника УНКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга Петра Сергеевича Кубаткина. Он болен гриппом. Принял меня в постели, в газоубежище. Присутствовали: зам. начальника УНКВД майор госбезопасности Иванов, начальник отдела кадров УНКВД майор госбезопасности Басов, полковник Сериков. В глубине помещения находились еще несколько человек. Как потом выяснилось, это были зам. наркома внутренних дел СССР Круглов, секретарь горкома партии Капустин, начальник МПВО города генерал Лагуткин и еще кто-то.

Познакомившись с моими характеристиками и отзывами, т. Кубаткин предложил мне должность заместителя начальника Управления пожарной охраны города Ленинграда по тушению пожаров. Затем подчеркнул важность этого дела в настоящий момент. Дал установку обучить команды таким образом боевым действиям, чтобы пожары от зажигательных бомб тушились быстро, не демаскируя город. Потребовал проявления максимума энергии и сметливости, инициативы. Он сказал, что мне нечего рассказывать что-либо о себе. Ему все известно, что я собой представляю,

как способен работать. Подчеркнул, что теперь не время учить людей в школе. Настала пора показать свою ученость на деле. «Тебе, — сказал т. Кубаткин, — ввернется город-фронт с многомиллионным населением, город с передовыми революционными традициями, с передовым рабочим классом, с огромными культурными сокровищами. Сам видишь, как нещадно противник начал уничтожать город при помощи всех видов огня. Твоя задача состоит в том, чтобы воспрепятствовать уничтожению города пожарами. Понятно?» Я ответил, что как коммунист, как солдат выполняю в точности все указания, не пожалю ни здоровья, ни жизни, если понадобится. После этого т. Кубаткин меня отпустил.

Несколько позже, уже в УПО, полковник Сериков сказал мне, что я произвел на Кубаткина хорошее впечатление. Он дал указание т. Басову немедленно изготовить два приказа: приказ по НКВД СССР за подписью зам. наркома Круглова об учреждении должности зам. начальника УПО, второй приказ по УНКВД о зачислении меня на эту должность. Басов немедленно отправился исполнять это поручение.

⁶ Сериков Михаил Кузьмич — начальник Управления пожарной охраны г. Ленинграда (1941–1949 гг.). Руководил противопожарной службой МПВО Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Генерал-майор (с 1944 года).

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Группа руководителей Управления пожарной охраны Ленинграда

На приеме у т. Кубакина был также т. Румянцев Владимир Иванович, которого назначили зам. начальника УПО по профилактике. Позднее был вызван на прием полковник Верин Василий Павлович. Итак, новая работа и очень ответственная. Вполне

вероятно, что полковник Сериков переложит на меня все заботы по организации и непосредственному тушению крупных и сложных пожаров в период воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Что ж, я готов ко всему.

28 сентября 1941 года. Воскресенье

Пишу на новом месте. Разместился на Набережной Мойки в доме 85, в четвертом этаже. Сюда перевез свой кабинет и кровать. Ночь находился здесь. Началась новая служба с новыми функциями. Круг обязанностей, правда, не совсем четко определен, но главное состоит в том, что нужно обеспечить боеспособность частей городской пожарной охраны, отличное тушение пожаров по воздушной тревоге и в обычное время.

Теперь буду жить в казарме, но в своем кабинете. Пока еще трудно организовать свой быт и питание. Полагаю, что иногда придется голодать из-за своей неорганизованности в этом отношении. Надо привыкать к новым людям, изучать их характеры. Но что же, ведь не впервые этим делом заниматься. Не унывай, старина! Больше энергии, сметливости и инициативы, как сказал об этом т. Кубаткин, и все пойдет своим чередом.

1 октября 1941 года. Среда

Наши войска оставили Полтаву.

Сегодня с 20 до 23 часов длилась тревога. И за все это время вражеская авиация действовала, сбрасывая ЗАБ (зажигательные авиабомбы) и ФАБ (фугасные авиабомбы). Весьма интенсивный

налет был на центр. Много ЗАБ было выброшено на ул. Герцена (ныне улица Большая Морская). Бомбы упали на здание штаба противопожарной службы и во двор. Загорелись крыши на соседнем доме, на гостинице «Астория», на

зданиях бывших Германского и Итальянского посольств. Все пожары были удачно потушены. Произошел уже отбой воздушной тревоги. Но вот возник пожар на улице Бакунина в доме № 14. Внезапно вспыхнул склад хлопка. К нашему приезду горело на площади до 1500 кв. м. Загорелся рядом расположенный пятиэтажный

склад. Удачным маневром пламя удалось сбить. Разборка хлопка теперь будет вестись в течение одних-двух суток.

Вчера ушли на передовые позиции начальник нашей школы М. П. Блейхман и начальник политотдела И. И. Тимошенко.

9 октября 1941 года

Давно не записывал. Некогда было. Была такая кутерьма, что даже не знаю какой сегодня день. Сбил с ума. Иногда кажется, что вчера был, скажем, понедельник, вдруг выясняется, что сегодня уже четверг.

Прошло всего несколько дней моей новой службы, а как изменилась моя жизнь. Я заметно похудел. Перестал спать ночами. Последние пять-шесть дней спал по два-три часа в сутки и то урывками, между воздушными тревогами. Даже дневник не вел — нет времени. Надо осваивать город, изучать его. Надо оправдывать на работе то огромное доверие, которое мне оказали, надо организовывать тушение многочисленных пожаров.

Мы сейчас ведем упорную борьбу с гитлеровскими стервятниками. Каждую ночь фашистские самолеты нападают на город и сбрасывают сотни, иногда тысячи бомб. Только на один порт за один налет сброшено более пяти тысяч зажигалок. Позавчера в ночь возникло восемьдесят четыре активных очага пожара, где работали городские пожарные команды. А в каких условиях приходится работать? Враг для того и поджигает, чтобы при освещении от пожара можно было бомбардировать важные объекты. Но получается так: он зажег, а мы быстро потушим. Мы, советские пожарные, тушим пожары в момент воздушных атак, не ожидая их окончания. Наши бойцы и командиры проявляют, безусловно, отвагу, мужество и самоотверженность, поступают не так, как, например, в Англии. Говорят, что там пожарные выезжают на тушение пожаров только после отбоя воздушной тревоги.

Я побывал уже на многих крупных пожарах: на заводе «Северный пресс», «Петро-заводе», на складах на Бумажной улице, в Волковой деревне, на «Треугольнике» в

Московском районе и т. д. Четыре раза я попадал под непосредственное бомбометание, и пока цел и невредим. Я слышал невероятно сильные разрывы бомб вблизи, видел, как взметывались вверх огненные столбы, и не испытывал страха: мои чувства уже успели атрофироваться. Сегодня вокруг меня разорвалось одиннадцать фугасных бомб. Ранило на пожаре начальника опергруппы Василия Ивановича Склауни, его начштаба Катугина и других. Сегодня я видел, как некоторые впадают в панику, трусливо жмутся и прячутся. Когда мы увидели, как от пикирующего бомбардировщика оторвались фугасные бомбы и с противным завыванием стали падать на наши головы, один из наших командиров вцепился мне сзади за плечи и потянул, опрокидывая меня на себя и как бы прикрываясь мною. Лицо его было искажено страхом, глаза вылезали из орбит. По-моему, он потерял тогда над собой контроль и поступал, руководствуясь инстинктом самосохранения. В один из моментов фугасная бомба полетела буквально мне на голову. Я это видел и в какую-то долю секунды осознал: вот он — конец моей жизни. Вслед за этим раздался страшный грохот. Я стоял снаружи заводского цеха, тесно прижавшись к бетонной стене, а бомба упала по ту сторону стены, внутри здания. Меня даже не свалила взрывная волна: она нейтрализовалась стенами.

Был ли у меня страх перед очевидной смертью, когда на мою голову мчалась смертоносная бомба? Наверное, был, но остро я этого не ощутил — настолько я устал, и мне так хочется отдохнуть. Но как же резко изменилась моя жизнь: от тихой, размеренной, строго регламентированной деятельности в учебном заведении к беспорядочной, абсолютно нерегламентированной жизни на переднем крае обороны, в гуще событий, в руководящей

ГЛАВА I. Блокадные дневники

роли по ликвидации последствий ужасных бомбардировок! Не успев привыкнуть к этому дьявольскому процессу разрушения, я, должно быть, надорвал свои физические силы. А, возможно, сейчас резко обозначилась любопытная черта моего характера, которую я и раньше замечал при тушении пожаров в мирное время: чем сложнее и ужаснее обстановка, тем хладнокровнее я становлюсь.

Сегодня утром, прямо с пожара, заехал к себе на квартиру. Зашел к матери Тимошенко — к Елене Никифоровне. Вид у меня был необычен: весь в грязи и саже, мокрый, страшно утомленный и похуевший. Она всплеснула руками и молча покачала головой. Разговорились. Она напоила меня горячим чаем с сухарями и обогрела

у плиты. Это мне было очень необходимо. Дома все спокойно. Думал получить письмо от жены. Но писем не оказалось. Беспокоюсь, уж не случилось ли что-нибудь плохое? Ох, как тяжело жить в одиночестве!

Квартиру я совершенно забросил. Не бываю там неделями. Некогда. Но я доволен, что в период Отечественной войны я не сижу сложа руки, а активно борюсь, не жадая своей жизни. Ведь моя жизнь непрерывно подвергается опасности, и это не угнетает мой дух, а возвышает его. Я заметил, что мое сознание не раз отмечало важность моего теперешнего положения, роли и значения. Я горжусь своей ролью, своим теперешним положением на переднем крае обороны. Я удовлетворен своей жизнью, и это главное.

16 октября 1941 года

Наши дела на фронте складываются неблагоприятно. Враг яростно насаждает, неся большие потери. Но и наши потери велики. Оставлены города Орел, Брянск, Вязьма, Мариуполь. Противник наступает на Калинин (*ныне Тверь*). Таким образом, он пытается охватить кольцом Москву, наступая от Орла, Калинина и Вязьмы. Передают, что немцы собрали танки всех систем, множество самолетов, артиллерии и рвутся к Москве. Бои идут уже на подступах к Калинин. Наши войска пятятся, нанося врагу существенные потери. Москве создана смертельная опасность. Не меньшая опасность создана для Донбасса и Ростова. После падения Мариуполя открылся путь для немцев на Таганрог и Ростов. Если будет перерезана Ростовская

железная дорога, то нам придется возить нефть по Волге.

Мы непрерывно готовимся к активной обороне города, к борьбе на улицах. Михаил Федорович Юскин предложил использовать пожарные автонасосы в качестве огнеметов. Вчера проводили опыт. Приезжали товарищи Кубаткин и Иванов. Потом всех нас пригласили в УНКВД. После недолгих переговоров мне предложили возглавить комиссию по дальнейшей разработке этого вопроса. Сегодня приступаю к работе.

По указанию властей мы формируем военную дивизию пожарных. Меня предварительно наметили начальником штаба дивизии. Командиром дивизии назначен Сериков, комиссаром — Петров, помощником командира дивизии — Верин.

18 октября 1941 года

Положение на фронтах все ухудшается. После продолжительной обороны наши войска

эвакуировались из Одессы. Она сдана противнику. Враг рвется к Москве.

23 октября 1941 года

После кровопролитных боев вчера оставлен Таганрог. Враг рвется к Ростову и к Москве. Командующим западным фронтом в 100–120 километрах от Москвы назначен генерал

армии Жуков, командующим на непосредственных подступах к Москве — генерал-лейтенант Артемьев. В Москве введено осадное положение. Движение с 12 до 5 утра запрещено.

Враг у Можайска, у Малого Ярославца. Идут ожесточенные бои на всех фронтах. Пожалуй, мы сейчас переживаем самую тяжелую фазу войны. Под угрозой оказалась самая населенная часть страны. Фашисты поставили на карту все. Если они сейчас будут остановлены, то это уже будет начало поражения их. Сегодня пошел пятый месяц войны. И за все это время враг наступает, а наши войска медленно пятятся. Такие бои, которые идут непрерывно на всем фронте не могут долго продолжаться. Армии будут физически уничтожены. Никогда мир еще не видел таких потоков человеческой крови, какие наблюдаются в эту войну. Ежедневно истребляются с обеих сторон десятки тысяч человек. На Ленинградском фронте инициатива перешла к нашим войскам.

29 октября 1941 года

Получил телеграмму от Лели. Пишет: «Твои письма получаю, тебе пишу много, здорова, целую». Спасибо ей за память обо мне.

Бои по-прежнему идут на всех фронтах. Противник еще не остановлен. 27 октября сдан город Сталино (ныне город Донецк). Сегодня сообщили о сдаче Харькова. Значит, Курск под угрозой. Что-то будет с Ольгой и с мамой. Я даже не знаю, где они и что с ними?

Мы сформировали дивизию из личного состава городской пожарной охраны — трех полкового состава. Меня назначили командиром второго полка. Сегодня была проверка знаний. Решали задачу по военной тактике. Без всякой консультации,

8 ноября 1941 года

Сейчас только вернулся с пожара в доме № 19 по Обводному каналу. Горел госпиталь. В 18 часов в здание госпиталя попала фугасная бомба. Пробило четыре этажа. Убито девять человек. Пожара не было. Спустя полтора часа вдруг появилось пламя в очаге разрушения. Огнем охватило все этажи и чердак. Когда пожарные части развернулись для тушения, неожиданно обвалилась наружная стена. Никто не пострадал. Когда пожар в основном уже был локализован, внезапно обрушились сводчатые

Наступательный порыв фашистов прошел. Враг окопался, и его медленно — буквально по 100—300 метров в сутки оттесняют наши войска. Но это зверье яростно сопротивляется и в обороне. Из вражеских траншей непрерывно изрыгается минометный, пулеметный и артиллерийский огонь.

Три ночи не было налетов авиации, и мы спали спокойно в кроватях. Но еще ни разу не прекращался артиллерийский обстрел города.

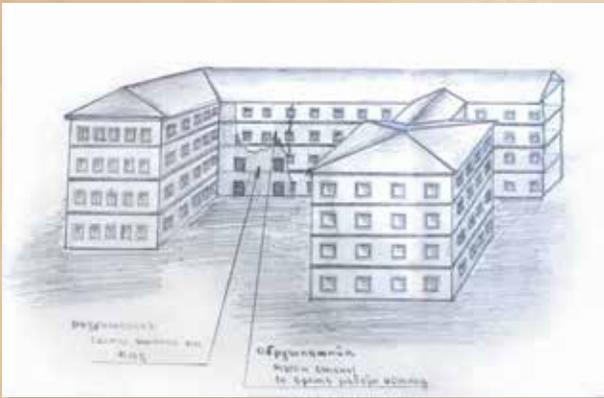
Я по поручению товарища Кубаткина занимаюсь подготовкой к переделке пожарных автонасосов в огнеметы. Возглавляю комиссию из инженеров. Сегодня испытание приспособлений.

я нанес на карту обстановку и написал приказ за командира 2-го стрелкового батальона. Завтра узнаю, в чем ошибся. Но чувствую, что моя работа не будет забракована.

По решению Государственного Комитета Обороны наш жилой дом НКВД в Ленинграде по Московскому шоссе 7-В передали заводу «Электросила». Нам предложено выселиться и получить другую жилплощадь в городе. При содействии т. Аслина я сегодня получил ордер на две комнаты в квартире 5 в доме № 16 по улице Каляева (ныне Захарьевская улица). Завтра буду перевозить вещи.

перекрытия над коридорами во всех четырех этажах. Обломками засыпало четырех бойцов 23 ГПК, извлечен убитым младший командир Башкиров, начальник 23 ГПК Бравичев получил тяжелое ранение, политруку Шалыгину и младшему командиру Рыбакову ампутировали по ноге. Тяжело ранен начальник караула водоспасательной службы офицер Гипис. Пять человек получили легкие ранения. Я несколько раз ходил по этим коридорам. Судьба и на этот раз спасла меня от гибели.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Вид дома на Обводном канале, 19

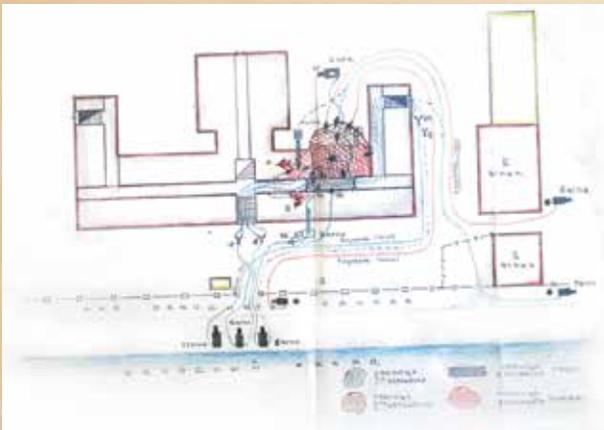
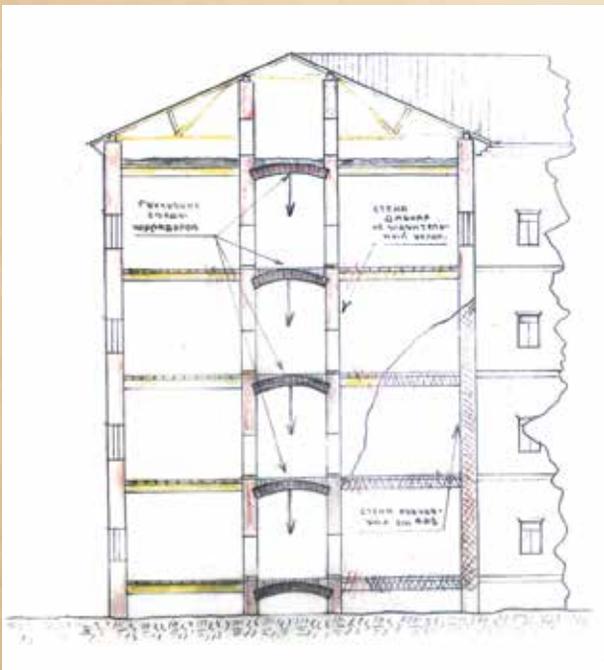

Схема тушения пожара на Обводном канале, 19

Разрез здания на Обводном канале, 19

Вчера возник пожар от фугасной бомбы в доме № 29 на набережной реки Мойки. Пожар был весьма трудный. Я руководил тушением. Во время тушения пожара неожиданно взорвалась бомба замедленного действия, которая никем не замеченной лежала в нижнем этаже не горевшей части здания. От взрыва получили ранение лица восемь бойцов. Разбило выдвижную пожарную лестницу, перебило рукавные линии. Взрыв внес некоторое расстройство в тушение. Я был на крыше в момент взрыва, но не пострадал. Судьба снова меня поразила.

Взрывами вышибло лестничную клетку в одну часть горящего здания. Горело в четвертом этаже. Проникнуть в горящий этаж не было возможности. Двор был настолько тесен, что механическая пожарная лестница в нем не могла развернуться, переносные раздвижные лестницы не доставали до горящего этажа. Выход из положения нашел один из бойцов. Он предложил спустить его с крыши на веревке вместе со стволом. Его предложение осуществили. Вися в воздухе напротив горящего этажа, он стал поливать помещения из окна. А когда ему удалось сбить пламя, тогда он проник в помещения и быстро ликвидировал горение. По веревке спустились с крыши и еще несколько бойцов. Пожар был ликвидирован еще во время воздушной тревоги и не демаскировал центр города. Это имело весьма важное значение. Дело в том, что дом, в который попало несколько фугасных бомб, находился вблизи Зимнего дворца. Вполне вероятно, что эти бомбы предназначались для Зимнего дворца, но летчик промахнулся, и они упали рядом на жилой дом.

Мне пока удается избегать опасности. Помогают случаи. Так, пожалуй, чего доброго начнешь верить в сверхъестественную силу. На днях собрался ехать на затянувшийся пожар по Языкову переулку. Уже подошел к машине, как раздалась очередная воздушная тревога. Пришлось идти на командный пункт. А в этот налет враг сбросил по пожарнице несколько фугасных бомб. Разбиты три пожарных автомасоса, пятеро убито, пятеро тяжело ранено.

27 ноября 1941 года

Сейчас в 9:30 передавали по радио передовую «Правды». Внезапно диктор прервал передачу, а из штаба МПВО передали по радио, что в связи с артиллерийским обстрелом все должны укрыться в убежищах и щелях. Очереди должны разойтись, движение должно

быть приостановлено. Слышалась канонада. Иду в подвал, на командный пункт. Такие обстрелы в дневное время происходят почти ежедневно. Сколько домов разрушено, разворочено. Сколько людей убито и изувечено! Во имя чего все это свершается?

30 ноября 1941 года

На днях был сдан врагу Ростов-на-Дону. Сегодня сводка сообщила, что наши войска выбили немцев из Ростова и теснят противника к Таганрогу.

На нашем фронте все по-прежнему.

В морском порту разгружали снаряды. В вагон со снарядами попал вражеский снаряд. Произошли взрывы и пожар. Пожарным пришлось наступать на очаги горения ползком через бетонный склад. То и дело происходили взрывы, а бойцы неустрашимо

тушили очаги горения. Убито десять человек, ранено — тридцать. Снарядами при взрывах оказался изрешеченным корабль. Была прямая угроза крейсеру «Максим Горький». Я был на этом пожаре. Тушение пожаров в необычной обстановке, гибель наших бойцов и командиров при исполнении служебного долга стали повседневным явлением. Это — быт фронтового блокированного города!

1 декабря 1941 года

Разрушение города продолжается. Взорвалась бомба замедленного действия в Технологическом институте. Возник пожар. Потушили удачно. Я был там.

Вчера на ул. Вольфа, 12 (ныне улица Чапаева) горело в мансардном этаже на площади около 120 кв. метров. Павликов, Антращенко и Завьялов да еще наш штабной работник собрали на месте пожара девять отделений, налили воды столько, что промочили пятый, четвертый и третий

этажи. Вот бездельники. Назначил служебное расследование.

Меня навестил мой бывший начальник М. П. Блейхман. Он очень доволен тем, что служит в армии. Говорит, что на службу в пожарную охрану больше не вернется. Что ж, поживем — увидим.

Сегодня часовой на нашем командном пункте противопожарной службы МПВО города выстрелил себе в руку из винтовки. Назначил расследование причин.

8 декабря 1941 года

Сегодня объявлено о начале войны Японии с США и Англией в районе Тихого океана. Япония объявила войну официально. Начались военные действия. Японская авиация бомбардировала Гавайские острова и Манилу. Англия недавно предъявила ультиматум

Финляндии, чтобы она прекратила военные действия против СССР. Финляндия 5 ноября дала неудовлетворительный ответ. 6 ноября Англия объявила, что с 00 часов она находится в состоянии войны с Финляндией, Румынией и Венгрией.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

10 декабря 1941 года

Армии Мерецкова 9 декабря разбили наголову войска генерала Шмидта и взяли обратно Тихвин. Убито свыше семи тысяч немецких солдат. Остатки разбитых войск, переодетшихся в крестьянское платье, разбежались по лесам Будогощи. Взято много трофеев.

Прекрасно! Есть надежда, что блокаду прорвут и немцев отгонят от Ленинграда. Бои шли десять дней. Вот почему над Ленинградом за последние четыре-пять дней не было ни одного вражеского самолета.

11 декабря 1941 года

Нас сегодня неожиданно пригласили в кабинет Серикова, где находились начальник УНКВД П. С. Кубаткин и его заместитель майор Басов.

Цель посещения неясная. Официально нам заявили, что районные управления пожарной охраны жалуются на то, что мы редко бываем у них и слабо им помогаем. В заключение т. Кубаткин сказал, что мы много кричим на районных работников, а не помогаем им. Это, видимо, намек на нашего главу, у которого грубости хоть отбавляй. Он даже не знает ни в лицо, ни по фамилиям начальников команд, не говоря уже о нижестоящих офицерах. Когда ему нужен какой-либо начальник команды, то он спрашивает меня какой у нас «Х» сидит в такой-то команде: «Пусть мне позвонит!» И начинает распекать.

На этом совещании мы высказали свои соображения о недостатках в работе, просили т. Кубаткина помочь нам. Он обещал. Он поинтересовался, как мы живем, как мы питаемся, есть ли у нас деньги на эвакуацию семей. В общем, обещал улучшить питание, приказал выдать нам по полумесячному окладу вспомоществование.

Такого посещения нас высоким начальством еще ни разу не было.

После этого совещания мы поехали обедать в столовую УНКВД. На Кировском проспекте

Рузвельт и Черчилль выступили в парламентах с речами по поводу предательского нападения на них Японии.

Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский союз, Пуэрто-Рико, Никарагуа, Куба, Голландская Индия объявили войну Японии. Китай активизируется.

Какова же наша позиция? Будет ли заключен союз с США? Если да, то значит, мы должны быть в состоянии войны с Японией, с которой у нас есть договор о дружбе и ненападении.

шофер Васильев не разглядел стоящей впереди грузовой автомашины, поздно свернул, и мы ударились с полного хода об вмерзший в снег пятитонный грузовик. Удар пришелся в угол кузова нашей автомашины, где сидел я. Автомобиль разбит. Мне сильно ушибло ногу и бок. Больше повреждений не оказалось, хотя я сидел с шофером рядом на переднем сиденье. Стекло ветровое разлетелось вдребезги, я был придавлен кузовом к сиденью. Борис Иванович Кончаев⁷, сидевший на заднем сиденье, сильно ушиб руку, а у начальника отдела кадров Костюк оказалась пробитой надбровная дуга, и получилось сотрясение мозга. У шофера Васильева оказалась смятой грудная клетка, и он умер.

По телефону я доложил полковнику Серикову про аварию. Как обычно, он раскричался, не получив даже объяснения обстоятельств. Обвинил и меня вместе с шофером. Приказал шофера отдать под суд, хотя и знал уже, что он смертельно ранен.

Получен приказ НКВД о восстановлении факультета инженеров противопожарной обороны (ФИПО). Меня вызывали в отдел кадров УНКВД и предложили должность начальника ФИПО. Я отказался. Ведь я не имею законченного высшего образования. Зачем подставлять себя под третирование. Мне намекнули, что вообще был разговор о назначении меня на должность начальника

⁷ Кончаев Борис Иванович — в период блокады начальник штаба пожаротушения УПО г. Ленинграда.

управления пожарной охраны гор. Ленинграда, если встанет вопрос о смене руководства. Мне кажется, что это сказано так, попутно, не очень серьезно. Сегодня Германия и Италия объявили войну США.

12 декабря 1941 года

Все латиноамериканские страны или объявили войну Японии, или разорвали с ней дипломатические отношения. Война поистине стала мировой. Нейтральными остались не больше десятка малых стран.

Сегодня меня навесил профессор Тидеман Борис Генрихович. Вид ужасный. Глаза потускнели. Страшно худой. На ногах разорванные валенки, на плечах шуба с оборванным воротником, на голове шапка-ушанка. Портфель желтой кожи подвешен на бечевке на шею. На руках рукавицы с варежками. Не садясь, заявил мне, что он съел свою кошку. Теперь и ее нет. Жена больна дистрофией, он чувствует, что скоро умрет. Силы тают ежеминутно. Просил помочь ему эвакуироваться из города, иначе — смерть. Я посоветовался с Сериковым, и он поручил мне написать докладную записку в штаб Ленфронта о предоставлении Тидеману места на самолете для перелета линии фронта. Я отправил Бориса Генриховича домой на своей машине, предварительно снабдив небольшим запасом продовольствия, которое сумел оторвать от своего пайка (через девять-десять дней мне был доставлен вестовым из штаба фронта пакет, в котором было разрешение на место в самолете для Б. Г. Тидемана. Я помчался на квартиру Бориса Генриховича. Но... он уже был мертв. И его не похоронили. Так погиб от неумолимой дистрофии единственный специалист Советского Союза по химии горения профессор Борис Генрихович Тидеман).

С едой в Ленинграде стало очень плохо. Хлеба дают по 250 грамм рабочим, 125 грамм служащим, иждивенцам, детям. Карточки имеют талоны на 5, 10, 12, 5, 25 грамм. За суп в столовой НКВД вырезают один крупяной талон в 12,5 грамм, а в обычных столовых — два талона. За конфету к чаю вырезают два сахарных талона по 10 гр. каждый.

Рузвельт направил послание Конгрессу, прося признать состояние войны с этими государствами. Конгресс принял решение единогласно.

Люди стали страшно худы. Я не был в бане месяца три — негде мыться. И вот представилась возможность: нам разрешили помыться в водолечебнице городского управления милиции, в здании на площади у Зимнего дворца. Что я там увидел, было неописуемо. Здесь мылись ответственные работники УНКВД. Под душами стояли живые трупы. От мертвых они отличались только тем, что стояли и еще двигались. Фигуры их были ужасны, во всем была асимметричность. На очень тонких шеях торчали черепа, обтянутые желтоватой кожей с остекленевшими глазами, которые выражали лишь смертную усталость и обреченность. Животы втянуты, толщина ног была менее обычной руки, плечи узкие. Движения были вялые, медленные.

Раздевшись, я направился в душевую. Идти пришлось мимо зеркала. Когда я увидел собственную фигуру, то остолбенел. Из зеркала смотрел урод, слабо похожий на меня. И мне так стало жалко себя, что у меня заструились слезы. Когда я взвесился на медицинских весах, оказалась недостача 26 килограммов веса против довоенного.

От голода начались повальные смерти. По Кировскому проспекту (ныне Каменноостровский проспект) можно ежедневно видеть, как везут гробы на автомашинах, на подводах, на салазках, на фанере, прикрепленной веревкой к автомашине, везут трупы без гробов.

Вчера я видел картину, достойную кисти какого-либо великого художника. В утренних сумерках я вышел из дверей нашего дома на Мойке на набережную. Вижу слева от дверей на мостовой следующее: на снегу на спине лежит труп средних лет женщины, одетой в ситцевое платье. На ее шее петля веревки, концы которой держат в заочневших руках девочка лет двенадцати и мальчик лет восьми. Выяснилось, что дети везут на кладбище свою

ГЛАВА I. Блокадные дневники

№ 116. Справка о нормах выдачи хлеба населению гор. Ленинграда за период с июля месяца 1941 г. по июнь месяц 1943 г.

/ норма хлеба в граммах /

	Категория снабжаемого населения					
	Рабочие и ИТР оборонных предпр.	Рабочие и ИТР	Служащие	Иждивенцы.	Дети до 12 лет	Рабочие горячих цехов.
16 июля 1941 г.	-	800	600	400	400	1000
2 сентября 1941 г. ...	-	600	400	300	300	800
11 сентября 1941 г. ..	-	500	300	250	250	700
1 октября 1941 г.	-	400	200	200	200	600
13 ноября 1941 г. ...	-	300	150	150	150	450
20 ноября 1941 г.	-	250	125	125	125	375
25 декабря 1941 г. ...	-	350	200	200	200	500
24 января 1942 г.	-	400	300	250	250	575
11 февраля	-	500	400	300	300	700
22 февраля	-	600	500	400	400	700

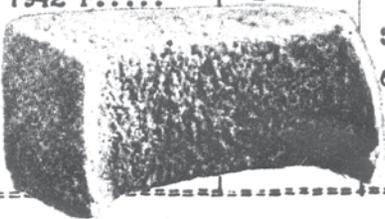

Таблица норм выдачи хлеба в Ленинграде в 1941–1943 годах

покойную маму, умершую неделю назад от голода. Оба ребенка одеты в какие-то лохмотья, на ногах валенки, головы закутаны платками. Оба страшно худые, на лицах образовались морщины. Это были дети-старички. Они оказались с соседней улицы. Так вот, при помощи веревок, они и везли труп своей умершей матери. Я отобрал у них труп, а их вернул домой. Труп на автомашине отправил в морг, а детей взяли под наблюдение. Теперь кто-либо из нашего штаба ежедневно навещает детей, помогает им продовольствием. Я не уверен, что удастся сохранить им жизнь. Кажется, неумолимая дистрофия скоро оборвет их жизнь. Мой друг доктор медицины Семен Семенович Гробштейн сказал мне, что дети обречены. Какой ужас! В какой ужас бросили нас фашистские мерзавцы!

Я сам с каждым днем все худею. Три дня назад мне прислали из УНКВД два килограмма

конины. Сделал котлеты. Все эти дни я их поджаривал. Еще есть в запасе. Котлеты оказались вкусными. Несколько утолил свой голод. Однако мысль о еде не покидает ни днем, ни ночью, когда просыпаешься. Говорят, что некоторые едят собак. Вообще собаки — редкое явление. Их, должно быть, действительно уже поели. Некоторые приводят собак на специальные пункты, чтобы усыпить навеки. Их нечем кормить. Разыгрываются грустные картины. На днях одна женщина привела двух породистых борзых, привязала к забору и ушла со слезами на глазах.

Но мы надеемся, что положение скоро изменится в лучшую сторону. С 15 декабря обещают прибавить хлеба. Об этом говорил т. Кубаткин. На вторую декаду прибавили 100 гр. мяса. Теперь дадут 500 гр. Прибавили 100 гр. крупы, кондитерских изделий. Нам Кубаткин обещал продовольственные посылки.

16 декабря 1941 года

Сегодня послал Леле телеграмму-молнию с поздравлением двадцатилетия супружеской жизни. Годовщина будет 22 декабря.

Наши войска заняли город Клин, мой родной город. Наступление наших войск

началось. Это вселяет уверенность в победу Красной Армии над фашистскими войсками. Прогрессивное обязательно победит реакцию. Таков непреложный закон.

17 декабря 1941 года

Красная Армия вчера заняла город Калинин. В боях разбиты шесть дивизий врага, взяты большие трофеи. Враг отступает. «Ленинградская Правда» сообщила, что части генерала Мерецкова пробились к Волхову и соединились с бойцами этого фронта. Железная дорога на участке Тихвин-Волхов освобождена. Вчера немцы выбиты из Мги. Теперь очистить бы остатки их между

Шлиссельбургом и Мгой, и Северная железная дорога открыта. Снова потечет к нам хлеб и другое продовольствие.

В столовой УНКВД висит на стене плакат со следующим лозунгом: «Почет бойцу, который убил одного гитлеровца. Слава тому, кто убил десять немецких подлецов. Вечная благодарность герою, уничтожившему сто фашистов».

22 декабря 1941 года

Сегодня исполнилось двадцать лет супружеской жизни с Еленой Пронской, моей женой, другом и товарищем. Года полтора тому назад, даже меньше, когда мы были в Ессентуках в июне месяце, мы мечтали о том, как отпразднуем эту славную годовщину. Мы вспоминали пройденный путь, вспоминали с удовольствием. Приятная была жизнь! Она ничем не омрачалась. Ничто не волновало нас. Мы непрерывно трудились, жили общественной жизнью, жили друг для друга, работали один о другом. Хорошо жили, как подобает человеку социалистической эпохи.

Но вот пришла война с ее неумолимыми жестокими законами. Нас разлучили. А ведь до войны нам пришлось тринадцать раз переезжать из одного города в другой, когда переводили по службе. Леля всегда ехала со мной, бросая квартиры, насиженное гнездо, всегда безропотно. И вот мы не можем спокойно отпраздновать важную человеческую дату — двадцатилетие супружеской жизни. Она — в Свердловске, я — в осажденном Ленинграде. Я послал ей телеграмму-молнию, но ответа нет. Я даже не уверен, что моя телеграмма вообще дошла до адресата. Ведь возможно, что телеграф не работает. Вокруг Ленинграда идут ожесточенные бои. Армии Мерецкова,

Федунинского, Бондарева и другие теснят врага. Он огрызается. Отступая, он больно кусает наших. Он стал шквальным артиллерийским огнем обстреливать город. Много разрушений и гибели людей. Вот так и не пришлось нам побыть вместе. Не пришлось пригласить друзей и попить. Надеюсь, что мы еще наверстаем свое! Счастлив человек, что он может мечтать, надеяться. Отними от него мечту, надежду и все погибнет. Жизни не будет. Но вот наша ленинградская действительность. Позавчера в мою новую квартиру на улице Каляева влетели осколки снаряда. Он разорвался у дома. Есть убитые и раненные. Все стекла в моих комнатах выбиты. Переломаны переплеты рам. Мебель и вещи не пострадали. Есть опасение, как бы не замерзло водяное отопление. Опять надо забивать окна — в третий раз.

Противник стал обстреливать город 8-12-дюймовыми снарядами огромной разрушительной силы. Сегодня я был на Пушкинской улице в доме № 4/6. Снаряд разбил два верхних этажа пятиэтажного жилого дома. Развалилась лестничная клетка. Много убитых. Некоторые под обломками. Торчат руки и ноги. Растерзанная осколками женщина отшвырнута на плитку в четвертом

ГЛАВА I. Блокадные дневники

этаже. Во дворе лежит головка девушки лет семнадцати со светлыми волосами. Застывшие глаза как бы с удивлением смотрят на мир. Я случайно встретился взглядом с этими застывшими синими глазами, и содрогнулся. Какая-то дьявольская сила разорвала на части юное тело и голову отбросила во двор. Я долго не мог оторвать взгляда от этой мертвой головы. Суровое спокойствие в чертах лица. Лицо чистое, гладкое, нежное. Несколько сохранились плечи. И все, что осталось от человека, минуту назад не подозревавшего о таком трагическом конце. Я накрыл листом железа эту страшную человеческую маску и ушел, содрогаясь в бессильной ярости.

На месте разрыва снаряда возник пожар. Другая половина дома оказалась неповрежденной, но лестница была разрушена. Люди, оставшиеся в этажах, зывали о помощи. Пожар в пятом этаже, куда не было доступа, нагонял на людей панику. Пожарные спасли девять человек. Их поднимали по веревке на крышу и выводили дальними путями.

Ох, эти пожары на высоте без наличия подступов! Сколько труда и усилий вызывают они с нашей стороны. Сколько самоотверженности проявляют бойцы и командиры при тушении таких пожаров. Общество не знает всех тонкостей нашей работы. Когда-нибудь историк вспомнит о нас, современниках, отважно боровшихся с огромными пожарами под обстрелом, под рвущимися авиационными бомбами! Ведь даже некоторые наши работники не знают, как в морском порту тушили вагоны со снарядами. Их привезли для погрузки на крейсер. В один из вагонов попал вражеский снаряд. Вагон загорелся, и началась серия взрывов. Героические железнодорожники отцепили горящий вагон, а остальные увезли. Взрывы продолжались сорок минут. А в это время наши пожарные из порта ползком пробирались через пакгауз со снарядами к горящему вагону, стали тушить и потушили.

Тогда разбило снарядом автомашину опергруппы пожарной охраны, ранило шофера, ранило тридцать восемь человек из команд морских судов и рабочих, убило десять человек. Осколками повредило суда, находящиеся у причала, изрешетило бетонную стену пакгауза. Тогда на месте пожара лежали неразорвавшиеся снаряды. Им не дали взорваться. Разве такая работа пожарных не героична? Я был на этом пожаре. Я видел спокойные мужественные лица бойцов и командиров — на них не было признаков растерянности. Это, безусловно, герои! Их надо награждать.

Сегодня исполнилось полгода ужасной войны, которую навязали нам фашисты. Мир еще не видел такого массового истребления людей. За полгода несколько миллионов убитых и раненых солдат. Несколько сот тысяч мирных граждан убили фашисты. Миллионы людей изгнаны со своих родных мест и влачат жалкое существование: кто в лесу, кто в тылу наших войск.

Каков полугодичный итог войны:

1. Немцы оккупировали у нас Литву, Латвию, Эстонию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Карелию, Смоленскую, Ленинградскую, Московскую, Тульскую области, дошли до Ростова, заняли Крым — огромные территориальные потери. Но Красная Армия не разгромлена. Наоборот, она укрепляется, растет, лучше вооружается.

2. Молниеносный удар немцев провалился. А плана зимней кампании и длительной войны у немцев, по-видимому, нет. К нам пришла союзница — зима, и положение на фронтах резко изменилось. Наши войска перешли в наступление, и по всему фронту начался отход и уничтожение войск противника. Красная Армия нанесла сокрушительные удары врагу под Ростовом, Тихвином, Ельцом, под Москвой, Тулой, Калинином. Враг пятится назад, наши наступают, безжалостно истребляя врага. Время покажет, когда и где окончательно фашисты будут разбиты!

23 декабря 1941 года

Мы все воодушевлены. Радио сообщило: «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах Москвы».

Второе генеральное наступление немцев на Москву началось 18 ноября. 6 декабря наши войска перешли по всему фронту в контрнаступление и к исходу 11 декабря разгромили

части врага. Всего фашисты сосредоточили у Москвы пятьдесят одну дивизию: тринадцать танковых, тридцать три пехотных, пять мотопехотных. Заняты были города Клин, Солнечногорск. В Клину немцы надругались

над музеем-домом, где жил и творил великий русский композитор П.И. Чайковский. Теперь немцев сильно гонят на Запад по всему центральному фронту.

28 декабря 1941 года

Наступает новый 1942 год. Что-то он несет нам, ленинградцам? Все мы ждем улучшения. Ведь наша сегодняшняя жизнь ужасна. Говорят, что в настоящее время ежедневно умирает около трех тысяч человек, причем 60–65% мужчин. У них меньше жировой слой, чем у женщин, поэтому процент смертности среди мужчин выше, чем среди женщин. По улицам непрерывно везут трупы на кладбище. Везут на салазках, на листах фанеры, в шкафах — да, именно в шкафах! Везут в простых дощатых ящиках, иногда обернутых чем-либо, чтобы создать впечатление похорон в гробу. Но случается, что трупы по восемь-десять суток не хоронят — некому. На кладбищах образовалась масса трупов. Земля мерзлая, могильщики ослабели. Райсоветы мобилизуют разных людей, в том числе пожарных, на рытье общих могил, но это не улучшает положения. Число умерших не сокращается, а, наоборот, все увеличивается.

У моего друга, зам. начальника УПО Бориса Ивановича Кончаева, пропал тесть. Жил, работал, потом куда-то пошел и пропал. Нет день, нет два, прошла неделя, а его нет. Стало ясно, что тесть умер где-либо на улице. Мы однажды поехали с Борисом Ивановичем по моргам искать труп тестя. И, представьте себе, нашли. Служащий морга долго переворачивал трупы, стараясь помочь нам. И вот — труп тестя Бориса Ивановича. Но он закоченел, и в автомашину его невозможно погрузить: не проходит. Тогда мы, пообещав служащему полкилограмма хлеба, приставили труп к топящейся печи в канцелярии морга. Труп постепенно стал оттаивать. Но, увы, раздалась воздушная тревога, и нам пришлось спешно отбыть на командный пункт. Труп тестя снова затерялся среди тысячи других горемык. В морг мы с Борисом Ивановичем приехали через четыре дня. Труп исчез. Снова начались поиски. И нам на счастье

Б.И. Кончаев. 1942 год

труп отыскался. О, как мы были довольны. Снова повторилась процедура отогревания трупа, чтобы мы могли поместить его на заднее сиденье автомобиля. Труп тестя Бориса Ивановича мы привезли и с достоинством похоронили, как полагается по христианскому обычаю, правда, без попа, вернее — по-советски.

Наши бойцы, как и все граждане Ленинграда, очень отощали. Вчера мы послали докладную записку начальнику УНКВД т. Кубаткину. В записке отметили, что 1247 пожарных работников больны, из них 419 тяжело — постельные больные. Некоторые, очевидно, скоро умрут от истощения. Пожары стали принимать затяжную форму. Их стало очень трудно, а порой и невозможно, тушить. Пожарные обессилели

ГЛАВА I. Блокадные дневники

настолько, что не могут работать со стволами и струями поражать очаги горения. Иногда в качестве ствольщиков становятся командиры, но ведь и они получают тот же паек и работают только за счет волевого напряжения. Сто восемьдесят шесть офицеров тоже прикованы к постелям. Некоторые из них опухли от голода. В столовых дают жидкие щи из серой капусты и за них вырезают два крупных талона. Мясных и крупных талонов хватает только на десять обедов вместо тридцати. Двадцать дней приходится жить на одном хлебе. Хорошо, что с 25 декабря прибавили нам хлеба. Теперь получают: рабочие 350 грамм, служащие 200 грамм.

На базарах все обменивается только на хлеб. Говорят, что за 500 грамм хлеба продают фетровые сапоги. Одна женщина новое крепдешиновое платье отдала за 125 грамм хлеба.

Ужасное время. Если оно еще долго продолжится, то может наступить катастрофа для населения — голодная смерть от истощения, или, как говорят ученые, дистрофия.

К голоду прибавляется еще холод, отсутствие электричества. Трамваи стоят. Люди тратят невероятно много времени и энергии на преодоление больших пространств, на ненужные переходы. Центральное отопление в домах бездействует. Стекла в окнах выбиты. Квартиры отапливаются временными печами. От них уйма квартирных пожаров с едким дымом. Дым не переносят ни жители, ни пожарные, привыкшие к нему в силу своей профессии. У пожарных понизилась сопротивляемость организма. Поэтому на многих пожарах наши бойцы получают отравление окисью углерода, и их приходится отправлять в больницы, иногда прямо с места пожара. А больницы все забиты до отказа больными ранеными с фронта. Туда наших отравленных нередко не принимают. Наш врач Акуленков сбился с ног, чтобы помочь нашим раненым и отравленным. Вот времена настали!

Света в городе нет. Целые районы отключены от электростанций. Учреждения работают с коптилками. Жгут масло, иногда с бензином. От этого участились взрывы и пожары. У нас недостает сил и средств, чтобы потушить вовремя все возникающие

в городе пожары. Разве можно было предвидеть такое количество пожаров в Ленинграде — одном из культурнейших городов Советского Союза!

Театры работают. Много артистов отказалось эвакуироваться. Они пожелали своим трудом участвовать в обороне Ленинграда. Как были мы им благодарны. Они выступали в совершенно нетопленном театре, на лютном холоде. Публика, сидящая в пальто, в шубах, удивлялась, как это артисты могут вести роль, одевшись в легкие декольтированные платья! У меня нет слов выразить мою признательность ленинградским артистам, которые своим искусством в самые тяжелые дни блокады, когда в городе шло только разрушение, а не созидание, вселяли в нас дух бодрости, толкали на самоотверженность, столь необходимую в эти тяжелые времена.

У нас торгуют магазины. Торгуют при свете коптилок и день, и ночь. Все окна в магазинах прочно заделаны досками с песком. В некоторых магазинах и товарных складах весь объем заполнен товаром. Постоянно ощущаю голод. А ведь в отношении голода я не новичок. Мне пришлось основательно голодать в Москве в 1918—1920 годах, когда мы получали в пайке одну восьмую фунта хлеба. Современники наши теперешние, пожалуй, и не поймут что такое восьмушка хлеба. Это пятьдесят граммов! Как же я питаюсь теперь? Ни разу я не пообедал досыта. После обеда всегда хочется есть. Хлеб для меня очень тяжел. Как я узнал, в нем 40% муки, 30% отрубей и 30% бумаги, по-ученому, целлюлозы. Хлеб съешь, а на желудке появляется небывалая тяжесть. Часто стала ныть печень. Не знаю, дотяну ли до того времени, когда можно будет улучшить пищу. Нам, ленинградцам, обязательно нужен усиленный рацион на месяц-два, как только прорвут кольцо блокады. Но это кольцо прорывается очень медленно. Немцев теснят. Успешно наступает с Волхова 54-я армия Федюнинского. В ней командует дивизией наш начальник Главного управления пожарной охраны НКВД СССР генерал-майор Козик. С юго-востока теснит немцев Мерецков. По всему чувствуется, что через пару недель вражеские полчища должны откатиться на запад от Ленинграда. Тогда сразу освободятся три железные

дороги, и потечет в город продовольствие, топливо, вооружение, боеприпасы. Вот будет чудесная минута в нашей жизни!

Но какой прекрасный наш народ! Этот народ — уникал, великан, непобедимый. С каким мужеством и самоотверженностью переносит он все тяжести жизни в осажденном городе! Я ни от кого не слышал жалоб, возмущения. Люди тысячами умирают, но не сдаются и не сдадутся. В этом можно быть уверенным. В этом и заключается сила нашего народа, впервые в истории человечества освобожденного от ига капитализма! Это не фраза. Здесь глубокое содержание, основанное на фактах борьбы с капитализмом. Фашизм, который произвел на нас военное нападение, — это высшая форма капитализма, наиболее реакционная его часть. Стало быть, в борьбу вступил не просто советский народ, а борются сила прогресса и реакции. Безусловно, победят прогрессивные силы, а не реакция. Это закон диалектики! Именно в этом заключается небывалое политико-моральное единство советского народа! Гитлер это не понял, да и не мог понять.

Пишу, а сам себя плохо чувствую. Я, наверное, захворал. Третий день сижу

в своем кабинете и не выезжаю на происшествия. Ясно, что у меня ангина и грипп. Страшно болят кости, будто меня били трое суток подряд. Во рту невероятная пакость. На верхней губе лихорадка. Глотаю какие-то порошки — кажется, помогают. Мне почти все сотрудники твердят, чтобы я не выходил на улицу. Это я выполняю. Но как это чертовски трудно в условиях блокады, в условиях буквально ежеминутной опасности смерти не только себя, но и тех двенадцати тысяч бойцов и командиров пожарной охраны, которые на переднем крае обороны исторического города защищают интересы Советского Союза.

Ночью был огромный пожар на заводе № 190. Горел длинный четырехэтажный административный корпус. Началось с телефонной станции. Все сгорело. Остались одни стены. Пожар тушили около сорока отделений, а заливали очаги горения только девять стволов. Около тридцати стволов были заморожены. Температура воздуха была -27 градусов, при ветре с залива. Прихватывало вакуум-аппараты, турбины, бензопроводы. Замерзли три рукавные линии. Произошло то, что было на Фонтанке в 1940 году.

30 декабря 1941 года

В газете «Красная Звезда» генерал-майор Крюков пишет, что за пять с половиной месяцев на Ленинград совершенно около тысячи воздушных налетов. В отдельные сутки было по десять-двенадцать налетов. В один налет принимали участие от десяти до ста пятидесяти вражеских самолетов.

Я должен специально отметить, что пятого (заметьте, пятого) декабря 1941 года массовые налеты на Ленинград прекратились.

Сегодня у нас в Ленинграде был пожар на ул. Эдисона, 5 (ныне улица Яблочкова). Там задохнулись две женщины, пятерых отходили. Боец 9-й городской пожарной команды Кудрявцев от истощения упал, ударился затылком о камни... и умер.

Утром я поехал на очередной пожар. Адрес: проспект Мечникова, 27. Там горели два двухэтажных стандартных дома. Я там тоже загорелся, как человек!

В карман моего кожаного пальто попала головешка. Пальто прогорело. Я разбил часы. Проколот гвоздем подошву резинового сапога.

На пожаре пришлось самому работать со стволом, чтобы потушить пожар. Бойцы настолько обессилены и истощены, что работать со стволом и ломовым инструментом не могут. Поймут ли это положение наши дети?!

Сегодня с утра «затосковал» наш связной — музыкант Соколов. Вечером ему стало плохо. На легковой автомашине я отправил его в больницу, где он немедленно скончался. Легко записать: «скончался». А ведь это результат блокады, нападения на нас немецких фашистов!

Наша пожарная охрана становится слабо боеспособной! Сегодня мы написали докладную записку председателю горсовета П. С. Попкову. В ней отметили:

ГЛАВА I. Блокадные дневники

1. Бензина нет. 2. Люди истощены...
1297 бойцов больны, из них 419 тяжело,
из них 186 офицеров.

3. Плохо с водой в городе.

4. Плохо со связью в городе.

Днем противник обстреливал наш квартал. Я был в столовой. Снаряды разрывались вокруг.

31 декабря 1941 года

Сегодня последний день 1941 года! Утреннее радио сообщило радостную весть: наши войска высадили десант в Крыму и взяли Керчь и Феодосию. Противник отступает. Товарищ Сталин послал приветственную телеграмму командующему Крымским фронтом генерал-лейтенанту Козлову и командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Октябрьскому.

Врага теснят и на других участках фронта. Взяты город Козельск и много сел.

На Ленинградском фронте наши войска медленно теснят врага, отбирая у него один пункт за другим. Вчера пущен первый поезд между Тихвином и Волховом!

1 января 1942 года

Едва ли можно это передать на бумаге.

Как я существовал эти дни в осажденном Ленинграде? Как я встречаю новый 1942 год? Пишу при свете электрического фонаря. Много усилий употребил на то, чтобы укрепить его так, чтобы можно было писать. Свет тусклый. Чернильницу плохо вижу. В чем же дело? Дело в том, что наш квартал два дня подряд подвергался ожесточенному артиллерийскому обстрелу. Возле нашего дома рвались, судя по гулу разрыва, очень крупные снаряды. Повредило фидер электросети. Наш штаб ПС (*пожарной службы*) МПВО города тоже оказался без света. Все-таки мы оказались недостаточно дальновидны. Представьте себе, в штабе противопожарной службы осажденного города не предусмотрели резервного, аварийного освещения. А может, это и не является не предусмотрительностью, а есть уверенность, что противник никогда не вторгнется в город Ленина. Однако я сижу в потемках. Вот так и встречаю новый 1942 год!

В 22 часа меня навестил В. П. Казмин, мой бывший сотрудник. Я дал ему шесть пачек папирос, которые припас для него (сам я не курю с 1 апреля 1934 года. Я кого-то обманул под 1 апреля). С Казминым долго беседовали. Затем приехал в штаб полковник Сериков и официально вызвал меня на мое рабочее место. К моему удивлению, он стал восхищаться составленной нами докладной

запиской на имя Председателя Горсовета П. С. Попкова по поводу того, что в Ленинградской пожарной охране бензина нет, люди истощены настолько, что не могут выполнять свои служебные обязанности, что связь плохо работает, что городской водопровод не снабжает водой при тушении пожаров и т. д. Эта записка произвела огромное впечатление, и власти принялись оказывать нам помощь.

Я слушал полковника Серикова, и ушам не верил. Так ли все это на самом деле? Поэтому делаю такую запись: «Поживем — увидим».

Однако света в штабе нет, бензина для работы автонасосов тоже нет! На чем и с чем мы поедем на пожар в бывшей столице России?

Поймут ли наши внуки и правнуки, что мы переживали в дни ленинградской блокады? Может ли обыкновенный советский человек понять, прочувствовать, что такое осада, что такое блокада города с четырехмиллионным населением, города, являвшегося в течение двухсот с лишним лет столицей великого государства?

Перед Новым годом я получил письмо от своей любимой и родной женушки и друга. Как я был ей благодарен. Вот единственный человек, которому я предан всем телом и душой. За ее преданность, дружбу и товарищество я могу отплатить только тем же. Тоска по ней поистине безгранична. В столовой мне, ответственному

М.К.Сериков и боец

работнику, отказали: нет продуктов. Я лег спать с неотступной мыслью о еде. Кто поймет, не испытав, что такое пустой желудок? Человек, которому вверена защита от пожарной охраны города с трехмиллионным населением, лежит голодный, истощенный, а ему ежеминутно нужно быть в боевой готовности! Вот до чего дошло дело. Что это: чья-либо безалаберность, или так плохи дела в городе с продовольствием? Пожалуй, и то, и другое. На днях я поставил вопрос перед П.С. Кубаткиным о нашем систематическом голодании. Он возмутился и принял меры. Но его указания кто-то извратил настолько, что вместо улучшения, произошло ухудшение нашего продовольственного положения. Сегодня я тоже не ел. И ничего не знаю, как будет обстоять дело с едой завтра, послезавтра и т.д.

Мы все стали очень нервные. Порой хочется драться по пустякам. Что же это делается с нами? Неужели это все от голода и непрерывного процесса уничтожения, разрушения прекрасного города, массового убийства мирного населения? Должно быть, так!

Мы работаем на пределе. Все делаем за счет волевого напряжения. Я сознаю, что мне вверено более двенадцати тысяч бойцов и командиров, которых я почти непрерывно вожу в бой с огненной стихией. Огонь военный перемешался с огнем пожарным, всюду бешеное пламя, чудовищный грохот, растерзанные тела людей, затянутое дымом небо. Сердце сжалось до предела, оно уже перестает реагировать на человеческое горе — так его много вокруг в самых неожиданных его проявлениях. Но мы не сдаемся и не сдадимся. Не сдадимся потому, что мы коммунисты, и что отступать нам некуда. Смерть нас уже перестала пугать. Она щедро сеет свои семена повсюду, куда бросишь свой взгляд. И мы сознаем, что хуже того, что есть сейчас, едва ли может быть. Жаль только, что наша борьба носит какой-то односторонний, я бы сказал, пассивный характер. Фашисты откуда-то издалека обстреливают город, причиняют разрушения городским строениям, убивают людей, а мы даже не можем ответить им нанесением ответного удара. Мы вынуждены ликвидировать

ГЛАВА I. Блокадные дневники

последствия этих безумных вражеских атак, и нести при этом жертвы, потери в людях, в технике.

Эту страницу дневника я буду читать, как кошмар прожитых дней, если конечно, вообще я сумею ее когда-либо прочесть!

Вечером приехал в штаб полковник Семенов. Он вторично восхищался впечатлениями от той докладной записки, которую я написал властям о состоянии городской пожарной охраны. Он подчеркнул, что записка произвела большое впечатление не только на руководящий состав УНКВД, но и на руководителей Горсовета и Ленинградского фронта. Потом распорядился выдать всем руководящим работникам по пол-литра вина в связи с новым годом. Я получил свою долю. Но вот встал вопрос: а чем закусывать? Сегодня

мне выдали по масляной карточке тминного сыра — без жиринки. Выдали на завтра 350 грамм ржаного, очень твердого, хлеба. Так я и встретил новый, 1942 год!

Сегодня радио передало, что наши войска взяли Керчь и Феодосию. Имеются небольшие успехи на нашем фронте.

Вечером я был у зам. начальника УНКВД Басова. Он в моем присутствии вел переговоры о назначении работников НКВД в Старую Руссу, Псков, Остров, Новгород, которые, как известно, находятся под властью оккупантов. Что бы это значило?

Сводки говорят о том, что немцы должны быть отброшены от Ленинграда через непродолжительное время. Посмотрим! Хочется верить, что у нашей Красной Армии найдутся силы, чтобы сломать хребет фашистскому зверю!

2 января 1942 года

Сегодня в 18:30 сгорел дом, в котором проживал мой свояк Мирошников. К моему приезду на пожар дом уже догорал. Все имущество Мирошниковых, должно быть, погибло. Сгорело еще несколько соседних домов. Видимо, вся Новая деревня с ее деревянными домами станет добычей огня.

Мы живем и работаем на пределе. Еще месяц блокады, и трудности будут нас заедать. Городской транспорт парализован. Уже несколько дней не ходят трамваи. На улицах огромные толпы пешеходов. Главный вид транспорта — салазки. На них везут и дрова, и пожитки, и трупы умерших от голода. Нет топлива. Электростанции поддерживают пар в одном-двух котлах. Электроэнергия для освещения не подается во все жилые дома. Не отключенными остались лишь хлебозаводы, оборонные предприятия, УНКВД, штаб фронта. Даже не снабжают электроэнергией пожарные команды, в том числе и штаб противопожарной службы. Я соорудил себе «коптилку» из бутылки. Фитиль вставил в железку от чернильной ручки. При тусклом свете от этой «лампы» я пишу.

Почти все дома не отапливаются. У нас тоже нет дров. На топливо разбираем дома, особенно горевшие. Горсовет наметил к разборке на топливо три тысячи деревянных домов.

В домах соорудили тысячи печей-временок. Дымоходы от них выведены в вентиляционные каналы, иногда через неизолированные отверстия в сгораемых стенах, дверях, оконных проемах, которые забаррикадированы чем попало, чтобы не пострадать от шальных снарядов. От этих печей ежедневно возникают пятьдесят-сто квартирных пожаров. Некоторые из них развиваются и мучают нас. Тушить пожары в задымленных квартирах стало очень трудно. В пожарной охране исчерпаны все запасы бензина для боевых автомашин. Вчера отправили колонну грузовиков по Ладожской дороге в Вологодскую область за шестьсот километров. Должны привезти двенадцать тонн, сожгут в пути четыре тонны. Около ста автономных уже сняли с боевого расчета. В остальных осталось по сто-сто пятьдесят литров бензина.

Бойцы и командиры страшно истощены. На пожарах бродят, как тени, не могут выполнять работу, требующую физического напряжения и выносливости. От одного глотка дыма валятся с ног. Есть уже много умерших от истощения. Вчера у нас в штабе скончалось двое: связной Сахаров и истопник Платонов. Сегодня в 20-й пожарной части я видел два трупа, показали мне еще четверых кандидатов в могилу. Спасти их едва ли удастся.

Сегодня в нашей «харчевне во дворце», где мы столуемся (это в Зимнем дворце, на первом этаже со стороны Адмиралтейства), прошел слух, что в городе ежедневно умирает от голода до восьми тысяч человек. Это правдоподобно. Когда-нибудь человечество узнает о страшной цифре погибших от костлявой руки голода — этого неизбежного спутника невиданной военной блокады города-гиганта!

На улицах в поле зрения стали встречаться по несколько гробов. На одной из улиц в районе Загородного проспекта (на Звенигородской улице) я вчера видел пункт приема трупов. У одного здания (бывший мучной склад) лежала «поленница» трупов, числом несколько десятков. Подъехала автомашина, в кузове которой находилось еще около двух десятков трупов. Их свалили как дрова. За рытье могилы просят двести рублей и один-два килограмма хлеба. Родственники, получающие скудный паек, не могут удовлетворить требования могильщиков, и поэтому трупы лежат целыми неделями в квартирах, на лестничных клетках, во дворах, в сараях — всюду. Мы, разъезжающие по городу для тушения пожара, почти непрерывно сталкиваемся с этими трупами, и настолько к ним привыкли, что удивляемся, когда не встречаем их. На окраинах города роют общие котлованы-могилы. На Московском шоссе приспособлены печи кирпичного завода для сжигания трупов. Общие могилы засыпают очень небольшим слоем земли — сантиметров на двадцать-тридцать. Весной возможны эпидемиологические вспышки, возможна чума, — так говорят специалисты. В одном доме обнаружено шестнадцать не схороненных трупов в течение более десяти дней. В другом доме 15-летняя девочка сошла с ума от голода, буйствовала, изжевала хлебные карточки.

Теперь я почти постоянно ощущаю голод. Не было дня за последние четыре месяца,

чтобы я наелся досыта. Сегодня достали мне кусок конины. Сделаю тушеное мясо, приготовлю котлеты. Это спасение от голодной смерти. Так вот и перебиваемся. Ежедневный рацион состоит из 250 гр. хлеба, 50 гр. серой капусты, один-два битка. Вода в счет не идет. И это при огромном физическом и духовном напряжении. Если вовремя не придешь в столовую (харчевню во дворце), то талоны пропадают. А у меня такая работа, что часто я не могу посетить столовую вовремя. Поэтому и те скромные продукты, которые мне положены, пропадают. Я страшно похудел. Всюду выступают кости. Я обессилел. С пожаров возвращаюсь шатающимся. Ведь на пожарах приходится иногда подниматься по несколько раз на верхние этажи и чердаки горящих зданий. Это выматывает последние силы. Дома валяюсь на постель почти без чувств. Немедленно забываюсь тревожным сном. Болят кости — видимо, последствия гриппа и ангины, признаки которых я ощущал последние дни. Берегу ноги. Держу их в тепле. Носу меховые чулки, валенки, ватные брюки. В общем, я одет тепло. Хотя бы морозы снизились. С начала зимы температура воздуха -27 — -30 градусов.

Вода едва вытекает из крана в нижнем этаже. И там она часто останавливается. В верхние этажи вода не поднимается — слабое давление.

Пожар на Невском проспекте, 182 тушили двадцать шесть часов. Бойцы в конце измотались. Вода в водопроводе останавливалась несколько раз на 40—60 минут. Всячески изодрялись в тушении, но результаты плачевны.

Итак, без воды, без света, без тепла. Брр! Какая скверная жизнь! Вот откуда такая ярость и лютая ненависть к врагу. Вся эта мерзкая жизнь по его вине. Смерть фашистам! Как понятен смысл этого лозунга нам, узникам блокады!

9 января 1942 года

На Лиговке, в доме № 73 был затяжной пожар. Это было что-то невероятное, совершенно непривычное, из ряда вон выходящее событие!

В здании, где до войны была средняя школа, разместился эвакуогоспиталь. Сюда

собрали всех бездомных людей. Многие из них — беженцы из ленинградской области. В двух комнатах обнаружены семьи цыган. Все помещения загажены, всюду замороженный кал. Отопление бездействовало — трубы с начала зимы заморожены. Люди, чтобы

ГЛАВА I. Блокадные дневники

отогреться, раскладывали костры на полу, на партах. И, естественно, вызвали пожар. Горели помещения на 2, 3, 4 этажах площадью по 100 кв. метров в каждом. Воды для тушения не было. Мы беспомощно ходили по коридорам, стремясь выселить из помещения людей. Зашли на горящий торец здания на втором этаже. В одной из аудиторий обнаружены семьи цыган. Трупы под нарами, на нарах. Живые старухи, дети сидят вокруг костра разложенного на столе. Топливом служат щепки от нарубленных здесь же полов. Между нар валяется труп мальчика. Шея тоненькая, необычная. Одна нога разута, на другой опорок. Рученьки раскинуты. На нарах умирающая женщина средних лет. Когда ее пожарные стали укладывать на одеяло, чтобы унести, другие начали протестовать. Несмотря на очевидную угрозу возможности задохнуться в сильном дыму, люди отказывались покинуть помещения — так безразлична для них была их жизнь. А куда им было идти? На улицу, на мороз с ветром и сыростью? Мы были в движении, но и у нас заоченели руки. А что ждало этих горемык? Комендант эвакупункта заявил: «У меня в сарае около пятидесяти трупов накопилось, и что с ними делать, сам не знаю. А вон сколько их еще!»

В городе ужасная обстановка. Уже две декады не объявляли норму и не выдают

продуктов, кроме хлеба. Ежечасно умирает сто-двести человек. Появилось много трупов на улицах. Их никто не убирает. Нет транспорта. Похороны тысяч людей стали нерешенной проблемой. Этим делом непосредственно занимается председатель Горсовета товарищ Попков. Могилы стали взрывать при помощи амонала. Что же будет с населением города, если в месяц стало умирать до двести тысяч человек? Если не будут приняты чрезвычайные меры, если не прорвут блокаду, все население через непродолжительное время умрет. Наши войска нажимают, но они подошли вплотную к сильно укрепленным позициям с дотами. Надо изгнать немцев из Мгинского и Колпинского районов. Тогда мы будем спасены.

Вчера опубликована в газетах нота Советского правительства о зверствах и грабежах, чинимых немцами в занятых ими местностях, из которых их изгоняют. Это потрясающий документ! Больших ужасов едва ли можно придумать самому пылкому фантазеру. Эти зверства приведут к тому, что десятки миллионов советских людей, а затем и немцев будут физически уничтожены. Советский народ, Красная Армия не могут не ответить ударом на удар. Фашисты найдут свое «жизненное пространство» в земле, а не на ее поверхности. Смерть фашистам! Иного выхода нет.

11 января 1942 года

В городе огромное число пожаров по сорок-пятьдесят в сутки. Не менее 20% принимают большие размеры. Тушить нечем и нечем. Нет бензина, нет воды. Выгорают красавцы пяти- и шестизэтажные дома. Гибнут люди. Бойцы истощены настолько, что боевое развертывание проводится с трудом. Люди не выносят дыма, задыхаются, несмотря на привычку работать в задымленной обстановке. Почти с каждого пожара отправляем по два-четыре человека в больницы, много травм. Командный состав работает только за счет волевого напряжения и привычной военной дисциплины, ибо физически он истощен так же, как и рядовой состав.

Сегодня добились от Военного Совета фронта дополнительного продовольствия: пять с половиной тонны крупы, шесть

тонн дуранды (остатки семян масличных растений после выжимания из них масла). Это позволит нам на десять дней увеличить дневной паек на 50 грамм крупы и 50 грамм дуранды.

Открылись 5 января школы среднего и младшего начсостава. В школу среднего начсостава набрали не окончивших нашу школу до ее расформирования. Некоторых курсантов я узнал. Сегодня встретил Овчинникова, бывшего нашего чертежника. Как он похудел! Так выглядят и многие другие. В общежитии сплошь лежат больные: кто опух, кто истощен до крайнего предела и ожидает смерти. В школе младшего начсостава уже умерли пять курсантов. Смерть — вот кто царствует сейчас в Ленинграде, и кто знает, когда будет положен конец ее деятельности?

Я нахожусь на грани физического истощения. Вчера был в бане. Точно смотреть на себя, так я худ! Обессилен настолько, что банной жары не мог перенести, и через тридцать минут упал в обморок. Полтора последних месяца я питаюсь только капустным жидким супом, вернее, щами и тощими битками с капустой. Я постоянно ощущаю голод. Уменьшился в весе почти на 30 кг.

На днях нас с Б.И. Кончаевым прикрепили на рацион в закрытой столовой в Зимнем дворце. Там мы получаем завтрак (кашу),

обед из двух блюд и ужин. Пять-шесть дней назад достали конского мяса (кто-то из наших прирезал подыхающую на улице брошенную артиллерийскую лошадь). Я впервые за последние месяцы сытно наелся. Теперь вот завтра-послезавтра получим по полкило крупы и дуранды. Это будет значительным вспомоществованием.

Мы живем еще хорошо. Но ведь население уже третью декаду ничего не получает. Оно питается только хлебом: на первую категорию 350 граммов; на вторую — 200 граммов.

12 января 1942 года

Ездил на старую квартиру. Походил по пустым комнатам. Сделалось грустно. Какой семейный очаг разрушен! Как мы с Лелей прекрасно жили там. Как у нас было уютно. Теперь огромная квартира пуста. В квартире уличная температура. На окнах иней. Я ушел, подумав о том, придется ли снова жить там? Зашел к коменданту. Он вручил мне две открытки от племянника Гриши. Затем зашел в нашу школу. Огромный вестибюль встретил меня мрачной темнотой. Где-то в глубине послышался глухой голос вахтера Головина. Походил по комнатам, посмотрел и расстроился. Какой дворец пропадает! Все сдвинуто со своих мест. Закопчено. Дымят печи времянки. Как тени, бродят истощенные люди, охраняющие здание: Волков, Волошин и другие. Р.И. Артемьева не встретил. Он уехал с ФИПО. С печальным видом я покинул свою родную школу.

Заехал в 14-ю пожарную часть. На пути встретилась в смертельной агонии лошадь. Сообщил об этом Ювонену. Тот немедленно командировал с салазками людей, и лошадь доставил в гараж, где и прирезали. Мне обещали прислать немного мяса. Так вот и приходится прибавляться от случая к случаю. Что бы ни делал, о чем бы ни думал, а мысли все равно возникают о еде.

Вчера полковник Сериков сообщил мне, что по нашей очередной записке товарищу Попкову нам выделено по 500 гр. крупы и по 500 гр. дуранды.

У Ювонена в 14-й команде весь двор оказался заваленным бревнами, досками и пр. Они разобрали на дрова двухэтажный дом. Дров в городе нет. Постепенно сжигают все,

что попадает под руки: разбирают заборы, расколачивают оконные проемы и доски сжигают, разбирают дома, сжигают двери, даже полы и стильная мебель из красного дерева идут на растопку.

Мы тоже сидим без дров. В Кировском районе нам отдали недогоревший двухэтажный дом, но привезти его не на чем: нет бензина.

В какой упадок пришло городское хозяйство! Трамвайные вагоны уныло стоят заснеженные на улицах и перекрестках — там, где их застало отключение электрической сети. Всюду на улицах стоят без стекол брошенные автомобили. Окна в домах забиты. На стенах домов выступил иней: признак того, что дома не отапливаются. Снег с улиц не убран. Местами трудно проехать. На самых оживленных улицах в поле зрения не встречается ни одной автомашины. Ездить по улицам стало рискованно: народ ходит по проезжей части и никак не реагирует на сигналы. Уставшие, согнувшиеся, медленно передвигая ноги, бредут ленинградцы по родному городу — ехать не на чем. Каждый что-нибудь несет или везет на саночках. На каждой улице видишь, как кто-либо везет гроб или обернутый какой-нибудь ветошью труп. Стали учащаться случаи подбрасывания трупов. К нам на Мойку три дня подряд подвозили к парадному трупы на саночках, и оставляли их. Один труп и сейчас находится напротив нашего парадного. Что с ним делать, никто не знает. Всюду следы разрушения. Или разбиты стены, или выбиты стекла, или висят электропровода, разворочены трамвайные мачты. На самых комфортабельных улицах выстроились очереди людей с ведрами — берут воду где-либо в первом этаже.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Света нет. У меня завелись две копилки, два электрических фонаря. Это шикарно. Многие мне завидуют. Фонарь «Летучая мышь» я пожертвовал в «харчевню во дворце». Его повесили в главной зале. Мне за это почтительно уступают дорогу. Вот до чего дело дошло!

Сегодня написал две докладных — одну на имя тов. Жданова А. А., вторую на имя тов. Попкова П. С. о наших трудностях:

об отсутствии бензина в боевых пожарных машинах, катастрофическом уменьшении личного состава, в связи со значительными потерями и смертностью от голода, о трудностях борьбы с пожарами в связи с остановкой водопровода и пр. Писание таких жалобных записок стало моей повседневной обязанностью. И я так наловчился их составлять, что их всегда принимают во внимание и помогают нам.

16 января 1942 года

Мы переживаем ужасные дни. В городе возникает по сорок-пятьдесят пожаров в день. Четверть их развивается. Население уже не реагирует на разрушительную деятельность огня. Мне не раз приходилось организовывать население на борьбу с пожарами. Люди отмалчиваются или делают вид, что хотят помочь, но при удобном случае куда-то исчезают. За последние три дня я сбился с ног. Домой вернулся один раз через двадцать шесть часов непрерывной работы на огромных пожарах, на каждый из которых в мирное время пришлось бы высылать не менее половины всех пожарных города.

На улице Радищева в доме № 32 была обнаружена неразорвавшаяся фугасная бомба в тонну весом. Ее неудачно разрядили, и она снова взорвалась. Половина здания развалилась, почти мгновенно возник тяжелый для работы пожар. Вместе с перекрытием в горящий кратер провалилось несколько наших бойцов. Они жалобно просили о помощи. Все это произошло на моих глазах. Сам я чудом спасся от гибели. Я лично участвовал в спасении погибающих. Под обвалом находился боец Федоров. Я с ним долго переговаривался, подбадривал его, усиленно поливал струей воды то место, где находились люди. Двоих спасли. Федорова извлечь из-под обвала не хватило сил, и он погиб, переговариваясь с нами и тая надежду на спасение. Я так обледел, что меня увели сушиться.

Потом поехал на пожар на Лесной проспекте, 65, где горели квартиры академиков, профессоров и других ученых. Огонь

беспощадно пожирал ценнейшие библиотеки и научные коллекции, а мы бессильны были что-либо предпринять для их спасения: не хватило ни сил, ни средств. Воду перекачивали по рукавам откуда-то за полтора километра. Потом рукавная линия замерзла, и этот скудный источник питания водой пожарных насосов вовсе прекратился.

В этот же день мне пришлось перекочевать на затяжной пожар на 15-ю линию Васильевского острова, где горели пяти- и семиэтажные смежные дома. Не успел наладить здесь тушение, как получил распоряжение командования немедленно отправиться на тушение пожара на заводе «Русский дизель». На заводе застал ужасную картину: огнем были охвачены семь цехов. Море огня. Горизонт застлан непроницаемым дымом. В кузнице создались стремительные вихри. Воздух был густо насыщен свистящим шумом, грохотом, треском. Людей обжигали невидимые тепловые лучи, идущие, казалось, со всех направлений. Наличных сил пожаротушения было раз в тридцать-сорок меньше потребности. Ощущался острый недостаток воды. Водопровод бездействовал. Воду качали с Невы, где были установлены пять автонасосов.

Я еще не успел ознакомиться с обстановкой, как был вызван во двор от имени секретаря горкома партии т. Капустина. Оказывается, на месте пожара уже находились товарищи Попков, Капустин, Лагуткин⁸, генерал из штаба Ленфронта и еще ряд неизвестных мне лиц. Я не знал, к кому мне следует обратиться. Поэтому

⁸ Лагуткин Емельян Сергеевич — начальник МПВО Ленинграда (1938 до 1948 гг.). Генерал-майор (с 1942 г.).

Обледенелые рукава

я представился всем: заместитель начальника управления пожарной охраны города Голубев.

Больше всех из присутствующих я был известен П.С. Попкову. Поскольку наши взоры встретились, Попков сказал мне: «Это мы распорядились вызвать Вас на этот пожар. Учтите, что на этом заводе вырабатывается оружие для нашего фронта. Сейчас пожар угрожает важнейшим оборонным цехам нашего города. Прошу Вас принять все зависящее от Вас и потушить пожар. Необходимую помощь мы вам окажем».

Я ответил, что приму все меры к тому, чтобы локализовать пожар в тех границах, в которых он находится в настоящее время, и попросил разрешения удалиться.

Когда я изучил обстановку, стало ясно, что требуется произвести перестановку сил. Я дал необходимые приказания. Цеха, которые уже невозможно было спасти, мы не стали тушить. Надо было скудные наличные силы сосредоточить на оборону важнейших цехов. Результаты не преминули сказаться. Явно наметился успех в тушении. Руководители партии, советской власти и фронта уехали. Но в это время нас уже подстерегала серьезная опасность. Мы при тушении пожаров в период блокады уже привыкли к неожиданному возникновению непреодолимых препятствий. Некоторые из них

иногда приходилось преодолевать за счет русской смекалки, инициативы масс, импровизации. Но то, что случилось здесь, казалось совершенно непреодолимым.

С направления главного удара неожиданно мне донесли, что в стволах резко стало сокращаться давление воды и струи стали небоеспособными. Создалась смертельная угроза бойцам: им непосредственно угрожает пламя, могут быть жертвы.

Я немедленно отправился на эти боевые позиции. Моя задача к этому времени свелась к тому, чтобы любой ценой спасти бойцов, которые были отрезаны огнем. Вода из стволов шла! Пять автономасосов почти одновременно вышли из строя — это было понятно. Но факт оставался фактом.

Отдав распоряжение на спасение людей, я бросился к Неве, где на пирсе работали пять автономасосов. Вокруг машин суетились их водители, дежурный автомеханик, еще кто-то. Но вода в пожарные рукава не поступала. Суда по реву моторов, они работали на самых больших оборотах, но вода не поступала. Я был ошеломлен! Когда я стал ощупывать напорные рукавные линии, тогда мне стало все понятно: рукава были металлически тверды — вода в них замерзла.

Итак, вся база водоснабжения вышла из строя. Тушить пожар было нечем.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Улица Пестеля

Я метался по набережной Невы, напряженно думал, как выйти из положения, но выхода не находил. Вспоминаю, как я остановился на краю набережной Невы, и, смотря в небо, прошептал: «Думай, думай, Сергей, как тебе надо сейчас поступить, чтобы спасти нужный для фронта завод».

Автонасосы были исправны, они пытались надежным, неиссякаемым источником воды. Но не было запасов рукавов. Если я их достану, то мы выполнили задачу. Я отдал необходимые распоряжения. Стали собирать все имеющиеся запасы рукавов, запросили по радио высылки рукавов из частей.

И вот, когда замысел еще не был осуществлен, вдруг, в одной сухой рукавной линии, проложенной куда-то во дворы через заборы, появилась вода. Мы получили три, хотя и слабых струи воды. Это было чудо!

Как выяснилось, начальник тыла оперативной группы пожаротушения, хорошо зная местность, вспомнил, что недалеко от завода «Русский дизель» расположен небольшой механический завод местной промышленности, на территории которого была градирня с запасами воды. Вот эту-то воду заводские автонасосы и использовали. Все обошлось благополучно.

Пожар еще не был потушен, как меня вызвали на пожар на улице Пестеля, 13. Горел пятиэтажный дом изумительной архитектуры. Воды в водопроводе не было. Я попросил водопроводную службу мобилизовать все меры и пустить водопровод. Мне это обещали. Заверили, что примут все меры и пустят водопровод через... четыре часа. Начались мучительные поиски воды на месте. Решили пожарные автонасосы устанавливать на набережной реки Фонтанки. И снова неожиданность: вода примерзла у берегов на расстоянии 4–5 метров от берега. Пришлось устанавливать автонасосы на мосту. И снова неприятность: высота подъема воды центробежными насосами превысила расчетную. Последний шанс добыть воду заключался в том, чтобы автонасосы установить на лед, на середине реки. Но как эти автонасосы туда спустить, преодолев решетки на набережной и большую высоту? И когда мы преодолели это препятствие, мне было доложено, что в насосах осталось бензина по 20–30 литров. Этого запаса хватит лишь на проезд в пожарное депо. Итак, все наши ухищрения и изобретательство пропали даром: дом сгорел.

На этот пожар приехал П. С. Кубаткин. Я ему сделал обстоятельный доклад. Он долго со мной не разговаривал.

Неожиданно он меня спросил, почему я так плохо выгляжу. Что значит «плохо», я понятия не имел. Стал оправдываться, упомянул о голодании. «Вот я и хотел спросить тебя, отчего ты такой тощий?» Я пробормотал что-то невнятное. Кубаткин обещал помочь, и немедленно это выполнил. Через несколько часов, ночью на 17 января, часов в пять утра, ко мне позвонил полковник Сериков и сказал, что сейчас заедет ко мне. Явившись ко мне, он передал мне сверток

и сказал, что комиссар Кубаткин вынул из письменного стола бутылку вина, два куска копченой колбасы, коробку сардин и целый хлебец около килограмма.

Мы устроили пир на весь мир. Славно было. Давно я так не ел. А как приятно была теплота человеческих чувств. Как я был благодарен П.С. Кубаткину за его человеческое отношение ко мне. Это было коммунистическое отношение начальника к подчиненному. Долго мы беседовали на эту тему.

18 января 1942 года

По нашей докладной записке Военсовет Ленфронта постановил с 15 января 1942 года пожарную охрану города перевести на фронтовой паек. Бойцы уже стали его получать. Он обильный, по сравнению с тем, что они получали раньше. Теперь мы воспрянем духом. А то почти перестала быть боеспособной наша охрана. Пожары стали запускать. Удерживаем огонь только на брандмауэрах. Сегодня не потушили дом рядом с центральным телеграфом. Я руководил тушением. Сильно волновался. Наобещал уйму отдачи под суд. Ценой огромных усилий удалось удержать огонь на рубеже буквально в несколько

сантиметров от телеграфа. Сегодня был огромный пожар на Лиговке и на углу Разъезжей. Горел огромный семизэтажный жилой дом с мансардными этажами. Там произошел эпизод со старухой, ее шкафом и... Кубаткиным.

Леля прислала телеграмму, чем меня несказанно обрадовала. Телеграмма пла двадцать два дня. Текст: «Родного мужа поздравляю новым годом. Желаю окончательной победы над врагом. Здоровья счастья. Аттестат получила. Спасибо. Целую». Как я благодарен ей за эти теплые слова!

23 января 1942 года

Ленинград горит. Каждый день бывает по несколько пожаров размером № 5. Сгорают полностью шести- и семизэтажные дома. Мы переживаем трагедию. При УНКВД образована чрезвычайная пожарная тройка. Одно нравственное потрясение следует за другим. Я четвертый день не сплю. Руководил тушением крупных пожаров на улице Жуковского, 22, на 5-й Красноармейской и угол Международного (ныне Московский проспект), на Лиговке, № 107, сейчас только что вернулся с завода им. Кулакова. На каждом пожаре был по 15—17 часов. Тушили без воды. Мороз ужасный. Пробовали брать воду с Невы. Проложили рукавную линию на семьсот метров. Вода не дошла до середины ствола — замерзла в рукавах. За период тушения заморозено

тринадцать линий! С огромным трудом организовали перекачку воды из Невы с ближайшего расстояния. Но вот через рукавную линию промчался грузовик и порвал рукава. Пока заменяли рукав, вода замерзла.

На этом пожаре применяли новые приемы тушения. Тушили огнетушителями, водой из ведер и гидропультов, снегом, песком, разбирали конструкции на пути движения огня. Когда загорелась кровля другого цеха, ее рубили топорами, а под обрушающиеся конструкции подстилали снег. Впервые применили тягу морозного воздуха в безопасном направлении. Сегодня мороз —32 градуса. Сильный ветер. Люди мерзнут, техника бездействует — все замерзает. Когда же кончатся морозы? Все наши опергруппы свалились с ног. Калыев разбил

ГЛАВА I. Блокадные дневники

череп, Кулакову попал кирпич на голову, Тарвид еле двигается. Захворали Милуцков, Беззуб, Александров: у них блантени. Живем без света, без тепла. Единственное утешение в том, что нас перевели на фронтной паек: дадут по 500 гр. хлеба,

230 гр. крупы, 125 гр. мяса, 40 гр. масла и прочее.

Сегодня прибавили по 50 гр. хлеба для всех граждан. Теперь на первую категорию выдают 400 гр., на вторую — 250 гр.

26 января 1942 года

Начали резко проявляться последствия длительной блокады. Транспорт уже давно не работает, электричества в городе нет, выключена вся городская телефонная сеть — нет тока для зарядки аккумуляторов. Водопровод перестал подавать воду. Жители вереницей потянулись к рекам и каналам с различной посудой. Мы с Б. И. Кончаевым вчера привезли с Невы воду в бутылках четверть литра. Водопроводная сеть замерзла. Всюду выключено центральное отопление. Нет топлива. Военсовет разрешил разобрать на топливо три тысячи деревянных домов. Из-за недостатка электроэнергии и отсутствия воды встанут хлебозаводы. Вчера и сегодня мы качали воду пожарными насосами с Невы хлебозаводам и пекарням. Так появилась у нас новая обязанность. Приказано снимать автономасы с пожаров, но не прекращать работу хлебозаводов. Сегодня заводы дали в торговую сеть лишь шестьсот тонн хлеба, вместо тысячи ста. У булочных огромные очереди. Люди жмутся на морозе и не уверены, что получат хлеб.

В городе ежедневно возникает тридцать-пятьдесят пожаров, из них треть запускается. Тушить нечем. Когда берем воду из рек, то на морозе быстро

замерзают рукавные линии. Каждый день целиком сгорают три-пять больших домов. Часто мы сами обрекаем на выгорание целые дома. Все силы бросаем на пересечение огня на путях его распространения. Выработали даже новые тактические приемы борьбы с пожарами при отсутствии воды. Разрываем целиком конструкции. Вскрываем крышу и если имеются обвалы в этажах, то открываем на лестничных клетках двери, выбиваем стекла в окнах и пускаем в очаги горения холодный воздух. Тягой воздуха жар относит от проемов и таким образом, мы задерживаем огонь на брандмауэрах с проемами. Полотнища дверей, когда они горят, смачиваем водой из ведер, гидropультов, швабрами, снегом и, когда они прогорят, сталкиваем их в сторону очага горения. Часто применяем снег. На заводе № 209 им. Кулакова загорелся фонарь на покрытии цеха. Люди обрывали горящие конструкции и сбрасывали их в цех, а внизу подстиляли слой снега и снегом накрывали горящие конструкции. Таким приемом пожар потушили. Стволам даем максимальную подвижность на широком фронте. Ставим на один ствол по три-пять-семь человек. Вот так боремся с огнем.

28 января 1942 года

У булочных очереди по пятьсот-тысяче человек. Мрачные люди, главным образом женщины, часами стоят, чтобы получить половинную норму. Хлебозаводы не успевают выпекать необходимое количество хлеба: нет воды, не хватает топлива. В очереди глухое ворчание. Много спорят по поводу очереди. У входа в булочную толчея. Многие норовят пройти вне очереди. Люди закутались в пальто, обвязались

разными предметами одежды и обихода, тысячами путешествуют по улицам. Каждый что-то несет или везет на санках. Одежды самые фантастические. Стройные девушки тащат на ногах подшитые валенки. Многие из них в ватных шароварах. Лица до глаз закутаны, чтобы не обморозить лица. Раньше в Ленинграде зимой были оттепели. В этом же году весь декабрь и январь морозы от -20 до -32 градусоB. Это

и хорошо, и плохо. Хорошо, что немцев легче выкуривать из занятых районов, нет воздушных налетов; плохо — нет топлива, все кругом оковано льдом, возникает очень много пожаров.

С осени Горсовет постановил забить досками и заложить землей окна во всех первых этажах жилых домов. Теперь жители разбирают эту изоляцию. По ночам обламывают по доске, другой и уносят домой на топливо. Всюду можно видеть отломанные нижние доски, так как до верхних трудно добраться без лестницы.

В городе появились весьма характерные объявления. Вот, например: «Редкий случай. Продается комфортабельное пианино лучшей мировой фирмы. В исключительно прекрасном состоянии. В мирное время уплачено 12000 рублей, продается за 5 тысяч. Несерьезных покупателей прошу не беспокоиться». Рядом висит короткое объявление: «Продается печь-буржуйка».

Теперь все стало проблемой. Не знаешь, где получить кипяток. Мы с Борисом Кончаевым несколько раз ездили в УНКВД, чтобы воспользоваться теплой и смывной уборной. У нас в штабе уборные уже давно заколочены.

Январь-месяц мы столовались в Зимнем дворце. Получили рацион. Было неплохо. Под конец нас заставили приносить

с собой ложки. Оказалось, что столующиеся унесли с собой почти все ложки.

Второй день мы наблюдаем два трупя, которые лежат на площади Урицкого (ныне Дворцовая площадь) — один на тротуаре, второй — на трамвайных путях. Их никто не убирает, хотя это буквально напротив подъезда городского управления милиции. Подумать только: трупы на улицах Ленинграда, в центре города, и их не убирают! Нам сообщили по секрету, что теперь ежедневно умирает до тысячи мирных жителей. Часто можно видеть грузовики, в которых, как дрова, навалены трупы и на них сидят сопровождающие их лица. Кошмар!

Пожары не утихают. Сегодня спалили прекрасный жилой дом № 60 на улице Декабристов. Не было бензина. Нет его и сейчас. Из двадцати пяти автотасов в боевом расчете осталось только девятнадцать, из тринадцати автомехкестниц — в расчете одна. Это на огромный город, в котором происходит тридцать-пятьдесят пожаров каждый день.

Власти стали нервно реагировать на крупные пожары. Бюро горкома вынесло решение по вопросу охраны от пожаров. Создана специальная комиссия из трех лиц в составе УНКВД. 24 января «Ленинградская Правда» поместила передовую о пожарах. Но число крупных пожаров все не уменьшается.

2 февраля 1942 года

Сегодня у нас было совещание начсостава с участием двух майоров госбезопасности тт. Иванова и Басова. Зачитали приказ о взысканиях и об отдаче под суд некоторых начальников и комиссаров РУПО: Атрашенко, Гордеева, Ковальчука, Поликарпова, Орлова и др. Власти города: Военный Совет, Горком, Исполком — все недовольны городской пожарной охраной. Крепко предупредили полковника Серикова.

Ленинградская городская пожарная охрана оказалась на позорном рубеже. Она перестала тушить пожары. Каждый день огромное зарево висит над городом. В январе произошло восемьсот девяносто восемь пожаров, из них около двухсот запущены, они причинили большой ущерб городскому хозяйству. Уничтожены несколько десятков красивых

больших зданий: Гостинный двор, дом на 5-й Красноармейской, 4-й Советской, Зоологической, улице Пестеля.

Бойцы все чаще стали выходить из повиновения, не выполняют боевых приказаний, перестали работать, как требует устав. Городское население участвует в тушении, а некоторые бойцы греются у костров. Командиры все чаще стали бездействовать, иногда потворствуют бойцам. Появились случаи мародерства. Работы по вскрытию конструкций почти прекратились! Иногда бросают действующие стволы и уходят с боевых позиций. Шоферы стали без оснований объявлять свои цистерны неисправными. Люди потеряли чувство ответственности. Начальство обвинило штаб ПС города в плохой организации пожаротушения.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

4 февраля 1942 года

Меня сегодня назначили начальником штаба противопожарной службы МПВО города Ленинграда, вместо Б.И. Кончаева, которого освободили по неизвестной причине. Ночью было совещание у т. Кубаткина. На нем, видимо, и решили произвести перемещения. Пожары не уменьшаются, и все продолжают нервничать. Сегодня же было совещание в Горкоме партии. На совещании присутствовал заместитель

председателя Совета Народных Комиссаров СССР А.Н. Косыгин. Говорят, все сердились, негодовали по поводу большого числа пожаров в городе. За плохую работу решили карать наших работников. Сегодня же арестовали и отдадут под суд начальника Петроградского РУПО Атрашенко, зам. начальника 35 ВГПК (*военизированной городской пожарной команды*), начальника ВПК завода № 190 Поликарпова и других.

12 февраля 1942 года

Вот уже десять дней, как я работаю на посту начальника штаба ПС. На командном совещании мы обсудили сложившуюся обстановку, наметили и проводим ряд мероприятий по усилению борьбы с горимостью в городе. Отрадно отметить, что большие пожары пошли на убыль. Помогли организационные меры, плюс бензин, снижение морозов, появление воды в водопроводе, хотя и не всегда. Приняли меры к тому, чтобы ликвидировать пожары в начальной стадии, не допускать перерастания их в пожары № 5. Мы усилили подразделения автоцистернами, автонасосами. Посылаем на пожары № 1 опергруппы РУПО

и города. И много пожаров, имевших шансы развиться в крупные, стали тушить в самом начале. Мы создали при РУПО отряды топорников. Наладили отогревание гидрантов, прочистку прорубей. Ввели в боевой расчет паровую машину для отогревания гидрантов. Завели три мотоцикла с колясками для разведки. Организовали разведочные группы в частях. Технику усиленно ремонтируем, тщательно проверяем каждый день. Надеюсь, что славное имя Ленинградской пожарной охраны скоро восстановим, вернем ей имя передового отряда Советской пожарной охраны.

26 февраля 1942 года

Давно не записывал. Служба поглотила все мое время бодрствования. Надо было много поработать, чтобы устранить ряд недостатков, отстоять честь многотысячного коллектива. И, кажется, дело выправляется.

Мы покоя не даем начсоставу, особенно опергруппам. Направляем их с одного пожара на другой. Мобилизуем коммунистов, нашу главную силу.

27 февраля 1942 года

Пожары в городе пошли на убыль. За весь февраль не было ни одного запущенного пожара. Уже дважды партсобрание разбирало вопрос о перестройке работы. Я дважды отчитывался. На собраниях были высказаны дельные мысли и предложения. Все руководящие органы города стали интересоваться нашей жизнью: Горком КПСС, Исполком, УНКВД, газеты, общественность. Но за последнее время, как только горимость заметно

сократилась, меньше стали звонить и интересоваться нашими делами. Ночами уже стало возможно спать. А ведь в январе мы спали урывками, и, как правило, дремали в машине, когда ехали на пожар.

Вторую мою квартиру разрушил снаряд. Сегодня был на приеме у председателя Исполкома Дзержинского района Горбунова Н.М., просил дать мне квартиру. Обещал, но распоряжения пока не дал.

2 марта 1942 года

Пожары сокращаются. За первое марта произошло только десять случаев: восемь загораний и два небольших пожара. Это хорошо. Про нас постепенно начинают забывать. Тем не менее, сегодня был уполномоченный НКВД Щедрин, кое-кого допрашивал по какому-то делу.

Сегодня писал обзор нашей деятельности в январе. Итог неутешительный. Произошло восемьсот семьдесят восемь пожаров, из них двести два крупных. Сорок одно огромное здание уничтожено полностью. Миллионные убытки, тысячи погорельцев, обездоленных людей, десятки жертв среди наших товарищей, разболтанная техника, в хаотическом

состоянии рукавное хозяйство и пожарные краны. Все заморожено, все испорчено.

В 22-й ВГПК 1 марта зам. начальника команды Панченко пришел в караул проводить беседу о дисциплине. Командир отделения Иванов лежал, не захотел вставать, вступил в пререкания. Встать отказался. Тогда Панченко применил силу и оружие. Он выстрелил в Иванова два раза и тяжело ранил его в грудь. После этого Панченко стал проводить беседу. Иванова отправили в больницу, а Панченко арестовали. По дисциплинарному уставу РККА он имел право применить оружие, но следовало ли применять оружие в данной обстановке?

9 марта 1942 года

Сегодня встретился с людоедом. На канале Грибоедова, 158, записывал некто Дорофеев Иван Дорофеевич. Его жена умерла от дистрофии. Дорофеев вырезал все ее мягкие части и ел. В его квартире возник пожар, сгорел его сын двенадцати лет. Сгорело пять квартир в прекрасном доме. Там же я повстречал

записывавшего инженера-водопроводчика. Он болтал что-то о родстве наших профессий, интересовался продовольственными карточками, шумно выражал восторг по поводу работы струй. Ушел, пройдя в ботинках без калош через лужу воды в полметра глубиной. Был мороз -14 градусов.

13 марта 1942 года

В ночь на 13 марта руководил тушением пожара на складе готовой продукции на фабрике «Скороход». Поссорился с работником Горкома, который вмешивался в приказания, ругал всех, суетился.

Тушение протекало в очень сложных условиях. Перекрытия бетонные, они прогрелись, и в среднем этаже создалась очень высокая температура. Сквозняк создать не удалось, так как с двух сторон не было

проемов. Горение стеллажей, перегородок, ящиков с обувью создали чрезмерно большое задымление. Пробриться внутрь не удалось — жарко. Некоторые бойцы обожгли лица. На пожаре чуть не задохнулся полковник Сериков М.К., который взял ствол и вместе со ствольщиком Кузнецовым пошел вперед. Серикова вытащил на воздух товарищ Мялло. Я об этом докладывал майору госбезопасности Иванову.

19 марта 1942 года

Стоят большие морозы. Удивительная зима. С конца ноября и до последних дней марта морозы устойчивы. Последние шесть дней температура снизилась до -27. Каждую ночь возникает один-два пожара № 2-3. Все последние ночи я не спал. Вчера тушили пожар на Обводном канале, 49. Горел огромный

пятиэтажный дом. Сгорели все этажи в одной трети дома.

У дома мы нашли фанерный ящик и в нем отрубленные женские ноги в чулках и резиновых сапогах, женскую голову и руки. В толпе говорили, что это на студень.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

28 марта 1942 года

Был ясный день. В II часов в городе возникла сильная стрельба зенитной артиллерии. Видимо, где то появились самолеты врага, которых не наблюдалось с 5 декабря 1941 года, когда началось

наступление наших войск под Москвой.

Сегодня начал писать докладную записку в ГУПО за истекшие девять месяцев войны. Полный отчет. Всплывает в памяти вся история, прожитая за это время.

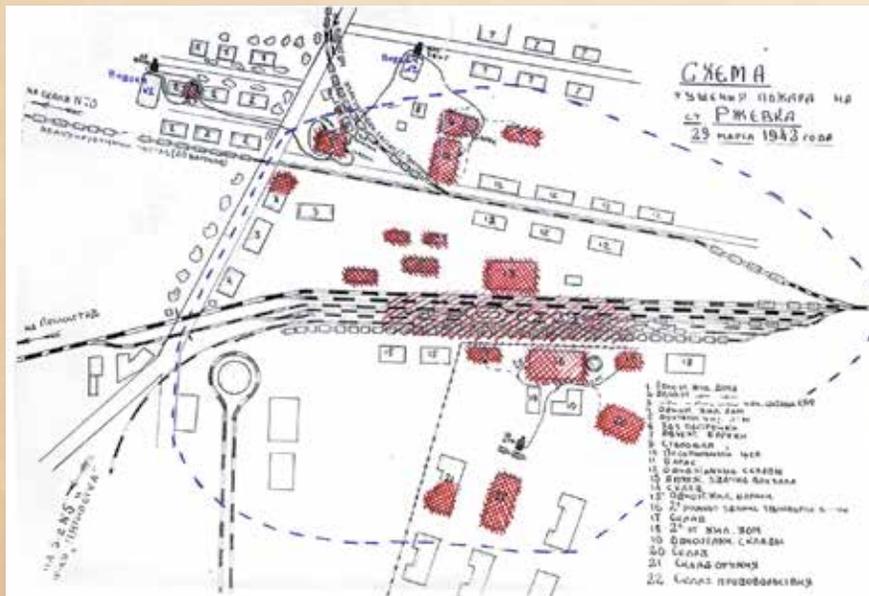
29 марта 1942 года

Сегодня в 5 часов утра на станции Ржевка Октябрьской железной дороги, находящейся в районе завода «Краснознаменец», разорвались несколько снарядов от вражеского обстрела. По детонации произошел грандиозный взрыв боеприпасов, находившихся в железнодорожных вагонах, стоящих на железнодорожных путях. Взрыв потряс здания в центре города, во многих домах вылетели стекла. В радиусе полутора километров пострадало около четырехсот домов. Двадцать три дома разрушены полностью. Четырнадцать домов сгорели. В зоне взрыва сотни людей ранило и убило. Взрывы снарядов продолжались в течение 8—10 часов в последующее время. На железнодорожных путях образовались воронки диаметром от семидесяти метров и глубиной до тридцати метров. Площадь поражения 45 (???) кв. километров. Мне пришлось руководить тушением

многочисленных пожаров. Работали пожарные команды № 28, 42, 12, 6, 7, 17, 40, завода № 5. На боевых участках руководили оперативные группы Дегтярева, Рыжова, Данилова, Молдана, Кузнецова и Черкасова из Володарского района. Я находился на месте пожара непрерывно до 21 часа, руководил тушением.

На пожаре была убита наша бывшая слушательница Стаценко Л. С. Мина поразила ее на моих глазах, примерно в 10—15 метрах от меня, когда она бежала ко мне с донесением. Был ранен еще один боец.

Железнодорожной администрации в районе взрывов мы не обнаружили. Невозможно было использовать маневровые паровозы для рассредоточения вагонов с боеприпасами. Откатывали вагоны вручную. Спасли состав в двадцать пять вагонов, еще пять-шесть вагонов в разных местах откатали вручную.

*Схема тушения пожара на железнодорожной станции Ржевка
29 марта 1942 года*

«Сороковые, роковые...»

На месте взрыва хаос. Всюду валяются земля, доски, мины, гильзы, снаряды и пр. Было восемнадцать отдельных очагов пожара. Горели четырнадцать домов, подвижной состав. Пожары вскоре удалось локализовать.

Много человеческих жертв. У одного ба-рака я насчитал восемнадцать трупов. Ужасные ранения. Некоторые обожжены, разбиты черепа. Потом я был на кладбище, что возле здания ВПК завода «Краснознаменец». Там взрывами выкопали огромную траншею и в нее сбрасывали незахороненные трупы. Они лежали в различных позах. Почти все убитые с кровавыми ранами. Ужасная картина. Ее никогда не забыть.

Мне повезло. Я не получил ни одной царапины. Хотя не раз был в центре пожара и вблизи, где рвались снаряды

и горели взрывчатые вещества. Отличившихся бойцов и командиров представляем к правительственным наградам.

Один из очагов пожара произошел в здании № 142 на заводе «Краснознаменец». Там взорвалось до трехсот килограмм бертолевой соли. Здание разрушено. Постовой боец пожарной охраны Тюляндин был ранен в лицо, но поста не покинул, вызвал пожарную команду, присоединился к боевым расчетам и отказался пойти на медпункт, пока не ликвидировали пожар.

В полутора километрах от станционных путей станции Ржевка были обнаружены вагонные буфера, колеса, большие металлические конструкции. В воздух высоко поднимались во время взрывов вагонные скаты колес.

31 мая 1942 года

Меня командование представило к награждению боевым оружием с надписью «За храбрость».

В представлении к награде написано следующее: «Голубев С.Г., руководя пожаротушением на всей территории станции, проявил себя как отважный и мужественный командир. Правильно оценив обстановку и умело расставив силы, успешно выполнил поставленную перед ним боевую задачу,

не допустил слияния многочисленных очагов горения в один большого размера пожар. Несмотря на чрезвычайно сложные условия и большую опасность для жизни, обеспечил живое руководство на всех боевых участках и секторах, организовал эвакуацию боеприпасов из зоны взрывов и тем самым сохранил для обороны Ленинграда значительное количество боеприпасов и предотвратил дальнейшую катастрофу».

4 апреля 1942 года

Сегодня около 19 часов на город налетело около ста вражеских самолетов. Они сбросили множество ФАБ небольшого калибра. Я был на улице. Видел, как они безнаказанно летали. Видел даже, как отделяются от самолетов бомбы, как они летят и падают. Наша зенитная артиллерия произвела несколько тысяч выстрелов. Все небо было усеяно белыми облачками от разрывов снарядов. Говорят, что было сбито пятнадцать самолетов. От ФАБ возникло несколько пожаров.

Некоторые из них, как, например, на заводе им. Ворошилова, на Вереysкой, 8, на Гаванской, 44-Б, на Б. Зелениной, 41, развились в большие пожары порядка № 3. Сил для тушения не доставало. Все ВПК (военизированные пожарные команды) небоеспособны. У нас к вечеру остались в боевом расчете только сорок три автососа с небольшим запасом бензина. Едва выкрутились. В час ночи налет повторился. Но он не был таким массовым. Видимо, у противника тоже не хватает горючего.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

15 апреля 1942 года

Меня наградили ценным подарком. Оказалось, что есть приказ ГКО, запрещающий награждение боевым оружием. Поэтому было решено наградить меня часами секундомером Мозера с надписью: «Голубеву С.Г. за боевые подвиги, отвагу, и мужество. От УНКВД ЛО. 1942». Вручать будут

18 апреля 1942 года в день годовщины советской пожарной охраны. О, радость для ленинградцев! Сегодня стали работать шесть маршрутов трамвая. В городе много говорят по этому поводу, радуются. Даже странно видеть этого хозяина улицы. Он шесть месяцев не появлялся. Был недвижим.

17 апреля 1942 года

Завтра 18 апреля — наш праздник, двадцать четвертая годовщина советской пожарной охраны. Приурочивается слет бой-

цов, отличившихся при тушении пожаров. Будут выдавать награды. Мне подготовлены часы-секундомер с надписью.

18 апреля 1942 года

Сегодня в доме партактива Дзержинского района (ул. Чайковского, 29) состоялся слет отличников боевой работы, служб и подготовки. Было около пятисот делегатов. Присутствовали товарищи Шикторов и Басов — заместители начальника УНКВД. Я председательствовал. Приняли обращения к пожарным работникам Советского Союза. Меня включили в число

подписывающих обращение. Зачитали приказы. В том числе и о моем награждении за отвагу и мужество. Выдали всем награды. Меня наградили именными часами с секундомером иностранной марки. Потом состоялся концерт. Вечером мне вручили адрес квартиры в три комнаты по улице Пестеля, д. 14, кв. 40.

22 апреля 1942 года

Третий день враг ведет яростную артиллерийскую стрельбу по городу. Много жертв и разрушений. Возникают пожары. Сейчас передали, что три снаряда попали в здание 14-й ВГПК. Двое ранены и один контужен. Еду сейчас туда. Только что вернулся с Фонтанки, где в присутствии товарищей Попкова, Кубаткина, Шикторова смывали

грязь из стволов. Думали таким способом размыть горы снега и мусора на улицах. Вымыли труп ребенка. Мероприятие оказалось не эффективным и дорогостоящим. Завалены мусором и снегом все берега на Фонтанке, Мойке, на Неве и других реках. Снег не тает, грязь ужасная. Скоро начнет все гнить. Опасаются заразы.

24 апреля 1942 года

Сегодня в час дня в город прорвалось около восьмидесяти самолетов противника. Бомбардировали главным образом Васильевский остров, суда на Неве, порт. Бомбы падали на военные корабли, попали в крейсер «Киров», на завод № 189, «Марти» (в то время — одна из площадок завода Адмиралтейские верфи), «Севкабель»,

на Андреевский рынок. Разрушено здание управления порта. Убито более пятидесяти человек. Бомба попала в гараж 19-й ВГПК. Ранены начальник караула Панов, два бойца. Разбита мехлестница, повреждена автоцистерна. В городе возникло четырнадцать пожаров. Шесть — распространились.

28 апреля 1942 года

Ежедневно раздаются звуки ВТ. Противник активизировался. Ожидаем крупного налета в майские дни. Мы приготовились. Вчера сообщили по радио, что 1 и 2 мая

будут рабочими днями. Ну и хорошо. Исполком Ленсовета объявил норму праздничных продуктов (см. табл.).

3 мая 1942 года

Майские праздники прошли спокойно. Были три ВТ, но наши самолеты и зенитная артиллерия преградили путь вражеским самолетам. Сегодня были две тревоги: в 6 утра и в 8 часов 45 минут. Генерал-майор Лагуткин любезно сообщил мне, когда я докладывал ему о готовности штаба ПС, что в воздухе шесть самолетов с юга и шесть самолетов с залива. Но их отогнали. Хорошо!

Вечером пришел ко мне Иван Иванович Тимошенко. Он выглядит так, как мы с ним расстались в сентябре прошлого года: румян, весел духом, хохотун. Он комиссар 228-го полка войск НКВД, командир которого — наш бывший командир дивизиона Грушко. Старые знакомые. Мы с Иваном Ивановичем выпили по чарке, закусили луком и селедкой (праздничной), вспомнили, как мы жили хорошо и всплакнули. Чертовы фрицы, какую прекрасную жизнь отняли они у нас. Какая ярость возникла в наших сердцах против проклятых

«арийцев»: так бы и стрелял без конца. Но, увы! Наша участь такова: если фашисты на нас нападают, то мы, как суслики, залезаем в землю. Врагов мы не видим. Имеем дело лишь со снарядами и бомбами, сыплющимися с нашего родного неба.

Прочитал в газете Указ о награждении. Бросилась в глаза фраза: «Орденом Ленина» награждены и т.д.». Пришла мысль: как должен быть велик человек, чтобы его изображение служило высшей наградой в человеческом обществе! Я знаком с орденами иностранных государств: в истории нигде не зарегистрирован случай, чтобы изображение реального человека служило высшим поощрением государства. Следовательно, насколько же велик был и есть наш соотечественник и современник В.И. Ленин! Я счастлив, что при жизни В.И. Ленина мне, молодому коммунисту, довелось три-четыре раза встречаться с ним, лично охранять его, даже разговаривать.

Наименование продукта	Рабочим	Служащим	Иждивенцам
Крупы	800 гр.	600 гр.	200 гр.
Масло животное	200 гр.	100 гр.	100 гр.
Кондитерские изделия, сахар	300 гр.	250 гр.	200 гр.
Мясопродукты	500 гр.	300 гр.	100 гр.
Чай	25 гр.	25 гр.	25 гр.
Сухофрукты	150 гр.	150 гр.	150 гр.
Пиво	1,5 л	1,5 л	0,5 л
Соленая рыба	500 гр.	400 гр.	250 гр.
Сыр	100 гр.	75 гр.	75 гр.
Табак	50 гр.	50 гр.	—
Водка	0,5 л	0,5 л	0,25 л

ГЛАВА I. Блокадные дневники

5 мая 1942 года

Вчера и сегодня противник сильно обстреливал Кировский район. Вчера обстреливал территории двух заводов: «Красного автогена» и № 3 (синтетического древесного спирта). На «Красном автогене» горел склад с заряженными ацетиленовыми баллонами. Баллоны более часа разрывались. Разорвано более ста баллонов. Бойцы работали самоотверженно.

На заводе № 3 выяснил случайно любопытную вещь. Там во дворе были сложные кипы с ватой и с целлюлозой. Кто-то

из местных работников сказал: «Это наш январский хлеб». Оказалось, на этом заводе обрабатывалась целлюлоза в качестве добавки к хлебу. Вот почему тогда хлеб был плохого качества: в нем была почти половина древесины. Как же трудно нам было, что даже 125 граммов хлеба — и те не могли приготовить из чистой муки.

Сегодня я ел сырники из соевого творога и пил соевое молоко. Оно белое, запах специфический. Едим и пьем всякие заменители, лишь бы наполнить желудок.

7 мая 1942 года

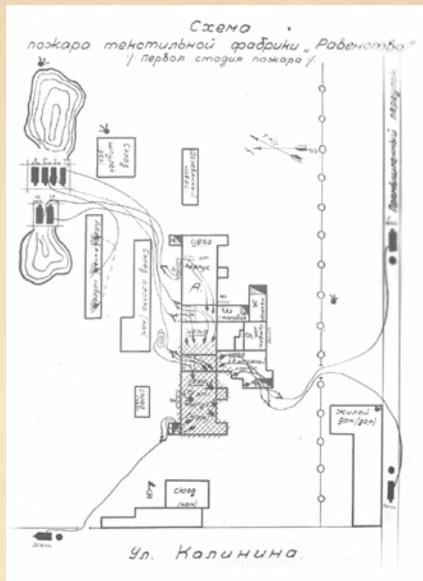
Сегодня день поражений и героизма. В 16 часов 14 минут от вражеского артобстрела загорелось в трех местах на фабрике «Равенство». Горел главный корпус — пяти-шестизэтажное здание длиной 150 м, шириной — 40 м. Был ветер 7 м/с. Пожар был чудовищный. Ветер затем достиг силы урагана. Сначала горела западная половина. Потом внезапно загорелась восточная часть здания. Людей, находившихся на крыше и в пятом этаже, отрезало дымом и огнем. Начальник дымслужбы Тихонов и боец Петров бросились вниз и разбились насмерть. Бросились вниз две работницы, дежурившие

на крыше, и тоже разбились насмерть. В 17 часов артобстрел возобновился. Около пятнадцати снарядов попало в горевший корпус и вблизи него. Один снаряд разорвался у северной стены и обрушил продольную стену длиной 40–50 м. Взрывами убило шесть бойцов и командиров, семь человек ранило. Разбило автонасос, перебило рукава. Всего пострадало семнадцать человек. Корпус сгорел. Работали тридцать четыре отделения. Послали шифровки в ГУПО — Богданову и в Наркомат — Круглову. Пожар этот очень поучителен. И с точки зрения распространения огня, и результатов.

Фабрика «Равенство» после пожара

Первая стадия

Вторая стадия

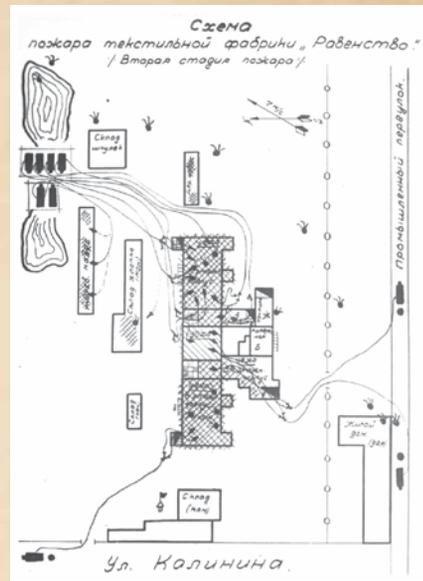

Схема тушения пожара на фабрике «Равенство»

23 мая 1942 года

Вчера опять враг обстреливал фабрику «Равенство». Выпустил двадцать четыре снаряда. Загорелись два склада с хлопком. От снарядов загорелся цех на заводе «Марти».

Сегодня ездил на пороховой завод «Краснознаменец». Проезжал мимо траншей, в которые сваливают беспризорные трупы. На моих глазах две женщины и парнишка привезли на тележке какой-то груз и сбросили его на землю. На обратном пути я зашел посмотреть на сброшенный груз. Я увидел трупы женщины и ребенка лет двух. Так у нас сейчас хоронят людей. Как мы все ждем, чтобы эти ужасы скорее кончились. Ждем и ничего не можем поделать. Дистрофия делает свое дело. Врачи говорят, что у многих ленинградцев

происходит распад белка. И этот распад ничем нельзя приостановить, если он уже начался. Распад приводит организм к гибели. Вот почему врачи заранее определяют, что больной — ходячий труп, или он выживет. Есть какие-то внешние признаки начавшегося распада белка.

Сегодня пришел к нам бывший начальник ЛПТУ (техникума) — Михаил Петрович Блейхман. Он из армии освобождается. Временно назначили его на должность зам. начальника УПО по оборонной работе. Говорит, что его сберегают на тот случай, чтобы он возглавил школу среднего начсостава ВПО, которая должна открыться, как только будет снята блокада.

4 июня 1942 года

В 15 часов 9 минут несколько зажигательных и фугасных снарядов попало в пятиэтажное здание склада книг на Печатном дворе по Ораниенбаумской ул., 29. Возник большой и очень сложный пожар. Весь объем склада был заполнен книгами. Проходов было очень мало. Так администрация спасала книги от уничтожения взрывами. Подали № 4. Внутри бетонного здания

накопилось столько теплоты, что бетон не выдержал и стал разрушаться. Сначала обрушились два верхних этажа. Затем здание расколосось по температурному шву на две части и чуть не обрушилось полностью. Тушили двадцатью тремя стволами. Воды было мало. Ее брали из подвалов. Едва отстояли первый и часть второго этажей. Сгорели сотни тысяч экземпляров книг.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

15 июня 1942 года

Вчера вечером шел по Невскому. У булочной видел, как голодный мальчишка ужасного вида, вырвал у женщины кусок хлеба и побежал, засовывая хлеб в рот. Женщина его догнала, повалила, стала бить. А он в это время жадно поглощал хлеб. Женщина отняла у него остаток хлеба, сорвала кепку и ушла. Мальчик же побрел на противоположную сторону, жуя хлеб. На тротуаре какая-то желчная женщина-мать сильно била ребенка лет пяти. Швырнула его, и он упал

на тротуар, но не плакал. Видимо, у них тот же продовольственный вопрос. По солнечной стороне на тротуаре Невского людно. У стен сидят женщины. Кто греет ноги, кто держит в руках какую-нибудь вещь и продает ее. Вот на пути встретилась испитая, очень худая женщина. Она разместилась на тротуаре. На коленях ребенок двух лет. Он держит в руках консервную банку, в которой лежат медяки. Ребенок напоминает восковую фигуру, лицо желтое, худое.

26 июня 1942 года

Товарищ Кубаткин вызвал меня к себе и предупредил о том, что три дня назад немцы забросали зажигательными бомбами город Мурманск. Город горит. Немцы могут проделать это и в Ленинграде. Готовы ли мы?

Решили объявить учебную тревогу и проверить готовность групп самозащиты. Вечером мне вручили письмо из издательства. Сообщили, что вышла из печати «Тактика пожаротушения», написанная мною. Очень хорошо!

8 июля 1942 года

Сегодня в три часа ночи нас собрали в зале заседаний Смольного. Докладывал товарищ Шикторов. Он объявил, что 5 июля Военный совет фронта принял решение о том, чтобы Ленинград превратить в военный город. Принудительно-добровольно эвакуируются из города четыреста тысяч стариков, больных, детей, школьников, арестованных

и т.д. В городе останется восемьсот тысяч человек, из них пятьсот тысяч — на оборонные работы и коммунальное обслуживание, триста тысяч — на охрану города от пожаров. Людей будут переселять из верхних этажей в нижние. Будут заселять свободные дома. В каждом большом доме должна быть группа самозащиты в тридцать человек.

11 июля 1942 года

Сегодня в 4 часа утра меня разбудил по телефону дежурный редактор ТАСС товарищ Бондаренко и сообщил, что только сейчас передали по радиотелефону из Москвы Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина городской пожарной охраны НКВД города Ленинграда. Вот текст указа:

«За образцовую подготовку противопожарной обороны Ленинграда, за доблесть и мужество, проявленные личным составом пожарной охраны при ликвидации пожаров, наградить городскую пожарную охрану НКВД города Ленинграда орденом Ленина. Председатель Президиума Верховного

Совета СССР М. Калинин, Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва, Кремль, 10 июля 1942 года»

В 7 часов утра из Москвы передали по радио, что принят второй Указ, которым группа работников противовоздушной обороны и пожарной охраны награждена орденами и медалями. Меня наградили орденом Красной звезды. А всего награждено ленинградцев сорок человек.

Среди моих знакомых и сослуживцев по ГУПО награждены товарищи Корельский, Королев, Троицкий, Веревкин, Романов, Давыдов, Земский, Рыбников, Васильковский и другие.

17 июля 1942 года

От многих городских пожарных команд страны и от отдельных пожарных деятелей получаем много поздравительных телеграмм в связи с награждением орденом Ленина. Сегодня «Ленинградская Правда» поместила наши фотографии и хорошую статью Никольского под заглавием «Сквозь дым и пламя». 23 июля будут вручать ордена. Мы сфотографировались, заполнили анкеты. Будет небольшой банкет. Мне звонил по телефону П.С. Кубаткин и поздравил с наградой правительства. Какой он чуткий человек!

Позавчера застрелился один из начальников отдела УНКВД — Соколов. П.С. Кубаткин распорядился послать немедленно на отдых всех начальников управлений и отделов. Видимо, сказывается переутомление и истощение нервной системы. Соколов оставил записку, в которой пишет, что его преследовал коричневый автомобиль.

Каждый день из Ленинграда эвакуируется по десять тысяч человек во исполнение решения Военного Совета.

23 июля 1942 года

Сегодня в клубе НКВД (Харьковская, 9) П.С. Попков вручил ордена награжденным. Принимая орден, я слегка волновался. Сказал т. Попкову, что жизнь моя принадлежит Родине.

П.С. Попков произнес замечательную речь о задачах, о положении в городе. От нас потребовал гибкости и быстроты действий.

Затем состоялся замечательный концерт, небольшой банкет. Участвовали артисты: народная артистка С.П. Преображенская,

народный артист Горин-Горяинов, заслуженный артист Иван Алексеевич Нечаев, работавший ранее пожарным, Иван Иванович Плеваков, Королькевич, Михайлов, Колесникова, Дулов и другие.

Были Иван Сергеевич Шикторов и другие майоры госбезопасности, работники штаба МПВО города, получившие сегодня ордена. Этот день будет надолго памятен.

3 ноября 1942 года

Близятся праздники. Двадцать пять лет революции — четверть века. Как время быстро пробежало. И вот теперь враг покушается на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Не удастся нас победить!

На нашем фронте активизировалась авиация врага. Первого и второго ноября

было несколько ВТ. Пробивались к городу по один-два самолета, бросали ФАБ и ЗАБ. Они упали недалеко от нашей новой квартиры: на Рыночной, Моховой, Чайковского. ФАБ по 50 кг, ЗАБ такие же по весу, но фосфорные. Одна упала на дом № 6 по Моховой, но загорание успешно погасили дворник и сторож.

9 ноября 1942 года

Неожиданно праздник закончился катастрофой. В полночь мы были на банкете в УНКВД. Там были П.С. Кубаткин, его заместители, секретари Горкома и другие руководители города. Не успели поднять первые бокалы и произнести тост, как раздался сигнал ВТ. Мы остались, но все время не отходили от телефонов. Во втором часу ночи я уехал в штаб пожарной службы (ПС). И вот, в 3 часа ночи в очаге

поражения ФАБ на Боровой, 26 возник пожар. Дали повышенный номер. Когда я приехал, то застал сильно развивающийся пожар. Бомба разбила дом сверху донизу. Пылало в месте разрушения, разлетались искры и головни. Загорались соседние дома.

На пожар приехал Кубаткин. Подбодрил нас. Он был и в штабе ПС. Почему-то у него сложилось мнение, что пожар

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Пожар на Боровой улице, 26. 8 ноября 1942 года

Схема тушения пожара

запущен. Однако это было не так. Пожар был удачно ликвидирован.

Около шести часов утра мы с Б.И. Кончаевым поехали в штаб ПС. И только мы отъехали от места пожара, как внезапно опрокинулась одна стена дома и засыпала двадцать три наших бойца и командира. Извлекли семнадцать мертвых, шесть

живых, но раненых. Картина была потрясающая. Я и сейчас вижу обезображенные трупы моих товарищей и сослуживцев, которые перестали существовать так трагично! Среди погибших начальник 5-й ВПК товарищ Ракович, с которым я только что разговаривал. Его раскопали самым последним. Для нас это был тяжелейший удар.

23 ноября 1942 года

Радио сообщило об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда (ныне Волгоград). Оно идет с севера и с юга от города. Советские войска продвинулись на 60—70 км. Занят город Калач-на-Дону. Разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизия. Взято тринадцать тысяч

пленных и триста шестьдесят орудий и много другой техники. Убито четырнадцать тысяч фашистов. Отличились войска под командованием генерал-майора Н. Труфанова, бывшего моего командира 498-го стрелкового полка периода гражданской войны (1920 г.).

13 декабря 1942 года

Приехал начальник политотдела ГУПО товарищ Савинов и вручил нам Красное знамя по соцсоревнованию.

31 декабря 1942 года

Вот печальный итог наших потерь с начала войны до 31 декабря 1942 года: погибли 1434 пожарных работника, в том числе:

1. При исполнении служебных обязанностей:
 - Начсостава — 25
 - Рядового состава — 132
 - Вольнонаемных — 9
 - Всего: 166 человек.
2. Умерло от истощения
 - Начсостава — 72
 - Рядового состава — 892
 - Вольнонаемных — 78
 - Всего: 1042 человека.
3. Пропало без вести
 - Начсостава — 12
 - Рядового состава — 169
 - Вольнонаемных — 17
 - Всего: 198 человек.
4. Умерло после тяжелых ранений — 28 человек.

М.К. Сериков
принимает знамя соцсоревнования

1 января 1943 года

Новый год! Мы его встретили не мрачно и не весело. Устроили под сухую ужин. Оперативные сотрудники собрались в столовой. Мне пришлось выступить с новогодней речью и поздравлениями. Затем началось «пиршество»: ели гречневую кашу и пироги с капустой. Молодежь под патефон танцевала. Я приобрел через начальство пол-литра водки. Но меня постигло несчастье. Я бутылку

разбил, выронив ее из рук у себя в комнате. Досада была ужасная. Все же мы немножко выпили и закусили картошкой в мундире. Поздравили друг друга — Сериков, Демьяненко и я — с Новым годом. Выпили за наших жен, которые томятся в разлуке с нами. Выпили за грядущую счастливую жизнь. Все пожелали, чтобы новый год принес нам счастливую семейную жизнь!

18 января 1943 года

УРА! Победа! «Последний час» сообщил о прорыве блокады Ленинграда. В результате семидневных боев взяты Шлиссельбург, Синявино, поселки на болотах. Армии Говорова и Мерецкова соединились. Мы получили выход на большую землю по земной тверди! Есть надежда, что в ближайшие дни возьмут

Мгу и откроют Северную железную дорогу. Идут митинги. По радио даже ночью передают музыку.

У меня радость. Я еду в отпуск в Свердловск, к Леле! С начальством все согласовано. Еду на автомашине до Тихвина. А кто знает, может, обратно вернуться на «Стреле».

ГЛАВА I. Блокадные дневники

4 марта 1943 года

Вернулся в Ленинград 21 февраля 1943 года. Сейчас кручусь непрерывно. Вникаю в дела. За мое отсутствие фашисты много набезобразничали в городе: бомбили не раз с воздуха, ожесточенно обстреливали из дальнобойной артиллерии. Возник в городе ряд пожаров: на улице К. Либкнехта, 88 (ныне Большой проспект Петроградской стороны), на мясокомбинате, на заводе «Красная Звезда». Есть жертвы среди наших людей.

Вот мой личный вопрос. Начальник ГУПО генерал-майор Богданов П.М. поручил мне лично написать книгу на тему «Борьба с пожарами в условиях ПВО». Сказал, что надо дать анализ борьбы с пожарами за полтора года войны. Но я никак не могу усадить себя на эту работу: не подходит режим. Вот бы попасть снова в техникум. Там бы я давно уже занимался литературной работой.

5 марта 1943 года

Сегодня был на приеме у начальника МПВО города Ленинграда генерал-майора Лагуткина. Он принял меня очень дружелюбно, поблагодарил за «Пожарную тактику», экземпляр который я ему преподнес с авторской подписью. После служебных вопросов мы разговорились о моей поездке в Свердловск и Москву и проговорили часа полтора. А в приемной ждало много посетителей. Нас развела только ВТ. Мне пришлось ехать на командный пункт. Наш командный пункт ПС ужасно неблагоустроен. Из-под пола и со стен течет вода. Связь все время выходит из строя. Неуютно. У меня возникла мысль сменить командный пункт. Я подобрал подходящее помещение: подвал под бывшим царским сенатом. Вот по этому вопросу я и посетил товарища Лагуткина.

Сегодня получили телеграмму за подписью т. Сталина. Вот текст: «Начальнику пожарной охраны Ленинграда товарищу Серикову.

Начальнику политотдела товарищу Климову.

Прошу передать бойцам и командирам ордена Ленина пожарной охраны города

Лагуткин Е.С.

Пожарные снайперы города Колпино

Ленинграда, собравшим 2 150 000 рублей на строительство авиаэскадрильи "Ленинградский пожарный" и танковой колонны

"Ленинградский осоавиахимовец" — мой боевой привет и благодарность Красной Армии». И. Сталин.

6 марта 1943 года

У нас досадные потери: вчера случайным снарядом убиты наши замечательные колпинские снайперы Белоконь и Заморин.

На их счету были сто сорок восемь уничтоженных немецких захватчиков.

13 марта 1943 года

9 часов утра. Лазурное небо. В окно проникают ласковые лучи солнца. В воздухе теплые струйки. По радио передают вторую симфонию Чайковского. Уборщица вытряхнула пыль из матраца. Выказалась по поводу взятия Вязьмы и предстоящей посадки овощей.

Внезапно воздух потрясли орудийные выстрелы. Овчинников с вышки Исаакиевского собора сообщил, что в воздухе патрулируют наши самолеты. А зенитки, видимо, резвятся, шлют привет нашим же самолетам. Слышится гул самолетов.

Музыка прекратилась. По радио передают сообщение из США. Там вчера был устроен прием с говорильней дипломатов. Американцы хвастались о своих благодеяниях, передаче займы и в аренду (слова-то какие) СССР пушек, танков и самолетов. Выступали Рузвельт, Литвинов, Галифакс и другие. Вообще, что-то подозрительно. Вчера было опубликовано широко прокомментированное заявление американского посла в СССР Стендли о том, что наш народ не осведомляется нашим правительством о размерах американской помощи.

17 марта 1943 года

На завтраке, устроенном 11 марта в США, уполномоченный по реализации закона «О сдаче оружия в аренду» Стетиниус заявил дословно: «США посылают материалы, в которых нуждаются наши союзники — танки, самолеты, продовольствие, а также материалы, позволяющие производить новые танки, новые самолеты и продовольствие. Американские вооруженные

силы, находящиеся за морем, получают взамен все материалы и услуги, в которых они нуждаются. Масштабы этой взаимной помощи настолько велики, что это по праву может быть названо одной из самых великих глав в истории войны». Оказывается, вот в чем смысл и существо закона «О сдаче в аренду и займы вооружения»!

26 марта 1943 года

Получил письмо от Ольги (сестры моей жены) из Курска. Город освободили от оккупации. Пишет, что немцы, заняв Курск, выгнали их из квартиры. Пять суток жили они на тротуаре. Потом шесть месяцев им ничего не давали из продовольствия. Много народа расстреляли. В газетах много врал про Ленинград. Племянников Ваню и Валентина Алфимовых — мальчишек арестовали и избивали так, что их нельзя

было узнать. Ее дочь Веру угнали в Германию. Ольга поседела. Мама еле жива. Миша (мой свояк) мобилизован — поручили восстановить мосты.

Участились воздушные тревоги. Немцы, видимо, решили вывести из строя наши электростанции. Сбросили ФАБ и пристрелялись к пятой ГРЭС. Три дня бомбили вторую ГРЭС, но в главный корпус не попали. 24 марта обстреляли первую ГРЭС.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Попали в резервуары с мазутом. Во время тушения вражеская артиллерия обстреливала нас восемь раз. Попало пятьдесят четыре снаряда по очагу пожара. Убита

наша слушательница боец Медведева, двое бойцов ранены. При обстреле возникло еще пятьдесят очагов пожара. Три резервуара с топливом сгорели.

30 марта 1943 года

Сегодня были три воздушные тревоги. Одновременно был интенсивный артобстрел. От снарядов возникли два пожара на заводе «Красный треугольник». Когда ехало на пожар отделение 4-й ВГПК, вблизи автососа на проспекте Газа (ныне Стара-Петергофский) разорвались два снаряда. Насос разбит, трое убиты, пятеро тяжело ранены.

Один снаряд упал у здания ВПК завода «Красный треугольник». Выведена из строя связь, ранен помощник начальника команды Смирнов, контужен

телеграфист. Вечером загорелся от снаряда дом № 3 по Приютской улице (ныне Морской переулок) По очагу пожара враг выпустил более двадцати снарядов. Трое наших убиты: Копылов — боец 4-й ВГПК, наш бывший слушатель, Арутюнов — боец 27-й ВГПК, Семенов — инструктор дымслужбы 16-й ВГПК. Трое бойцов ранены: Волжанин, Дубков, Лукьянов. На пожаре четверо отравились окисью углерода, двое получили увечья — провалились в прогар с четвертого этажа. Снарядом разбило мехлестницу 2-й ВГПК и автомашину связи.

6 апреля 1943 года

Черт знает, что творится в Ленинграде. Появилась какая-то банда, которая угоняет днем автомашины. Сегодня в 14 часов 30 минут я поехал с шофером Пашковым к себе на квартиру на улице Пестеля. Пашков помог мне поднести вещи в квартиру. Пока мы поднимались в квартиру — автомашину угнали. Подобрали

ключ. Заявил в ГАИ. Наверное, автомашину уже угнали за город. Возможно, и здесь в городе ее разобрали на части. Говорят, это самый выгодный способ добывать исправные части автомашин в наших ленинградских условиях. Пашкова, наверное, будут судить. Возможно, и с меня спросят.

7 апреля 1943 года

Сегодня весь день занимались с писателем Николаем Семеновичем Тихоновым. Я снабдил его материалами. Он готовит статью в газете о 25-летию советской пожарной охраны. Вечером мне позвонил заместитель начальника УНКВД

товарищ Басов и передал, что разговаривал по телефону с генерал-майором Богдановым, который сообщил о присвоении нам воинского звания «подполковник»: мне, Б. И. Кончаеву и Климову, а Демьяненко — «майора».

8 апреля 1943 года

Сериков, Кончаев, Климов и я смотрели на кинофабрике фильм с натуры о нашей работе. В это время поднялась интенсивная стрельба. Разрывы были где-то рядом. Стулья под нами заколыхались, здание содрогнулось. Мы решили немедленно ехать в штаб. В пути, когда поравнялись

с Александровской лаврой, попали в зону падения вражеских снарядов. Метрах в двадцати перед нашей машиной разорвался снаряд. Десять-пятнадцать секунд — и мы попали бы под него. Этим снарядом разбило две грузовые машины. Послышались крики о помощи и стоны.

«Сороковые, роковые...»

Туда бросились санитарки, неизвестно откуда взявшиеся. Мы вышли из машины и прижались к стене лабаза. Затем повернули обратно и поехали через Володарский

мост по правому берегу до Литейного моста. Стрельба идет и сейчас, когда я пишу.

15 апреля 1943 года

Вчера противник, видимо, по наводке разведчика, пристрелялся к нашему ДЗОТу (*дерево-воземляной огневой точке*) в Кировском районе на улице Стачек, 38. ДЗОТ был взорван. Он горел, стали взрываться снаряды. На тушение

пожара выехало отделение 41-й ВПК во главе с тов. Лукашевичем. Развертывались и тушили пожар под обстрелом. Осколками перебило семь рукавов. Люди не пострадали. Снаряды вытащили, пушка погибла.

20 апреля 1943 года

18 апреля отпраздновали двадцать пятую годовщину советской пожарной охраны. Я сделал три доклада: в Смольнинском и Свердловском районах, а также на Кировском заводе.

«Ленинградская Правда» поместила передовую статью к нашему празднику. Поместила большую статью Н. С. Тихонова и две статьи Езерского. В «Блокноте агитатора» помещена моя статья.

Ко дню праздника меня наградили знаком «Заслуженный работник НКВД», грамотой и ценным подарком Ленинградского Совета.

Вечером 18 апреля был банкет на стадионе «Динамо». Был т. Кубаткин, его заместители тт. Бадаев, Павлов и другие. Праздник прошел без эксцессов.

В ночь на 19 апреля были три ВТ.

1 мая 1943 года

Ночь бодрствовал. Приезжал проверять работу штаба ПС т. Поляков. Пожаров не было, воздушных тревог также. В 4 часа утра позвонил т. Гусев и сообщил, что по ВЧ со мною от шести до девяти утра будет говорить Москва. Около девяти в трубке слышался голос моей жены. Это для меня было большим событием. Лучшего подарка к празднику я и не ожидал. Поговорили хорошо. Она поступила на работу в спецторг в отдел заказов. Это замечательно.

С утра была пасмурная погода. К полудню стало проясняться. С 9 часов утра немцы начали шквальным огнем обстреливать город. Сейчас 11 часов 30 минут, но обстрел идет в пятый раз. Видимо,

задумали испортить наш праздник. А мы очень скромно отмечаем этот замечательный день международной солидарности трудящихся. Ленинградцам выдали по 0,5 л водки, 0,25 л вина, 1,5 л пива, по 300 гр. селедки, 750 гр. муки, 300 гр. кондитерских изделий, по 400 гр. колбасных изделий, по 25 гр. грибов сушеных. Это все подарки из республик и областей. Спасибо им за заботу о нас. Я дополнительно получил 500 гр. меда. Пирую. Водку не пил — нельзя, нахожусь на боевой вахте. Настроение бодрое. Завтра устраиваем вечер художественной самодеятельности. Вчера показывали кинофильм «Волга-Волга».

4 мая 1943 года

Вчера 3 мая был невероятной сложности пожар на нефтебазе «Красный нефтяник». В 13 часов я, совместно с оперативной

группой, поехал на нефтебазу корректировать оперативный план. Шел артобстрел района. Когда мы расположились в ВПК,

ГЛАВА I. Блокадные дневники

*Пожар на нефтебазе Красный нефтяник
3 мая 1943 года*

снаряды стали ложиться на территории нефтебазы. Одним из снарядов была разрушена и подожжена железнодорожная цистерна с маслом. Мы пожар быстро потушили. Затем я поднялся на вышку, чтобы оттуда корректировать места падения снарядов. В здании ВПК и вокруг него разорвалось пять снарядов. Вышка затаялась. Все вокруг заволочло дымом и газами. Посыпались стекла, осколки. Через несколько минут снаряды попали в резервуары с моторным топливом, которое стало выливаться и затапливать мостовую. Топливо вспыхнуло, и вскоре пожар охватил площадь до шести тысяч кв. метров. Я принял на себя руководство пожаротушением. Подал сигнал № 5. Прибыли сорок два отделения. Тушить пришлось под непрерывным обстрелом крупнокалиберными снарядами. Обстрел не прекращался почти до конца тушения. Мы передали просьбу штабу Ленинградского фронта подавить вражескую артиллерию. Вскоре это было

выполнено. Однако противник успел выпустить по очагу горения семьдесят восемь снарядов калибра «6-10». Пострадало более сорока человек. Наши убито и ранено двадцать пять человек.

Мы совместно с управляющим Нефтеиндустриальной по Ленинградской области т. Шпаком и главным инженером нефтебазы т. Сорокиным отправились в разведку на бензиновую группу резервуаров, которые были хорошо замаскированы. Мы шли по мосткам, примерно

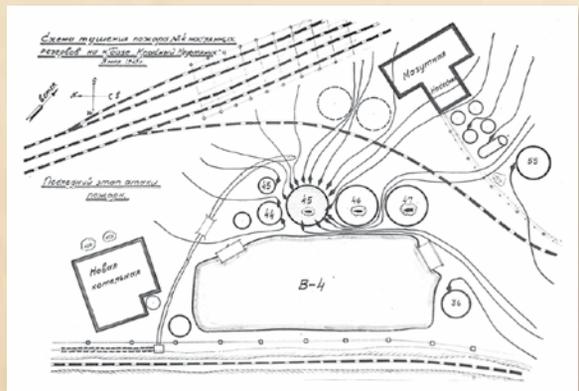

Схема тушения пожара

«Сороковые, роковые...»

на высоте I—I,5 м над уровнем земли, которая в этом месте были сильно замазучена. Сорокин метров на десять-пятнадцать отделился от нас. И вдруг в Сорокина попал снаряд, разорвал его в клочья. Потом мы нашли на стенке одного замаскированного резервуара кусочек черепа с волосами. Этот кусочек мы и хоронили, положив его в гроб. Взрывом снаряда нас с т. Шпаком сбросило с мостков, однако ранений у нас не оказалось. Горение нефтепродуктов ликвидировали водой, но затратили на это несколько часов.

Вечером сегодня 4 мая противник обстрелял территорию Кировского завода. Вызвал разрушения и пожар на складе

бензина. Затем разрушил насосную станцию и три резервуара. Долго обстреливал очаг пожара. Из наших один убит, трое ранены. Пожар потушен удачно. За короткое время враг обстрелял и поджег пять раз нефтесклады на следующих объектах:

- 24 марта на первой ГЭС,
- 16 апреля на заводе «Красный Выборжец»,
- 2 мая на заводе № 232,
- 3 мая на нефтебазе «Красный нефтяник»,
- 5 мая на Кировском заводе.

Ясно, что в городе действует вражеская агентура. Приходится зарывать горючее в землю. Власти дали распоряжение.

8 мая 1943 года

В ночь на 7 мая вражеская артиллерия сильно обстреливала Кировский завод. Загорелся резервуар с остатками мазута. Враг выпустил по очагу пожара девяносто три снаряда. Я руководил пожаротушением. Чуть не был убит. Сильно болит тело от падавшей на меня земли и камней. Был

какой-то ад! Мы снова понесли жертвы. Доколе будет так?

Вчера за успешное тушение пожара на «Красном нефтянике» тридцать восемь наших бойцов и командиров представлены к правительственным наградам. Меня тоже — к ордену «Красного Знамени».

9 мая 1943 года

Сейчас 23 часа 15 минут. Объявлена воздушная тревога. Над городом вьются два «Юнкерса-88». Идет дьявольская канонада зенитной артиллерии. Дрожат рамы. Того и гляди вылетят все стекла. И так почти

каждый день. Как только наступают 23 часа, враг, с немецкой педантичностью, совершает налет. Надоели ужасно. Массовых налетов нет. Но обязательно прилетят два-три самолета, сбросят четыре-шесть ФАБ и улетят.

22 мая 1943 года

Сегодня в «Правде» опубликовано постановление Президиума Исполкома Коминтерна о его ликвидации. Внесено на решение компартий следующее предложение:

«Коммунистический Интернационал, как руководящий центр международного рабочего движения, распустить, освободив секции Коммунистического Интернационала от обязанностей, вытекающих из устава

и решений Конгрессов Коммунистического Интернационала.

Подписали: Готвальд, Димитров, Жданов, Коларов, Коплениг, Куусинен, Мануильский, Марти, Пик, Торез, Флорин, Эрколи.

Присоединились: Бианко, Долорес Ибарури, Лехтинен, Паукер, Ракоши». Москва, 15 мая 1943 года.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

4 июня 1943 года

Сегодня в клубе НКВД Иван Сергеевич Шикторов (бывший выпускник пожарно-технических курсов) вручил мне медаль «За оборону Ленинграда». А затем в своей заключительной речи упомянул

мою фамилию, назвав меня храбрым и отважным, действительным защитником Ленинграда! Упомянул также о Б.И. Кончаеве, Г.Г. Тарвиде, двух работников милиции.

12 июня 1943 года

Сегодня мне вручили грамоту Ленсовета и именные часы с надписью. В грамоте отмечены мои заслуги в деле укрепления противопожарной обороны города.

На фронтах зловещая тишина. Все ожидает решающих боев. С обеих сторон отмечается активность авиации.

19 июня 1943 года

Сегодня враг произвел жесточайший обстрел Кировского завода. В течение сорока минут на территории завода разорвалось свыше трехсот снарядов. Возникли шесть очагов пожара: один — в термическом цехе, второй — в Новой кузнице, три — в цехе № 10, один — в экспериментальном цехе. Я, Данилов, Полковников и две заводских работницы были настигнуты двумя снарядами в цехе № 10. Снаряды пробиты крышу и разорвались в цеху. Нас засыпало бетонными обломками, окутало

дымом и газами. Мы совершенно оглохли. Обстрел продолжался. Нам удалось выползти из цеха. У одной из работниц оказалась рана на руке. Данилов обнаружил пробоину на гребне каски. У меня и Полковникова, кроме контузии, ранений не оказалось. Сильно шумело в голове, звон в ушах.

Прекращаю запись. Началась ВТ. Дехтерев сообщил, что с Сиверской на город движутся пятьдесят самолетов. Время 20 часов 55 минут.

27 июня 1943 года

Я близко познакомился с писателем Николаем Семеновичем Тихоновым. Неоднократно бывал у него на квартире. Он объединил свои месячные очерки и хочет издать их книжечкой под названием «Ленинградский год». В книге охвачено время с мая 1942 года по апрель 1943 года. Он пишет и о пожарных, с которыми он близко познакомился. Я его снабжаю материалами (позднее этот материал был изложен в известной книжке Н.С. Тихонова под названием «Бойцы огненного фронта». Эту книжку автор подарил мне с надписью: «Подполковнику

Голубеву Сергею Гордеевичу — с глубоким уважением дружбы». Николай Тихонов. 1943. I. XI Ленинград).

В начале 1944 года Николай Семенович организовал авторский коллектив, в который пригласил и меня для написания труда на тему «Оборона Ленинграда в период блокады». Однако этот авторский коллектив, после составления и тщательного обсуждения плана, распался в связи с тем, что Николай Семенович был назначен Первым Секретарем Союза писателей СССР и покинул Ленинград, переехав на жительство в Москву.

5 июля 1943 года

ГУПО подтвердило свое распоряжение о том, чтобы я приступил к написанию книги «Борьба с пожарами в дни Великой Отечественной войны». Мне предоставили тридцатидневный отпуск. Я уединился в своей новой квартире по улице Пестеля, 8. Составил календарный план, распорядок дня. Отвел 12 часов 30 минут работы над книгой ежедневно. Думаю, что это удастся выполнить.

Новая квартира, которую мне помог получить тов. Аслин, очень хорошая и удобная. С утра и до вечера в ней солнце. Из окон вид на две церкви: Гангутскую

на улице Пестеля и церковь на крови (место убийства Александра II) на канале Грибоедова. Виден Летний сад. В двух минутах ходьбы Нева, Фонтанка, Мойка, канал Грибоедова, Лебяжья канавка. В одной точке (у Летнего сада) четыре моста. Как в Венеции — кругом вода. Чудесно! Но вот в квартире воды нет. Испорчен водопровод. Ношу воду ведром. Ничего. Проживу и так!

Пишу, а в квартиру назойливо долетают звуки артиллерийской канонады. Бьют зенитки где-то рядом. Удивительная обстановка! Как в сказке!

6 июля 1943 года

Газеты сообщили, что утром 5 июля немецкие войска перешли в наступление на Орловско-Курско-Белгородском направлении, на так называемой Курской дуге. Завязались ожесточенные танковые бои. 5 июля

уничтожены пятьсот восемьдесят шесть немецких танков и двести три самолета. Видимо, наши хорошо подготовились, если за один день такие результаты.

7 июля 1943 года

Бои на Курской дуге продолжают. За 6 июля уничтожено свыше четырехсот шестидесяти танков и сто три самолета

противника. Более тысячи танков за двое суток. Чудесно!

8 июля 1943 года

Вчера был сильный артобстрел города. Разорвалось триста пятьдесят девять снарядов. Убито двенадцать, ранено девяносто человек. Один снаряд попал в общежитие 31-й пожарной роты. Четырнадцать

человек ранено, двое убиты. На заводе № 189 возникло десять возгораний. Все они потушены группами самозащиты. Ранен помощник секретаря нашего управления Бабаев, который находился на улице.

13 июля 1943 года

Наступление немцев на Курской дуге захлебывается. Все атаки отбиваются, хотя противник бросает в бой тысячи танков

и самолетов. Потери врага в танках уже превысили две с половиной тысячи, а самолетов — больше тысячи.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

29 июля 1943 года

В 2 часа ночи объявлена ВТ. Происходила ожесточенная зенитная стрельба! Я был свидетелем незабываемых картин. Высоко в небе над нашим домом с вражеских самолетов были сброшены шесть осветительных ракет. Внезапно стало светло, светлее, чем при солнечном затмении, или при ярко-лунном свете. По осветительным ракетам открыли стрельбу пулеметы, пытаюсь попасть в парашюты. Небо отовсюду стали прошивать ярко-зеленые

пунктиры, перемежающиеся ярко красными точками. Это светящиеся пули, оставляющие в небе трассу полета. Я думал, что будет жесточайшая бомбардировка. Но нет — ее немцы не осуществили. Видимо, враг высматривал, стоят ли на Неве военные корабли, которые вот уже несколько дней ведут стрельбу из дальнобойных орудий. Стоит страшнейший шум. Снаряды пролетают где-то вблизи от нашего дома.

10 августа 1943 года

Восьмого августа, в воскресенье, в теплую ясную погоду фашистские варвары обрушили на центр города сотни снарядов. На углу Невского и улице 3 июля (*ныне Садовая улица*) снаряд разорвался в гуще людей, ожидавших трамвая. На мостовой и тротуарах лежат десятки растерзанных трупов. Пожарные струями воды смывают кровь с асфальта. Газеты после поместили фотографии этого варварства. Бессильно раскинув руки, лежит в луже крови молодая женщина. Недвижно ее еще час назад полное силы тело. Она убита. Убита осколком снаряда на улице родного города. Погибла, возвращаясь

с работы! Ее убили фашисты. В этот день, зверея от бессильной ярости, немцы иступленно обстреливали Ленинград. Они стреляли по людным улицам, по жилым домам. Они стреляли по ленинградцам.

Разбойничьими артиллерийскими налетами они хотят напугать ленинградцев, разрушить город, перебить его население. Но нет такой силы, которая могла бы поколебать нашу стойкость, нашу волю к борьбе и победе над ненавистным врагом. Мы не забудем тех, кто погиб на наших улицах. Мы не простим их смерть немецким убийцам.

8 августа 1943 года. На углу Невского проспекта и Садовой улицы снарядом были убиты 12 человек

14 августа 1943 года

Книгу заканчиваю. Все основное уже написано. Надо лишь отредактировать и устранить повторы. Послал телеграмму

начальнику ГУПО товарищу Богданову с просьбой разрешить командировку в Москву с рукописью.

14 сентября 1943 года

Уезжаю в Москву. Пять дней ждал самолета, так и не дождался. Еду поездом. До Ладоги на автомобиле, мимо Шлиссельбурга, вдоль переднего края Ленинградского фронта. Никогда я не был в этих местах. Рад случаю взглянуть на Шлиссельбург — известную

крепость царизма. Везу рукопись книги. Назвал ее «Борьба с пожарами в дни Отечественной войны». Как-то примут эту рукопись (приняли хорошо. Книгу опубликовали, но только с грифом «Секретно». Искать ее надо в секретных сейфах)...

19 октября 1943 года

Записываю в дневник авторское содружество «Кукрыниксы». Это трое советских художников: Михаил Куприянов, Порфирий Крылов, Николай Соколов. Их метод коллективной работы: каждый отдельно делает набросок на определенную тему. Затем коллективно выбирают лучший. Кто-нибудь один рисует, другие дополняют. Часто спорят, но приходят к одному решению. Их произведения — от газетной карикатуры и плаката до больших станковых картин. В Москве открыта выставка их произведений.

Записываю еще одно удивительное событие войны. На родине Гоголя в селе Великие Сорочинцы, занятом немцами, жила женщина — партизанка Ольга Бондаренко. Она ведала снабжением партизан боеприпасами. Гестаповцы выследили ее и вместе с мужем расстреляли у кручи, что возле Спасской. Тела были сброшены в реку Псел. Ольга выплыла, выздоровела и снова стала партизанить. Ее опять выследили, арестовали, опять

расстреляли и закопали в землю вместе с расстрелянным сыном. Ночью к могиле пришли советские люди, откопали тела, Ольга оказалась живой, хотя была ранена в голову. Крепкий организм цепко боролся за жизнь. Ольга выздоровела и опять принялась партизанить. Однажды в сарай, где Ольга сортировала патроны, ворвался немецкий комендант Альфред Бартель. Он изумился. С бешеной яростью комендант разрядил в грудь Ольги всю обойму пистолета. Потом жандармы вонзили в окровавленное тело свои штыки и, только в достатке надругавшись над трупом, удалились. Великая патриотка и дочь нашего народа умерла. Вечная слава Ольге Бондаренко!

Пройдут дни и месяцы. Советские поэты сложат про нее стихи, писатели-прозаики опишут ее патриотизм в летописях и имя Великой патриотки — Ольги Бондаренко войдет в историю, как светлое имя борца за счастье советского народа!

15 января 1944 года

Начался новый год. Есть уверенность, что он принесет нам победу. Сегодня на нашем фронте началось наступление Красной Армии. Утром в 9 часов 20 минут началась артиллерийская подготовка. Сотни, а может и тысячи орудий интенсивно стреляют в сторону врага. Воздух

содрогался, в городе звенели стекла. Отовсюду из дворов появились желтые дымки пороховых газов. Я был на вышках техникума и I4-й ВГПК. Куда ни взглянешь, видны длинные языки пламени, которые изрыгали жерла дальнобойных пушек. Стоял невероятный грохот, который ранее

ГЛАВА I. Блокадные дневники

мы не слышали. Стрельба длилась более двух часов, потом в течение шести часов то утихала, то возобновлялась. Передний край «обрабатывали» наши штурмовики. Артиллерия противника почти не отвечала. В воздухе появились восемь «юнкерсов», которые сбросили на окраинах

города бомбы и обстреляли наши позиции из пулеметов. Неужели это начало конца? О, как мы все желаем окончания блокады!

Был в техникуме. Туда заходил М. П. Блейхман. Он в звании полковника. Приехал за некоторыми вещами. Собирается переезжать в Москву.

18 января 1944 года

Радио сообщило, что наши войска провалили линии обороны противника южнее Ораниенбаума (ныне город Ломоносов) и севернее Новгорода. Наступление продолжается. По сведениям из военных кругов сегодня стало известно, что наши войска обошли Пушкин, заняли половину Красного Села и окраины Ропши. Лед тронулся. Теперь захватчикам не удержаться! Сегодня немцы стреляли по городу только

из дальнобойных орудий. Предполагают, что всех фашистов, сидящих в траншеях Стрельны, Петергофа, Урицка возьмут в плен или уничтожат. Из этих пунктов они уже не стреляют по городу. Видимо, не до этого.

Был в Ленинграде В. И. Румянцев. Сегодня он уехал. Попросил его дать информацию П. М. Богданову и передать ему просьбу об открытии школы.

22 января 1944 года

Сегодня ездил на автомашине в Стрельну и Петергоф, которые очищены от вражеских войск. И что же я там увидел? Это не города, а лишь географическое понятие. Буквально нет ни одного целого здания. Вся левая сторона построек от шоссе по пути в Петергоф сожжена. Все крупные здания взорваны. Дороги заминированы. Мины обезвреживают при помощи собак. Собаки нюхают снег, их прельщает запах тола, находят мину и лаем извещают о ее местонахождении. Иногда собака пытается разгрести снег лапами. Но тогда сапер оттягивает умное животное от мины и осторожно обезвреживает ее.

На дорогах масса разбитых танков, автоброневиков, автомобилей и другой техники. Проехали мы развилку дорог. Прямо — на Урицк, направо — в Стрельну. Знакомые места. Не доезжая до «Пишмаша», обнаружился наш передний край. Линии окопов, танковые рвы, проволочные заграждения. Блиндажи, ДОТы, пулеметные гнезда в окопах, траншеи идут извилистой лентой вдоль побережья и затем резко сворачивают на Юг. Вот нейтральная зона. Наконец, аналогичная нашей система укрепления противника — это передний край немцев. Кругом унылый пейзаж. Все

деревья обрублены снарядами. Все исковеркано. Да, должно быть долго не будет здесь красивых пригородов Ленинграда.

Побывал в школе ВПО им. Куйбышева. Здесь все знакомо. Но что сделали немцы со зданиями! Все разрушено. Некоторые здания горят, остальные взорваны. Под аркой Надвратного корпуса устроена баррикада... из учебников и другой литературы школы. Я обнаружил «Химию горения» Тидемана, «Водоснабжение» Гениева, учебники по родной литературе, мой учебник для бойца. Какая удивительная судьба у этих книг! Позади котельной немцы устроили склад боеприпасов и огромный ДОТ. По берегу залива устроена система укреплений: пулеметные гнезда, блиндажи, хода сообщения. Мы побывали в землянках. В них неплохо немцы устроились. В каждой землянке мы обнаружили десятки бутылок из-под коньяка и рома. Нашли искусственную елку, украшенную безделушками. Нашел немецкую газету — переведем и почитаем ее. В землянке немцы натащили зеркал, шкафов, пружинных матрацев, диванов — все из школы. Школа погибла. Восстанавливать ее нет смысла.

Отправились в Петергоф. Все мосты взорваны. Пришлось объезжать. Саперы мосты восстанавливают. Всюду регулировщики и минеры!

«Сороковые, роковые...»

Больше никого, ни одного мирного жителя. Петергоф произвел удручающее впечатление. Ведь мы в Петергофе впервые 22 июня 1941 года узнали о начале войны. С тех пор прошло более двух с половиной лет. И вот теперь не стало этого чудесного уголка нашей страны, гордости русского искусства и зодчества. Сожженные дворцы будут служить вечным проклятием гитлеровским изуверам, варварам! Надо бы каждый год привозить сюда немцев из Германии. Пусть смотрят, что

наделали их войска! Эта картина служила бы им вечным укором. Знаменитые скульптуры и решетки увезены в Германию. Множество деревьев в Нижнем парке спилены. После того, что я увидел, теперь новое понятие я вкладываю в лозунг «Смерть немецким захватчикам». Да, смерть! Иного искупления они не заслуживают. Но просчитались гитлеровцы. Ленинградцы, вся наша страна восстановят разрушенные города и дворцы, сделают их еще краше. Иначе и быть не может!

24 января 1944 года

Военный Совет Ленфронта принял решение ознаменовать артиллерийским салютом разгром немцев под Ленинградом. Из 334 орудий будет дано 8016 выстрелов. Будут

работать сорок мощнейших прожекторов, выпущено двадцать четыре тысячи ракет. Нам предложено обеспечить безопасность в пожарном отношении.

27 января 1944 года

Сегодня в 19 часов 45 минут по семи радиостанциям Ленинграда передан приказ Военного Совета Ленфронта о снятии осады города, о разгроме врага и о том, что немецкие войска отогнаны на 60—100 км от Ленинграда. Салют состоялся. Какое это было грандиозное зрелище! Воздух сотрясся от стрельбы сотен пушек. В небо взвивались тысячи зеленых, красных, оранжевых ракет, от света которых было видно, как днем. На Дворцовой набережной тысячи

людей, много автомашин. Лучи сорока прожекторов прорезали туман и ярко осветили Фондовую биржу, колонны на Стрелке, шпиль Петрокрепости. Из тумана выступили величественные сооружения, украшающие мировой город. Не верилось, что наступил конец страданиям ленинградцев! Этот день войдет в историю как величайший день победы над ненавистным врагом, тысячи которых истреблены под Ленинградом. Более сорока тысяч захватчиков уничтожены в последних боях.

29 января 1944 года

Сегодня объявили по радио, что взято Чудово и, таким образом, Октябрьская железная дорога полностью освобождена от вражеских войск. Какое это счастье для нас! Мы теперь опять приобщены к Великому советскому народу. Наш Ленинград — уже большая земля, а не островок в окружении врага.

Вчера ездил тушить пожары в Гатчину. Подлецы сожгли Гатчинский дворец. Кое-что отстояли, но большинство помещений

сгорели. Немцы на колонне памятников воздвигли свастику. Сегодня посылаем туда мехлестницу, чтобы снять свастику. Видел груды трупов немецких солдат. Их особенно много по обочинам дорог. Трупы валяются и в городе. Привез газету на русском языке. Называется «За Родину». Издается в Пскове предателями Родины. Боже мой, сколько в этой газете клеветы на СССР, на коммунистов.

13 мая 1944 года

Получил приказ по НКВД СССР. Меня назначили начальником второй Пожарно-технической

школы НКВД СССР. Итак, я опять в родной школе!

ФИПО в эвакуации

И. С. Волков,
преподаватель ФИПО

*Посвящается моим дорогим и любимым
жене Полине Ивановне
и дочери Нине Ивановне Волковым.
1942 год. Ленинград*

Ясный теплый летний солнечный день. Я лежу в мягком купе скорого поезда и мечтаю. И неудивительно помечтать в моем положении. После месячного пребывания в Одесском санатории НКВД я прекрасно поправился, загорел, посвежел и чувствовал себя превосходно. Настроение отличное, а мечтал я о встрече с семьей, которую не видел более месяца, а также мечтал и о том, что в ближайшее время я должен был защищать диссертацию и получить ученую степень кандидата технических наук.

Кто бы мог предположить, что в скором времени Ленинграду придется отражать вражеское вторжение. Все мы были воспитаны на том, что воевать будем на территории врага, а потому были сравнительно спокойны, хотя предчувствие тяжелых потерь людских и материальных ресурсов меня угнетало уже в первый день войны. Последующие десять дней войны вселили во мне чувство тревоги за будущее Родины. Стал я тревожиться и за свою семью. Это чувство росло по мере приближения немцев к Пскову. А события надвигались одно за другим. Введены были хлебные карточки, нормы выдачи хлеба снижены. Началась эвакуация, сначала детей, а потом и взрослых с детьми. В первую июльскую эвакуацию жена наотрез отказалась эвакуироваться, а когда, наконец, согласилась, то было почти поздно из-за полного окружения Ленинграда. Совершенно случайно мне удалось отправить семью 23 августа с эшелонам железнодорожников, эвакуировавшихся до Омска.

С первого августа начались занятия на факультете, но сказать, чтобы они протекали нормально, нельзя. Налеты авиации противника по несколько раз в день загоняли весь факультет в бомбоубежище на несколько часов. Конечно, в такой обстановке трудно было заниматься, трудно выполнять учебный план. В период с июня по октябрь на факультете было произведено два выпуска инженеров: один — нормальный с выполнением дипломного проекта, а другой — ускоренный с государственным экзаменом.

Во время каждой дневной тревоги я в противовес другим поднимался в свой кабинет на третий этаж и оттуда наблюдал за полетами вражеской авиации. Профессор Тидеман и некоторые другие были частыми посетителями моего кабинета во время налетов, и с легкой руки Тидемана мой кабинет был прозван «Волкоубежищем».

Восьмого сентября в очередной массовый налет вражеской авиации подверглись бомбардировке продовольственные склады имени А.Е. Бадаева, при этом сгорело много продовольствия. Все небо от моего дома по направлению к Варшавскому вокзалу было затянуто густой, темной массой дыма. Вскоре норму хлеба сократили до 400 гр., а затем до 250 гр. — для рабочей категории и для служащих — до 125 гр.

В конце сентября начались ночные налеты вражеской авиации. Налеты продолжались почти три месяца непрерывно, причем каждый вечер около 22—23 часов. Часто эти налеты совершались по два-три и четыре раза в ночь. Начинаясь с того, что вдали мелькали разрывы зениток, затем эти разрывы становились слышными все яснее и яснее, и, наконец, становился слышным рокот самолетов. Небо покрывалось десятками лент света от прожекторов. Самолеты приближались, гул нарастал, зенитки все чаще и громче стреляли, и вот слышен характерный свист авиабомбы, а вслед за этим потрясающий взрыв, второй и третий...

Часто авиабомбам фугасного действия предшествовали зажигательные бомбы, и тогда отдельные участки города озарялись светом, как днем. Вслед за зажигательными бомбами сбрасывались обычно фугасные. И так продолжалось почти каждую ночь. Население, в особенности женщины и дети, спасались в бомбоубежищах, а взрослое население дежурило на чердаках или у ворот дома.

16 января 1942 года

Разбудил марш по радио и... собачий холод в комнате. Оделся в зимнее, а поверх него в летнее обмундирование. Кроме того, в фуфайку ватную и на голову — финку. Растопив буржуйку и согрев жестяную кружку кипятку, заварил черный кофе. Одновременно поджарил 100 гр. хлеба и, позавтракав, отправился пешком на факультет. Трамвай уже около месяца не ходят. Около педагогического факультета имени А.И. Герцена лежит труп мужчины. Очевидно, от голода умер. Хоронить некому и не в чем — вот и вынесли на улицу. Около Промакадемии на пл. Воровского (ныне Исаакиевская площадь) в таком же виде — женщина, ближе к Мариинскому театру — снова мужчина.

На факультете получил тарелку супа — вода плюс 20 гр. пшена. Лекция по теории горения проходила в проходной комнате с одним полузакрытым окном. Тут же на нарах лежат обессиленные от голода три слушателя и один вернувшийся с фронта, только что окончивший факультет Д.Т. Попов. У него обморожены ноги, и лекпом Н.А. Семакин делает ему перевязку.

После двухчасовой лекции два часа перерыв, в который сходил на почту и послал

заказное письмо в ВКВШ (Всесоюзный комитет по делам высшей школы) г. Томск. Плохо верится, что письмо дойдет по назначению, а между тем это ходатайство дирекции ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт) о присуждении мне ученого звания доцента.

В четыре часа обед — тот же суп и неполное блюдечко пшенной каши. После обеда ждал два часа кладовщика для того, чтобы получить сухой паек на 15, 16 и 17 января. В эти дни я не преподаю и работаю дома над диссертацией. Получил 198 гр. пшена, 39 гр. соли и 120 гр. мяса — все это на три дня.

Домой шел с преподавателем Г.А. Чигринским. Он опух и чувствует себя неважно. Дома сварил около 100 гр. конины, которую мне поднесли мои ученики Янковой и Гаврилов. Это конина с 1-го января и до сего времени меня поддерживает. Может быть, благодаря ей я не опух еще и двигаюсь. Буду стараться достать еще конины, хотя это теперь почти невозможно. Купить, но килограмм конины оценивается в несколько сот рублей, как и килограмм хлеба — триста-четыреста рублей. У меня таких денег нет. Да это и не выход из положения.

Ленинградцы

ГЛАВА I. Блокадные дневники

17 января 1942 года

С трудом расколол и разрубил два метровых полена. Затопил буржуйку и сварил грибной суп. После завтрака обошел все полки буфета с очередным обыском и обнаружил три маленьких кусочка от ржаного сухаря и несколько крупинок овсянки. И то — продукт, теперь все пойдет впрок.

Работал до трех часов над чертежом в перчатках, так как температура +4 градуса. Затем разогрел тарелку супу и, пообедав, снова работал до 5 часов.

После этого отправился в УПО, так как вызвал бывший мой начальник. Путь дальний (около шести км) и тяжелый для меня, ослабшего. Шел не столько потому, что вызывали, а потому, что нужно было

воспользоваться кое-какими материалами для диссертации. На старой службе в пятом отделе УПО встретили хорошо. Начальник просил вернуться обратно, обещал блага. Тут моя жизнь, перспектива быть доктором технических наук и, главное, написать замечательный курс пожарных машин.

Возвращаясь, думал о возможной эвакуации ФИПО. Как это было бы хорошо. Говорят, что из Ленинграда ехать на поезде до Ладожского озера, а затем сорок км пешком по восстановленной уже около Тихвина станции. Но эвакуация пока в проекте, а я размечтался уже.

Завтра еду доставать дрова из Фонтанки около завода «Марти». Пилить будем в паре с П. М. Брауном.

18 января 1942 года. Воскресенье

В 9 часов с двумя саночками вышел на улицу и кратчайшим путем стал добираться до ФИПО. На факультете узнал радостную весть — нам дадут фронтовой паек. Его размеры в точности не известны, однако хлеба положено 500 гр. в день. Ведь это же целое состояние, можно от радости с ума сойти. Пошел в каптерку и получил 500 гр. хлеба

да не блокадного, а настоящего ржаного. С радости съел около 150 гр. с солью и горчицей.

Дрова пилили и таскали изо льда с подъемом, однако Браун сдал, он очень плохо выглядит, опух и постарел.

Нагрузил на спаренные санки до кубометра дров. Вез с большим трудом, до двадцати раз отдыхал.

6 февраля 1942 года

Более двух недель произошел перерыв в дневнике. Попытаюсь коротко изобразить события, которые произошли со мной в этот период.

Придя на лекции, я почувствовал недомогание в желудке, однако день провел. К вечеру вместе со слушателями отправился в баню, что около Кировской площади. Мылись в парильне, так как в банном помещении адский холод. Желудочные боли все усиливались. После бани я уже с большим трудом передвигался, помог дойти до факультета слушатель четвертого курса Лисица. Ночь провел плохо, рези в желудке продолжались всю ночь. Утром перевели

во вновь организованный стационар санчасти ФИПО. Appetit пропал, перевелся с котлового довольствия на сухой паек, и получаемые продукты сохранял (благодаря любезности доктора К. И. Трухина). Болезнь протекала тяжело, изнуряюще. Побаивался за дальнейшую жизнь и я, и доктор за меня. Добряк принимал все меры к моему выздоровлению. Наконец, у меня появился аппетит. Сэкономленные продукты помогли мне подняться с кровати и начать ходить. Однако с 29 января нас сняли с фронтowego пайка и перевели на прежнюю норму, а с нее не поправиться. При мне в стационаре скончались ассистент Г. А. Чигринский

и слушатели второго курса Горбачев и Гриневич — все от истощения на почве голода.

Второго февраля с помощью слушателя А. И. Гаврилова отправился домой. Имел в виду остаться дома, но в дороге настолько ослаб, что оставаться в таком виде дома рискованно. Температура в комнате один градус тепла.

Говорят, что ФИПО эвакуируют в Свердловск или в Ташкент в ближайшие дни. В этом я вижу свое спасение, и всеми силами стремлюсь эвакуироваться.

Умер от истощения Б. Г. Тидеман. Перед своей собственной болезнью, то есть за десять дней до смерти Бориса Генриховича, я был у него. Старик уже представлял собой не только кандидата химических наук, но и, безусловно,

кандидата в покойники. Он физически и морально был готов к этому, и я с тяжелым чувством уходил от него, сознавая, что моего близкого коллегу и друга уже больше не увижу никогда. В этот период умерли ряд частных преподавателей ФИПО и штатных ЛИСИ. В числе их профессор Осипов, профессор Аме, доцент Дутов. Несколько ранее умер профессор Павлюк и многие другие.

По дороге из дома обратно в санчасть ФИПО встретил вдову Бабошину. Ее муж погиб в бою с немцами на «Невском пятачке»; выразил ей соболезнование по поводу тяжелой утраты. Я просил начальство устроить ее кем-либо на ФИПО с тем, чтобы эвакуироваться затем.

Занятия я посещаю исправно, а после занятий опускаюсь в санчасть и ложусь.

7 февраля 1942 года

На днях получил указание подготовиться по своей кафедре к эвакуации. Иду работать. Неожиданно выяснилось, что на первом курсе нужно заменить не явившегося педагога-физика, что я и сделал.

Теперь я кроме машин и аппаратов пожаротушения и деталей машин взялся читать теоретическую механику на первом и втором курсах.

9 февраля 1942 года

Проснулся рано, согрел воды и постирал белье и полотенце. Сам кое-как вымылся и получил полное удовлетворение. Утром еле пришел в палату Петр

Мартынович Браун. У него признаки аппендицита, был приступ. Его положили рядом со мной.

10 февраля 1942 года

Написал на Б. Г. Тидемана некролог в стенгазету. Прочитал его П. М. Брауну, он остался доволен. Утром зашел Г. Е. Селицкий.

Днем было шесть часов лекций. Второй курс — сорок девять человек, присутствовало на лекции десять, остальные лежат, ослабли окончательно. Грустная картина: слушатели не могут подняться из столовой на третьем этаже в спальню. Кстати, занятия проходят тут же в спальнях, слушатели сидят на койках, грязь. Слушатели не мрут неделями, опустелись.

Г. Е. Селицкий

ГЛАВА I. Блокадные дневники

11 февраля 1942 года

Вчера вечером долго не спал, обсуждал с Брауном вопрос о преобразовании факультета в институт в связи с его эвакуацией и, как следствие — отделение от ЛИСИ. Между прочим, намечается создание факультета моторизации пожарной охраны, в котором мне предстоит работать. Моя кафедра разделится на две и за мной останется кафедра пожарных машин, по которой я пишу учебник в качестве докторской диссертации.

Сегодня сводка сообщила, что хлеба прибавили населению: рабочим 500 гр., служащим — 400 гр. и иждивенцам — 300 гр. Это неплохо, но поздно для многих ленинградцев.

Днем состоялось совещание по вопросу об эвакуации и в связи с этим преобразовании факультета в институт. Браун докладывал, после чего прения развернулись и продолжались долго. Решил после занятий отправиться домой и упаковать вещи.

12 февраля 1942 года

Читал лекцию, занимался дополнительно с дочкой Брауна, она уже поступила на первый курс, правда, с опозданием, так вот я ее подгоняю до уровня группы. После этого намечал дисциплины моей

кафедры в предполагаемом институте, до конца не наметил, отложил на завтра.

Я месяцами не хожу в баню, не меняю белье, потому что нет бань, нет воды, нет мыла и тепла достаточно.

13 февраля 1942 года

Вчера перед сном разговаривал с находившимися в палате слушателями насчет норм поведения культурного человека и, кажется, говорил убедительно. Браун поддерживал. В такое тяжелое время такой разговор поднимает дух слушателей на борьбу с трудностями и лишениями, а их хоть отбавляй сейчас. Первые два часа занятий не состоялись, так как, поднявшись на третий этаж, я почувствовал, что сердце зашало. Пришлось опуститься в санчасть и отлежаться. Мой добрый доктор дал мне выпить какого-то «комволярия» (???), и я через полтора часа снова пошел на занятия и провел их успешно.

Завтра будет совещание в горкоме о положении ФИПО. Нужно обязательно выступить Брауну, а он как раз заболел.

Вечером опять были разговоры с Брауном и Селицким об институте. Я дал Брауну совет в отношении использования здания пожарного техникума под институт. Он свой доклад дополняет, усиливая именно этот элемент его. После составил проект распределения учебных часов по факультету механизации и моторизации, который понравился всем нам.

Днем посещали ФИПО секретари райкомов, а затем заместитель начальника УНКВД на предмет обследования. Разговоры велись об улучшении питания и об эвакуации.

Рядом со мной лежит слушатель третьего курса Иванов. Он уже на отлете, и его часы сочтены. Его организм настолько истощал, что бороться не в состоянии. Я еще герой и, по-видимому, курорт мне помог летом.

14 февраля 1942 года

Проснулся рано, а Петр Мартынович уже пишет, все обсасывает доклад. У него к работе моя хватка. Он мне нравится — цельная натура и умница. Противоположность

ему Л. М. Эпштейн и Г. Е. Селицкий. Днем писал перечень оборудования для лаборатории пожарных машин и кабинета автодела. У Брауна с докладом не вышло.

15 февраля 1942 года

Обстановка на ФИПО создалась туманная, бесперспективная. Будущее тревожит. Петр Мартынович пошел к начальнику выяснять обстановку, позже узнаю. Г.Е. Селицкий нервничает и хочет уходить. Он недоволен кафедрой тактики, и ему импонирует больше

кафедра машин и аппаратов пожаротушения, которую я занимаю и, конечно, не собираюсь уступать. Кроме того, слушатели его лекциями также не ахти довольны — не научны, не технические. Вот причины его неуровности и желания уйти из ФИПО.

24 февраля 1942 года

Перерыв произошел в связи с переселением из санчасти домой и болезнью. Вчера был на работе и выяснил две вещи: во-первых, дали тыловой паек — это

600 гр. хлеба, 240 гр. крупяных изделий, 125 гр. мяса, 50 гр. жиров, 35 гр. сахара; во-вторых, ожидается эвакуация ФИПО совместно с ЛИСИ в г. Грозный.

4 марта 1942 года

Большая нагрузка учебная, поэтому не было времени писать. Завтра выходной, поэтому готовиться к занятиям не нужно. Хожу в валенках, в двух брках, в двух гимнастерках, под шинелью ватника реглан

пришит, шапка-ушанка, шерстяные перчатки, а поверх — меховые кожаные. Тем не менее, все равно холодно, мороз по коже пробивает. А ведь раньше я на холод не реагировал почти.

5 марта 1942 года

В конце месяца зачетная сессия, и я занят по 8—10 часов в день. Утомляет ходьба, сил нет, на одних костях и коже трудно ходить, а мускулов нет. В своем приказе к годовщине Красной Армии И.В. Сталин сказал, что скоро немцев отгонят от Ленинграда, я этому верю и полагаю, что

И.В. слова даром не тратит. По-моему, в течение марта должны произойти желательные для нас, ленинградцев, события, и мы будем иметь сообщение с внешним миром. Иначе еще добрая половина из оставшейся половины жителей уйдет к праотцам.

7 марта 1942 года

Сегодня на Невском несколько сот домохозяек убирают лед и снег и очищают трамвайные пути. Говорят, на днях пойдет трамвай. Вот бы пошел по Садовой до завода имени «Марти», как было бы

хорошо. Получил сегодня четверть литра керосина по карточке. Это первая выдача за последние три месяца. Как надоела коптилка, как хочется настоящего света, электрического.

9 марта 1942 года

Восемь часов занятий провел удовлетворительно. После занятий с К.А. Калашниковым отправился домой. В это время немец усиленно обстреливал через наши

головы Васильевский остров. Наша дальноточная отвечала, и тоже снаряды с воем через наши головы неслись в сторону Лигова и Красного Села, занятых немцами.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

Ленинградцы очищают город от наледей

Семья Калашникова только сегодня эвакуировалась из Ленинграда. Она да и он сам еле двигались — до того истощали.

Кстати, Калашников был у меня лаборантом на кафедре.

10 марта 1942 года

Провел шесть часов занятий вместо восьми, так как первые два часа сорвались из-за наряда слушателей на работы. Начинается

уборка двора и улицы около здания ФИПО от нечистот. Приближается теплое время, и могут быть эпидемии.

11 марта 1942 года

Идя на службу, захватил саночки, имея в виду привезти дров. Сегодня особенный похоронный день: десятка два-три трупов везли на саночках в разных направлениях и позах. Я шел по Садовой и, подходя к Никольскому рынку, был свидетелем, как молодой парень лет восемнадцати покачнулся и упал. Мне с женщиной пришлось его поднимать. Но пользы от этого было мало — он не мог стоять на ногах и сел. Очевидно, он потом ляжет с тем, чтобы уже больше не встать. Это было видно по его лицу и фигуре.

На заборе видны майские и июньские театральные афиши, зазывающие в Маринку, Александринку, Михайловский, Музкомедию

и другие прекрасные заведения. Все это было так давно. Сейчас это трудно себе представить. Из театров остался один — Музкомедия, которая дает спектакли в Александринке. Отопления, конечно, нет, все сидят в пальто, валенках, рукавицах и шапках и при всем этом мерзнут. Бедные артисты, которым приходится по ходу пьесы быть в декольте, я им не завидую, мне за них холодно. Из кино (кинотеатров) остался на январь, февраль — один, а с марта открылось еще два.

На обратном пути из ФИПО был свидетелем горя одной гражданки, у которой украли хлебную карточку в булочной. Это

Перед входом в театр в блокадном Ленинграде

У входа в Большой зал Филармонии

действительно горе, подобное смерти. Жить двадцать дней без хлеба — это заведомо умереть. Есть, над чем поплакать. Придя домой, я привез на саночках полено дров. Наверх

затащили вместе с Алей. Она меня угостила студнем из столярного клея. Он теперь у ленинградцев в почете и в цене как продукт питания.

13 марта 1942 года

Вчера узнал, что 14 марта, то есть в субботу утром, возможно, ФИПО эвакуируют в Пятигорск. Сегодня занятий не было: все ждали решения об эвакуации, но так до вечера и не дождалось результатов, разошлись по домам. Вечером заходил инженер Гусев из НИИКХ (Научно-исследовательский институт коммунального хозяйства) и принес материалы для диссертации. С ним

от имени ФИПО я заключил договор. Материал для диссертации скопился хороший, но условия не позволяют работать. Когда они будут, я развернусь во всю ширь, я в это верю. Если эвакуируют, я материал беру с собой и там, в Пятигорске или Грозном, его обработаю обязательно. Эх, и книга будет, это я уже чувствую.

15 марта 1942 года

Из ФИПО пошел к Селицкому на Петроградскую сторону. Он обещал материал по паровым насосам. У Селицкого было тепло, отдохнул, поговорил обо всем. Он конфиденциально сообщил, что начальник ФИПО Эпштейн, очевидно, будет заменен С. Г. Голубевым, к нему комиссаром — И. В. Федосеев, а факультет преобразован

в Высшее пожарно-техническое училище и будет существовать самостоятельно без ЛИСИ. Эвакуация отменяется, и ФИПО будет переведен в здание Пожарного техникума. Все это сообщение Селицкого пока что еще не официальное и не обязательно осуществлено будет.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

21 марта 1942 года

Вчера занятия на факультете не состоялись, так как все готовится к эвакуации. Поставлено условие очистить ФИПО от всяческой грязи, которой накопилось очень много. Сегодня в саночках привез в ФИПО необходимые книги и материалы

диссертации. Сдал их слушателям Гаврилову и Байбуз, которые предполагаются аспирантами после окончания факультета. Я поручил им этот материал доставить в Пятигорск в целости и сохранности.

24-31 марта 1942 года

На факультете неожиданно объявили, чтобы 25 марта к 11 часам принесли карточки продуктовые и промтоварные и получили эвакуационные удостоверения. В 4 часа 25 марта я возвращался домой со всеми эвакуационными документами и частью продуктов в дорогу. Всю ночь не спал, готовил вещи. Утром с двумя саночками отправился к Финляндскому вокзалу. Одни саночки часто опрокидывались, что причиняло много хлопот. Однако довез. Слушатели помогли вещи везти на платформу. Получил на вокзале хлеб и кашу с сарделькой и ждал посадки до 10 часов вечера.

Меня назначили старшим вагона, я, поручив вещи опеке Калашникова, отправился к исполнению своих обязанностей при посадке. В мое отсутствие саквояж с продуктами украли.

Ехали до Ладожского озера (ст. Борисова Грива) больше суток, часто стояли. Там погрузились с большими трудами на грузовики и быстро переехали озеро. В 2 часа ночи были по другую сторону озера в деревне Лаврово. Там получили отличный обед.

Днем погрузились в поезд. В товарный вагон набилось шестьдесят девять человек, сидеть негде совершенно. Я, как

Дорога Жизни

старшина вагона, занял с П. Г. Демидовым место на нарах относительно неплохое.

На другой день 29 марта были в Волховстрое, где был первый питательный пункт. После Волховстроя потянулись еще медленнее. Через двое с половиной суток подъезжали к станции Бабаево — второй питательный пункт. Эти двое с половиной суток голодали. На всех разъездах

пытался менять вещи на продукты (совместно с Демидовым). Наконец, удалось выменять 200 гр. сухарей, 150 гр. сахару на мой старый ремень и 400 гр. клюквы на коробок спичек Демидова.

По дороге умер доцент Леонтьевский от голода, жена в горе, едет дальше к его родным, а его сняли на Волховстрое и увезли.

1 апреля 1942 года

Стояли в Бабаево пять часов, а затем поехали дальше. Утром пробовал менять вещи, но все не удавалось. Демидов пошел с моим и своим барахлом в соседнюю деревню (1 км), но там столько желающих сменить набралось, что он не мог ничего сделать; он пошел далее еще за 2 км.

В это время поезд ушел, и он остался. Результат: идти пешком до Череповца около тридцати километров, хорошо, если еще выменяет что-либо, а, может быть, и нет. Возможно, он с каким-либо эшелоном догонит нас, что вполне вероятно, во всяком случае, встретимся мы с ним не позже, чем в Череповце, где предполагаем быть ночью.

Познакомился с соседями по вагону, есть хорошие люди, но все голодные, как волки, все опустились, одичали. Вместе со мной едет Матвей Владимирович Позднеев, он также опустился, одичал,

отощал и стал на себя непохожим. Сегодня менял шинель, давали... два кило хлеба, не решился на это, подожду еще денек, говорят, за Череповцом немного будет лучше с обменом. Думаю, что Демидов что-либо выменяет еще и догонит в Череповце.

Но вот остановка, и в дверях вагона через полчаса появляется Демидов П. Г. Я несказанно рад, что он здесь. Однако жаль, что ему пришлось более пятнадцати километров идти пешком. Бедняга устал и весь мокрый от пота. Однако мы вознаграждены, он выменял 6 фунтов (1 фунт=450 гр.) хлеба и несколько десятков картошки — самой настоящей картошки. Это достижение. Картошку я не ел не менее восьми месяцев. Побегал срочно за снегом, дважды упал от бессилия, снегу все же набрал. Сварили пустую картофельную похлебку. Блаженство.

16 апреля 1942 года

Проехали Вологду, Данилов, Ярославль, Александров, Грязи и вот уже миновали Сталинград. У Сталинграда и далее снега нет, поля кое-где показывают зелень, а озимые хлеба определенно зеленые. Поют весело жаворонки, хотя еще сравнительно холодно.

Говорят, что максимум через неделю будем в Пятигорске. Осталось пять питательных пунктов — следующий г. Сальск.

Подшел Матвей Владимирович, разговорились о семье. Он считает, что единственная возможность поправить свое здоровье — это быть вместе со своей

семьей. Я с ним согласен. Однако в настоящее время осуществить это невозможно, так как пассажирского движения почти нет. Передвигаются лишь воинские и товарные поезда, да еще поезда с эвакуированными.

Только сейчас, 16 апреля, вспомнил о том, что 11 апреля был именинником и что мне пошел сорок первый год от роду. Вот и мне стукнуло сорок лет. Как-то не верится, что уже на пятый десяток пошло, все кажется, что мне не более двадцати пяти лет.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

17 апреля 1942 года

В 2 часа отъехали от Тихорецкой, а в 16 часов были в Армавире. Начиная со Сталинграда, идем со скоростью хорошего пассажирского поезда. К вечеру будем на станции Минеральные воды. Там предполагается баня, и 18 апреля обещают доставить в Пятигорск.

Перед Армавиром на наш эшелон совершил налет самолет, сбросил бомбы и обстрелял эшелон пулеметом. Эшелон остановился, пассажиры бросились враспынную в кусты. Разбито два вагона и то с боку. О жертвах не знаю.

18 апреля 1942 года

Сегодня проехали Пятигорск и прибыли в Ессентуки. Оказывается, нас не в Пятигорск, а в Ессентуки направляют. Погода стоит дождливая, холодная, деревья еще не распустились.

Нас разместили в здании школы. Спали на собственных вещах. Так будет дня три-четыре, прежде чем пройдем

санобработку и будем размещены по квартирам. За шесть месяцев впервые увидел на улице пьяных, парочку влюбленных и наблюдал, как плакали казачки, отправляя на фронт мужей. Всего этого в Ленинграде нельзя наблюдать. Там нет пьяных, нет влюбленных, а провожая в армию, радуются, так как провожаемый будет сыт.

20 апреля 1942 года

К вечеру прошел санпропускник, дезинфекцию и нашли с Демидовым комнатушку 9 кв.м. Вечером перевезли вещи

и устроились спать по-человечески в тепле и чистоте.

26 апреля 1942 года

Жизнь потекла монотонно. Со вторника (28 апреля) иду работать в ближайший колхоз. Там подкармлиюсь и заработаю кое-что продуктами. Здоровье

поправляется. Дистрофия и цинга исчезают, но колит не проходит, не знаю, как от него избавиться.

5 мая 1942 года

Теперь работаю в колхозе имени Тельмана. Сажаю картофель, жгу кукурузник, разбрасываю навоз, собираю соргу (*травянистое растение семейства злаковых*). Почувствовал сразу резкое улучшение

здоровья. Недомогание как рукой сняло, желудок поправился. В день иногда прохожу пешком до двадцати километров и хоть бы что.

12 мая 1942 года

На моих глазах все преподаватели и слушатели ФИПО быстро поправились и пришли в нормальное состояние, куда девался мертвенно бледный цвет лица, худоба и медлительность в движениях. Все это

позади уже осталось. За диссертацию не берусь, решил май и июнь быть на воздухе в колхозе, работать физически и отдыхать.

29 мая 1942 года

28 мая узнал о присвоении мне военинженера второго ранга, о чем телеграфировал жене. Все поздравляли. Судьба ФИПО пока

еще в воздухе висит, а слушателям предложено работать в колхозах в обязательном порядке. То же предложено и педагогам.

15 июня 1942 года

12 июня окончил работу в колхозе, так как с 8 июня начались занятия с четвертым курсом (выпускным) ФИПО, где я имею четыре часа в неделю, да консультаций два часа. С 20 июня буду иметь еще четыре часа в шестидневку на третьем курсе.

Заработал в колхозе сорок пять трудодней. Нас в колхозе ценили и неохота расставались. Но надо приниматься

за основную работу. Потихоньку уже работаю над книгой.

Приехал мой аспирант Миша Алексеев, я рад тому. Он заезжал в Москву по пути из Свердловска. Наше положение еще не выяснено. Начальник ФИПО 16 июня едет в Москву, после его возвращения положение будет яснее.

2 августа 1942 года

Дневник совсем забросил, так как жизнь шла сравнительно монотонно. Шли усиленные занятия и экзамены на третьем и четвертом курсах. Петр Георгиевич уехал за семьей в Сызрань, его все еще нет, да вряд ли он скоро и будет. Во всяком случае, в Ессентуках его, вероятно,

не увижу, так как все пути сообщения с Кавказом перерезаны. В городе тревожное настроение. Немцы в двухстах километрах от нас, да, к тому же, и тыл не безопасен. Сейчас 8 часов вечера, пришли два слушателя сдавать прикладную механику.

4 августа 1942 года

В 6 часов вечера объявлена эвакуация Ессентуков. Нам объявили, что ночью пешком отправляемся на Нальчик. Срочно пошел на квартиру, собрал вещи и принес

в пожарную команду, где назначен сбор. Отправились только в 6 часов утра. Ночь почти не спал.

5 и 6 августа 1942 года

Прошел четыре километра, устал до предела, тяжело, веревки режут плечи. Отдохнул, снова пошел, но на этот раз в качестве лямок заплечного мешка использовал полотенце. Резать перестало, но тяжесть не уменьшилась. На счастье слушатель поймал лошадь из табуна, который угонялся от фронта. Погрузили вещи на лошадь. Стала она выглядеть как ишак, я взял ее под узду, а последнюю сделал из бинта. Получилось комично, но легко идти. Так шел целый день. Жарко. Идем по долине то вверх,

то вниз, хочется пить, пить и пить. К вечеру добрался до села. Ночевал у украинца, принял хорошо, лошадь и меня накормил. Спал как убитый. Утром тронулся дальше. Далеко обогнал основное ядро ФИПО. Расположился отдыхать у кукурузного поля, лошадь покормить. Наскочили несколько человек и отобрали лошадь. Потация барахло на себе. Через три километра станица Зольская. Остановились отдыхать и ждать своих. Так до вечера и не дождался.

ГЛАВА I. Блокадные дневники

7 августа 1942 года

Наших все еще нет. Они ехали на волах. Те в ночь разбежались, и они в соседнем селе сидят. Ждал до двух часов дня, но не дождался. Вещи отдал слушателю, он пристроился к какому-то возу, едущему в Нальчик. По дороге десятки тысяч людей, лошадей, коров, овец, тракторов,

автомобилей, раненых и здоровых красноармейцев. Пыль столбом. Жуткая картина. Ребятишки плачут. Такое я вижу впервые.

Движемся втроем: я, Зенкин, Пчелинцев. Добрались до селения Малка и, так как мы выдвинулись впереди наших, решили переночевать.

10 августа 1942 года

8 августа в селе Баксан встретились с основной группой факультета, а 10 августа рано утром прибыли в Нальчик. В Нальчике поехали к наркому внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР. Пообещал в два часа посадить в поезд и сдержал

свое слово. Я сел в поезд неплохо, имею место для сиденья у окна. Есть сведения, что Демидов приехал после нашей эвакуации в Эссентуки за вещами. Не знаю, как он выберется оттуда. Семью он перевез в Махачкалу. Зачем?

12 августа 1942 года

Едем между станциями Беслан и Грозный. Из фронтовой полосы, по-видимому, выбрались благополучно. В Беслане несколько наших ребят взяли как дезертиров, пришлось

мне выручать. Вчера нас нагнал Эпштейн, он до Эссентуков не добрался, а его семья осталась там, он злой. Сообщил, что поедем до Баку, а затем, возможно, в Барнаул.

13 августа 1942 года

Проехали утром Грозный, а затем Гудермес и, таким образом, выехали на основную линию. В Гудермесе нас догнал П. Г. Демидов. Он после нашего отъезда

в Эссентуки пробрался туда и с группой слушателей и членами их семей едет в товарном составе.

15 августа 1942 года

В 4 часа утра участвовал в тушении пожара. Горели два вагона с бочками, наполненными горючей жидкостью для поджога

танков. Один вагон отстояли, а другой сгорел со взрывами.

18 августа 1942 года

Приехали утром рано 17 августа на станцию Баладжары и стоим здесь уже вторые сутки. Баку забито эвакуированными. Начальство уехало в город и еще не возвратилось. В Баку я не хочу оставаться,

хотя и возможен такой вариант. Семьи некоторых сотрудников остались в Эссентуках у немцев, вот они-то и стоят за то, чтобы остаться в Баку.

21 августа 1942 года

20 августа вечером перевезли в порт и выгрузили для посадки на пароход, отправляющийся в Красноводек. Однако на пароход

не погрузили, а перевезли на машинах в один из отрядов промыслов, где помещены на полу одной из комнат.

23 августа 1942 года

Сегодня было партсобрание, где Эпштейна взяли в оборот. Участь ФИПО, очевидно, решена и его расформируют по отрядам, о чем местный нарком просил телеграфно

Наркома СССР. Все слушатели и педагоги возмущены, так как в этом повинен Эпштейн.

28 августа 1942 года

Пришла телеграмма. Остаемся в Баку, и должны будем заниматься, как это удастся — не знаю. Денег нет, полуголодное существование, вещей нет. Жара невыносимая.

Кругом нефть, песок, ни травинки, ни птицы, ни насекомых и вообще никакой живности. Одни лишь желонки (*трубы для бурения скважин*) день и ночь качаются и качают нефть.

11 сентября 1942 года

Все еще валяюсь в гараже, постелью служит макинтош, а подушкой — полевая сумка. Совсем по-спартански, вот только бока и голова болят от этой постели. Денег нет, зарплату еще не выдали. Наконец, вчера прикрепили к промышленной столовой, где получаю обед. Кроме того, выдали пропуск в столовую спецторга, куда сегодня также пойду.

За отъезд из Баку все еще идет борьба и, очевидно, закончится в пользу отъезда. Вчера уехали в Барнаул профессор Байдалин и доцент Зметный. Послал с Байдалиным

письмо и просил заехать к моей семье в Новосибирск. Вчера видел бывшего преподавателя ФИПО Плотницкого. Он из Ленинграда выехал в Баку в июле. Там все то же. Он сообщил, что умер от дистрофии М.Н. Васерман. Как-то не верится, что такой дуб свалился. Видел также и Селицкого, он от контузии головы не совсем здраво мыслит. ЛИСИ уже, наверное, подъезжает к Барнаулу — счастливики, я им завидую. Ну, будет и на нашей улице праздник, в конце концов.

18 сентября 1942 года

Поступила другая телеграмма из ГУПО, согласно которой явствует, что мы остаемся в Баку на усиление пожарной охраны. Сегодня слушатели расходятся по пожарным командам, а мы, педагоги, идем в Управление. В частности, я совместно с Алексеевым и Гордановым должны проектировать пожарные автомобили и, кроме того, преподавать на четвертом курсе, который будет выпущен через три месяца. Я заявил, чтобы мне предоставили

комнату, постельные принадлежности, стул и стол для работы. Обещали на днях предоставить.

Вчера наблюдали бой двух наших и двух немецких самолетов над нами. Окончилось тем, что немец ушел. Немцы в тридцати километрах от Грозного. Промыслы там взорваны, нефть течет по канавам, низким местам, улицам. В Баку все приготовлено для взрыва промыслов. Половина сква (*далее текст обрывается*).

ГЛАВА I. Блокадные дневники

24 сентября 1942 года

Третьего дня был совместно с другими педагогами у начальника УПО. Высказали ему все претензии, больше всех говорил я. Эпштейна разложили на обе лопатки, заставили признать, что он виновен во многих наших бедах.

Вчера были на приеме у заместителя начальника ГУПО Павлова. Он на мою просьбу об откомандировании в ЦНИИПО (Центральный научно-исследовательский институт противопожарной обороны) рекомендовал изучить машины

на практике. Когда я ему обстоятельно возразил, он сказал, что если нас существующие условия не устраивают, то он отправит в окопы. Я сказал, что нас фронтом не испугаешь. На этом аудиенция кончилась. Вечером же нам, пяти человекам, Эпштейн предложил переселиться в большую комнату, на что мы не согласились.

Сейчас с П. Г. Демидовым идем в город шукать частной преподавательской работы.

7 октября 1942 года

Преподавательской работы так и не нашел, а между тем, она весьма нужна, так как на днях в трамвае вытащили пятьсот пятьдесят рублей. Деньги из тех, что получил по перерасчету. На работу приходится ходить два с половиной километра туда и обратно, кроме того, ехать двумя трамваями.

На Баку дважды налетали самолеты, но с разведывательной целью. Зенитки нещадно палили две ночи. Население перепугалось, на нас же, ленинградцев, это никакого воздействия не произвело абсолютно. Работаю при УПО консультантом (кроме преподавания).

18 октября 1942 года

Осень в Баку начала ясно ощущаться. Начался листопад, ветры и иногда дожди, хотя незначительные. Получил матрац

травяной и такую же подушку, так что теперь сплю нормально. Вчера ощущал впервые землетрясение.

29 октября 1942 года

Жизнь течет сравнительно монотонно, читаю лекции, экзаменую, бегаю по столовым и каждый день отмеряю десятки

километров пешком и на трамваях, так как живу в конце города на нефтепромыслах.

3 ноября 1942 года

Первого ноября состоялось собрание педагогов, на котором был зам. нач. ГУПО Павлов. К собранию подготовились. Сначала выступил Эпштейн бесцветно, беспомощно, по-детски. От педагогов выступил я. Говорил резко и, говорят, удачно. Выступали и другие. У Павлова в результате совещания создано убеждение, что ФИПО надо эвакуировать за море и организовать по настоящему

занятия, о чем он по приезде в Москву доложит начальнику ГУПО. Будем ждать.

Начиная с 29 октября, заболел желтухой, чувствую себя скверно, стал желтый, худой, лежу в постели и полуголодаю. Если послезавтра не будет лучше, положат, видимо, в госпиталь...

16 июня 1941 года – 16 января 1942 года

ГЛАВА II
Чтобы помнили
Воспоминания

Мушкетеры, спаленные войной

Павел Владимирович
и Лидия Георгиевна Артамоновы

Начало Великой Отечественной войны застало нас с П.В. Артамоновым в Школе младшего начсостава при 20-й пожарной части, где начальником школы в тот период был Л.М. Ювонен – старый кадровый офицер пожарной охраны в ГПО и ВПО – работал с 1922 года.

20-я пожарная часть славилась и была кузницей подготовки старшего командного состава пожарной охраны, так как там находился Ленинградский пожарный техникум, откуда вышли крупные руководящие кадры пожарной охраны, такие, как Б.И. Кончаев, Г.М. Кулаков, Т.Г. Тарвид, В.Я. Мяло, С.Д. Черкасов,

Ф.Б. Зильбертштейн и много-много других прекрасных старослужащих патриотов пожарной охраны, которые проработали в пожарной охране очень длительный период времени и навсегда связали с ней свою жизнь. Из женщин помню Мартенс, которая также являлась студенткой ЛПТУ (Ленинградское пожарно-техническое училище).

20-ю пожарную часть я знала с пеленок. Как только научилась ходить, стала носить с мамой обеды отцу, который работал там с 1922 года стендерным, тогда трубником.

Помню и знаю многих, очень многих старых работников пожарной охраны. Помню похороны Лысак, бесстрашного

23 февраля 1943 года. Первый слева П.В. Артамонов

Чувства, опаленные войной

и отважного командира, о котором ходили легенды. Застала в живых Требезову, муж которой работал еще в дореволюционное время. Знала преподавателей В.И. Склауни, бывшего руководящего работника пожарной охраны, Браун и других.

Служба в пожарной охране в тот период времени была очень почетной. По старым пожарным обычаям в 1924 году в 20-й части крестили мою сестру, которой дали имя немецкой революционерки Клары Цеткин. Сестра с 1942 года по настоящее время работает диспетчером 10-й части.

20-я пожарная часть была для всей нашей семьи вторым домом, так как гардеробщицей в техникуме работала наша мама, и мы помогали ей во всем, убирать классы и прочее. Все дети, то есть все мои сестры, участвовали в самодеятельности, руководил которой и организовывал все Т.И. Чаевский. В самодеятельности участвовали его супруга О.Н. Барина, работница фин. отдела УПО, и его старенькая мама, был хор, были и постановки. Судьба в детстве нанесла сокрушительный удар нашей семье. В 1925 году умерла наша мама.

И 7 марта 1937 года меня отец со школьной скамьи через Союз пожарной охраны устроил делопроизводителем в 20-ю пожарную часть. В 1940 году я вышла замуж за пожарного работника П.В. Артамонова.

Начало Отечественной войны сказалось на внутренней жизни школы и курсов политсостава и части. Многие курсанты ушли тогда на фронт. Меня перевели телефонисткой в объектовую часть завода №212 «Электроприбор». П.В. Артамонов остался в 20-й пожарной части, где остались кадровые старослужащие, такие, как Е.М. Шиманович (в пожарной охране работал с 1916 г.), Матвеев Л.М. (в пожарной охране работал с 1910 г.), два брата Бацкевич, два брата Бигатовы, командир отделения Феокистов, Гасперович, (Шорфа), тт. Аустер, Арро, Мысливец, Дубинин, Папичкин, Чаевский. Все — старослужащие, в пожарной охране работали с 1917–1918 годов.

Начальниками караула были очень опытные тт. П.Е. Тарлецкий, Гриневич,

А.Ф. Бобов. Заместитель генерального директора — главный инженер В.П. Фомин. По профилактике был очень старый опытный работник Вилов Михаил Алексеевич. Ему были подчинены работники Госпожнадзора. Врач при 20-й части был Иван Антонович Акуленков, позже переведен в санитарный отдел УПО. Народ не менялся, все очень дорожили службой, понятия о некомплекте не было, да и проживали в большинстве своем рядом с 20-й частью. Пожарский дом, так его и именовали, и знали все. Семьи были все очень крепкие, старинные.

Зарплата была, по сравнению с тем, как сейчас платят, очень скромная. Делопроизводитель получала 126 рублей, в его обязанности входило оформление на работу через отдел кадров УПО, составление ведомостей на зарплату, оформление отпусков и прочее. Курсовой командир Артамонов П.В. получал 540 рублей. Но независимо от этого, службу все любили и дорожили местом. Народ был очень уважительный друг к другу. Очень любили и уважали начальников, людей, старше себя по возрасту. Дисциплина, скромность были в тот период особенно высокими. Жили одной большой дружной семьей.

Начальниками УПО были в то время С.С. Каляев, потом полковник Никитин, Сериков, зам. начальника УПО были Б.И. Кончаев и уже позже Г.М. Кулаков.

Не могли не запомниться братья-двойняшки, как капли воды похожие друг на друга, тт. Рик. Совсем молодыми были тогда еще В.В. Дехтерев, М.Н. Демьяненко, А.Я. Егоров, Г.Г. Тарвид, Зеликовский, Зуев, а тт. Баркан У.А. и Мегорского Б.В. я знала еще юношами, когда они оба учились в ФИПО и были студентами. Знала начальника тогда 5-й части т. Юскина. Замечательный старый пожарный работник.

Итак, придя на 212-й завод, в объектовую часть, телефонисткой, я проработала там очень мало, так как Т.М. Кулаков, назначенный в тот период начальником Петроградского РУПО, взял меня к себе на должность старшего инспектора по кадрам. Но, проработав сравнительно небольшой период времени на 212-м заводе, я имела счастье

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

познакомиться с одним из старейших работников пожарной охраны того времени В.И. Одинцовым, который проработал в пожарной охране свыше сорока лет, и имел уже довольно преклонный возраст. Это была очень культурная старинная семья. И сам В.И. Одинцов был лучшим старшим товарищем Максима Васильевича Кулакова, то есть папы Георгия Максимовича, одного из старейших пожарных работников ВПК завода «Красный треугольник». Он знал Г.М. Кулакова еще маленьким ребенком и ласково называл его Гошенька. Так как я выросла в пожарной семье и знала очень многих старых работников, видимо, поэтому он просил меня заходить к нему, когда он был уже болен и почти не мог выходить на работу. Жил он в квартире при заводе. Очень тепло и душевно он любил беседовать. Всех вспомнит. И сам много рассказывал. Ко мне относился, как родной отец. Очень жаль, что умер он от дистрофии и голода, и похоронен, по-видимому, в общих братских могилах.

Наше Петроградское РУПО было очень сильное по составу. Возглавлял РУПО любимый всем личным составом Г.М. Кулаков, молодой, с белокурыми вьющимися волосами, с доброй обаятельной улыбкой и таким же добрым сердцем ко всем нам, сотрудникам.

Заместителем начальника РУПО был Ф.Б. Зильберштейн. Какая умница, какая светлая голова. Начнет говорить, заслушаешься. Так красиво умел говорить и дело свое знал отлично. На работе и в районе наше начальство пользовалось большим авторитетом. Дисциплина личного состава в подразделениях была высокая.

Начальником отдела службы был П.П. Завьялов (уже позже он был начальником УПО в одной из областей Союза и имел воинское звание полковника). Это была отчаянная голова, озорной до предела. Все шутки, все легко и просто у него было. При самых серьезных ситуациях, падая вниз на пожаре, где обвалились перекрытия (пожар был очень серьезный), он слушал, падая, целы ли его часы.

В самом начале Отечественной войны к нам пришли с района А.И. Метлицкий, А.А. Баландин, Н.М. Быховец. Все они стали работать в Отделе Госпожнадзора Петроградского района. В Отделе Госпожнадзора работал В. Тункун, который трагически погиб при артобстреле района, убит осколками артснаряда. Инспектором службы был А.А. Мясин.

В эти тяжелые годы мы все уже находились на казарменном положении. Начальник части был И.А. Барановский. Там же работал тогда Г.Ф. Бодров.

И первые тяжелые сложные пожары черным густым дымом застилали небосвод Ленинграда. Это пожар на Бадаевских складах, где хранился для Ленинграда большой запас сахара. Черной грязной лентой он расстился вокруг по земле, которую позже копали и ели, собирая, как патоку. Пожар на 1-й ГЭС, крупный очень тяжелый пожар в порту. Очень тяжелый пожар на «Красном треугольнике». Так происходили тяжелые «боевые крещения» под бомбежкой, артиллерийскими снарядами, наших пожарных частей города Ленинграда, где работали очень мужественно, не жалея жизни, смотря прямо смерти в глаза, подчас голодные и обессиленные люди, наши родные пожарные. Так закалялись в огне и крепили, как сталь. Это была суровая школа. Много полегло в боевой схватке с огнем. А выжившие вышли из огня войны очень закаленными, с огромным опытом тушения пожаров в самых сложных боевых условиях.

Нашу комнату, которую нам дал, как самый дорогой подарок, при 20-й части Б.И. Кончаев, заняли под огневые амбразуры. П.В. Артамонов тоже был на казарменном положении.

Бесперывные бомбардировки ничто не пощадили, полностью разрушили и жилой дом рядом с 20-й частью, где с 1922 года прошло все детство, юность... Нас домой никого и не тянуло, так как голод и холод уже полностью вошли в быт жизни Ленинграда. Транспорт встал, вмерз в рельсы, а пешком ходить стало далеко и тяжело.

Вот в этот период под прямым обстрелом фабрики «Равенство», где

Замерзшие троллейбусы на улице Ленинграда

работали наши люди, привезли в 10-ю часть три истерзанных трупа. Как кадровик, я обязана была также выехать в 10-ю часть. Это было что-то, страшно вспомнить. Лежали без ног, рук тела. Командир отделения (фамилию сейчас не могу вспомнить) и другой товарищ. Один был замполит части Садовников. Офицер Обьедков после тяжелого ранения и контузии на данной фабрике уже не мог работать, и был уволен в запас. А пожары, они совсем не уменьшались, ежедневные, периодически тяжелые артобстрелы, бомбежки. Город как будто вымер. Людей стало значительно меньше, и все они от голода как будто мхом поросли. И пальто обязательно подпоясано кушаком, иначе оно болтается, как на палке. А сколько замерших обессиленных людей лежало прямо на улицах. И была какая-то тупость и боль от бессилия помочь людям. Морозы страшные, весь город скован льдом, голодом, нет света, горят коптилки, горят печурки-буржуйки по домам, где топят кто чем может. Мебель, книги и прочие ценные вещи сжигались в этих печурках. Пожарные рукава лежали вмерзши, не было воды, тушили снегом. Пожарные, особенно старослужащие товарищи, стали совсем ослабевать и падать, как

мухи, от голода и холода. Особенно тяжело было, когда три дня не работал хлебозавод и не получали пайки хлеба. Так, в 20-й ВПК была отведена комната, где приходилось укладывать умерших от голода товарищей. И все же, хотя изредка, я потихоньку ходила к П. В. Артамонову. Он стал опухать, особенно ноги. Сидит с бойцами в дежурном помещении, весь черный, копотный и опухший. И все же старался хоть крошечку выделить и мне, чего я никогда не забуду. В свою очередь, я также чего-нибудь отдавала от своего пайка и Павлу.

И был великий праздник, если где-нибудь падала лошадь, и доставалась для личного состава конина, варили всем коллективом и делили всем поровну.

Вернусь к нашей жизни в Петроградском РУПО. Пожары были тяжелые и жестокие. И вот в один из таких пожаров очень тяжело придавило грудную клетку начальнику отряда Георгию Максимовичу Кулакову, и он несколько дней лежал у себя в кабинете. Мы за ним все ухаживали. И к нему приходили родители. Папа М. В. Кулаков с супругой. Приезжал и Борис Иванович Кончаев, молодой, стремительный, красивый, которого также все горячо любили и знали как бесстрашного командира, не пропускающего ни одного

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

пожара. Он всюду появлялся внезапно, внося с собой особый задор и рвение к работе. Мы все очень гордились этой прекрасной дружбой нашего Г.М. Кулакова и Б.И. Кончаева.

Когда чуть-чуть стало легче, Г.М. Кулаков снова на ногах, снова выезды на пожары, снова работа в районе. Такой он всегда был быстрый, подвижный шустрик. О себе думал меньше всего.

Часто писал письма дочурке, супруге. Напишет и придет за клеем, наклеит на уголок картиночку. Мы с умилением и нежностью смотрели на этого необыкновенного человека с нежным прекрасным сердцем мужа, отца, командира.

На одном из пожаров нельзя не вспомнить о курьезном случае. Все тот же шутник П.П. Завьялов, падая с высоты обвалившегося здания, приложил руку с часами к уху, слушая, не встали ли часы. К счастью, он упал удачно, не повредив себе ничего. Но часто мы смеялись вместе с сотрудниками: «П.П., как ваши часы? Ходят или нет?» И он смеялся и шутил с нами. Молодость, возраст брали свое, и в тяжелое время мы не унывали, не падали духом и поддерживали друг друга. В коллективе были дружны друг с другом.

Федор Борисович Зильберштейн очень часто отрывал от себя часть пайка и посылал со мной своей маме и тете, которые жили на Фонтанке. Это были очень пожилые седые женщины. Они встречали меня, как дочь, и эту любовь ко мне пронесли позже через все годы. Такую же любовь я питала взаимно ко всей семье Зильберштейна и в последующие годы.

В один из артиллерийских налетов прямым попаданием артиллерийского снаряда, и не одного, а нескольких, было разбито здание пожарной части завода № 212. В результате оно почти полностью очутилось под открытым небом, и вся сигнализация была разбита. Блокадный обед для личного состава также был разбит вместе с плитой. Положение было исключительно тяжелым. Руководил тушением пожара Ф.Б. Зильберштейн. Несмотря на всю сложность обстановки, объект был сохранен, и для пожарной части объекта подобрали другое помещение.

С личным составом стало совсем тяжело. И вот в этот период, как кадровик района, я сидела в Петроградском райвоенкомате, и мы по повесткам РВК набирали для работы в пожарной охране свыше ста человек, обессилевших голодных молодых девушек. Оформляли даже по две сестры сразу. Попыревы, Шуваловы и другие. Это было ошутимое пополнение для пожарных частей. Набрал себе почти полностью, стали помогать Семену Семеновичу Воскобойникову, которому тоже дали большое пополнение, за что начальником УВД т. Шикторовым нам с Г.М. Кулаковым была объявлена благодарность и выдана денежная премия.

В 20-ю пожарную часть пришло много девушек-курсанток, и П.В. Артамонов стал у них курсовым командиром. И так 3 мая 1943 года на одном из тяжелейших пожаров на «Красном нефтянике» под обстрелом, где горела большая территория. Этот пожар описывать не буду, он полностью запечатлен на киноплёнке. П.В. Артамонов, работая на этом пожаре, не привез в часть, то есть в школу, пять человек, одному из которых, девушке-курсантке Буторовой, оторвало ногу. Тяжело ранены тт. Рогов, Прохоров, Маслов и другие. У Артамонова сгорели рукавицы на руках и, видя это, находившийся неподалеку Борис Иванович Кончаев снял свои рукавицы и отдал их Артамонову.

Помню, я была очевидцем пожара на Лиговской улице. Дом-утиг горел несколько дней. Тушить было нечем. Это было очень тягостное и тяжелое зрелище, то, как языки пламени обхватывали все здание, которое было каким-то пустующим. Людей в нем не было. 20-я пожарная часть работала там несколько дней.

Другой пожар был в Гостином Дворе в январе 1942 года, когда уже совсем не стало горючего. Диспетчер ЦППС дал указание выйти пешим строем, взять с собой ломовой инструмент, лестницу палку и гидропульт костыль. Пока дошли до места пожара, два отдыхали. Проработать пришлось с двух часов ночи до пяти часов вечера, а после

Чувства, опаленные войной

пожара опять пешком в 20-ю пожарную часть. Пожар был очень большой. Руководили тушением пожара В. И. Кончаев, Т. Г. Тарвид, Б. Корпиченко. П. В. Артамонов работал там со своим караулом по вскрытию кровли.

В марте 1942 года личный состав 20-й части на хлебозаводе качал воду для того, чтобы не остановился завод и могли выпекать хлеб для города. В этот период на углу Транспортного и Лиговской улицы загорелся четырехэтажный жилой дом. И тогда секретарь Фрунзенского РК КПСС, начальник УПО полковник Сериков, дежурный по городу т. Мялло В. Я. дали указание работу по откачке воды на хлебозавод не прекращать, чтобы не оставить город без хлеба, а вызвать дополнительные силы на пожар, что и было сделано.

9 мая 1943 года после вражеского налета была сброшена бомба — Невский, 174. Здание было разрушено. В одном крыле были люди, которых надо было спасать по выдвижной лестнице. На данном пожаре руководили тт. Тарвид Г. Г., Молдал Б. И., Каляев С. В.

П. В. Артамонов работал со своим караулом: командиром отделения П. В. Доровских, Горецким, Серебряковым и другими. Спасли четырех человек. И только сняли людей, вся стена обрушилась, завалив пожарную трехколенную лестницу (данный момент пожара зафиксирован на киноплёнку).

В 1942 году горел Дом Сказки на Лермонтовском проспекте. Тушили снегом. Условия тушения были крайне тяжелыми. Руководили пожаром Ф. К. Егоркин, зам. начальника Школы среднего начсостава Олялин, дежурный по городу Иванов Сергей. П. В. Артамонов работал с караулом. После работы на этом пожаре с 3 часов ночи до 6 часов вечера у П. В. умер курсант Лебедев от переутомления и голода.

6 ноября 1941 года был тяжелый пожар на Боровой ул., д. 26, где бомба разрушила дом и обвалилась стена. При обрушении стены погибло много людей, из которых начальник 5-й части т. Ракович и шесть человек курсантов из 20-й части. Работало там очень много

народа. П. В. Артамонов со своим караулом пришел уже утром на смену личному составу, где проработали по раскопке и проливке целый день.

И много других было не менее сложных и тяжелых пожаров.

Хочется отметить один эпизод из службы П. В. Артамонова. Когда был дан приказ начальника УВД по борьбе с хулиганством и было введено патрулирование, П. В. Артамоновым был выслежен в Клубе железнодорожников на Тамбовской улице особо опасный хулиган-убийца, который был сдан в 11-е отделение милиции гор. Ленинграда, за что приказом начальника УВД Шикторова Артамонову была объявлена благодарность и выдана денежная премия.

Нельзя забыть и того, что личный состав подразделений пожарной охраны гор. Ленинграда посылался на различные участки работы. Так, например, при разминировании участка была оторвана рука у пожарного Московского РУПО т. Сапуновой Нины, и она осталась инвалидом.

Я не буду останавливаться на последующих годах, так как судьба свела меня по работе очень со многими старейшими работниками пожарной охраны и воспоминаний о них привести можно массу. Так, в моей памяти навсегда остался Н. В. Сулов, начальник 2-го отряда ВПО. В ВПО проработал сорок лет, до последнего своего дыхания. Это был глубочайший патриот своего служебного долга. Никогда не брал отгулов, на все пожары выезжал сам, дорожил людьми, воспитывал их. Очень был начитан, любил читать. И как самую дорогую реликвию, хранил у себя фотографию Б. И. Кончаева. По характеру был очень скромным.

Лякс Иван Дементьевич — один из старейших специалистов по механическим лестницам «Магирус». Работал в 12-м отряде очень долго. Был старожилом. Много знал интересного о быте, о службе пожарных в старое время. Знал и перечислял все масти лошадей всех команд гор. Ленинграда. Высококвалифицированный специалист был, пользовался во всем отряде высоким авторитетом, да и в городе его знали.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Начальник 17-й СВПЧ (Самостоятельная военизированная пожарная часть) капитан Шальтис Франц Устинович. Это был службист старинного еще склада. На службу, особенно в праздники, шел, как на праздник, брал с собой пироги и другие вкусные вещи. Был горд и дорожил службой. На все пожары любил выезжать сам. Несмотря на то, что не имел высокого образования, он хорошо разбирался и знал музыку, на слух определял, что и откуда эта вещь, то есть исполнение.

Петров Михаил Викентьевич, бывший зам. начальника Московского РУПО. В ВПО работал с 1917 года. На себе испытал все. Был на похоронах В.И. Ленина. Пострадал ни за что в «ежовщину». И всю историю пожарной охраны знает исключительно хорошо и очень много может дать в своих воспоминаниях как один из старейших работников.

Павликов Михаил Степанович, бывший председатель ДПО (Добровольной пожарной охраны). Привержен и всю свою жизнь тесно связан с пожарной охраной, с детства, с мальчиков, о чем у него

имеются фотографии детских лет. Человек высокой культуры. Если бы ему в настоящее время позволило здоровье и зрение, мог бы дать бесценные воспоминания, как и М.В. Петров. Много читал и знает о работе пожарной охраны еще в дореволюционное время.

В своих воспоминаниях я несколько отошла от спущенного Советом ветеранов плана. Но очень хотелось показать наряду с пожарами военных лет и старых работников предвоенных лет, которые, если бы можно создать и написать историю пожарной охраны, вошли бы в нее золотым фондом, и для молодежи и грядущих поколений было бы неплохо знать, какие были глубоко преданные своему служебному долгу товарищи.

О Г.Г. Тарвид можно написать очень много. Это был высоко требовательный и бесстрашный человек на пожарах. Да и о многих других старых работников пожарной охраны.

С чувством высокого долга написан этот сравнительно небольшой период воспоминаний.

15 января 1975 года

Стояли со взрослыми рядом

Г. В. Бессонов,
начальник инспекции Госпожнадзора
Московского района гор. Ленинграда

Суровая правда истории...
Начавшаяся Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков потребовала изменить не только формы и методы профилактической работы, но и ее содержание.

Никого не вводило в изумление требование пожарных работников обеспечить чердаки песком, бочками с водой, снять с чердаков все деревянные перегородки, покрасить сгораемые конструкции огнезащитной краской, разобрать деревянные постройки, близко прилегающие к жилым домам и фабричным корпусам и тому подобное. Все знали, что эти требования пожарных своевременны и необходимы, но проведение их в жизнь требовало много усилий и большой разъяснительной работы.

Особенно хорошо помогли и были весьма доходчивыми буквально для каждого трудящегося показательные тушения зажигательных авиабомб. Проведение этих занятий на фабриках, заводах, в жилых домах и непосредственно на городских площадях и улицах всегда собирало много зрителей.

Пожарные работники старались показать не только как горят зажигательные бомбы, но и, самое главное, средства и приемы их тушения. Они проводили занятия в обстановке, приближенной к действительности, разъясняли всем трудящимся необходимость не только выполнения всех противопожарных мероприятий, но и создание в жилых домах и на промышленных объектах пожарных звеньев групп самозащиты — боевых

помощников городской пожарной охраны. Жизнь показала, что в этой работе были достигнуты неплохие результаты.

8 сентября 1941 года вошло в историю Ленинграда как день, в который было замкнуто кольцо блокады по суше вокруг Ленинграда и был совершен первый мощный налет немецко-фашистской авиации на город. Нападению в основном подвергся южный район города — Московский, на территорию которого было сброшено более пяти тысяч зажигательных и много фугасных авиабомб, вызвавших в районе сто семьдесят два пожара. Пожарные команды участвовали в тушении только пятнадцати пожаров, таких как продовольственные склады им. Бадаева, склады сырья маслозавода, фабрика «Скороход» и другие.

История ленинградской пожарной охраны не знала случаев такого массового одновременного возникновения пожаров только в одном районе города (не считая другие районы), но история не знала и такой отваги, мужества и героизма, проявленных при тушении пожаров, как работниками пожарной охраны, так и группами самозащиты и населения.

На одном из самых крупных пожаров — на складах имени Бадаева — пожарным подразделениям пришлось работать в очень сложных и трудных условиях: скученность горевших деревянных построек склада и высокая температура затрудняли к ним доступ; разрывы фугасных бомб и пулеметный обстрел с самолетов врага не сломали мужества пожарных, и они, невзирая на усталость, полученные ожоги и даже ранения, оставались в строю.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Бойцы и командиры, успешно ликвидировавшие пожары по другим адресам, прибывали на помощь своим товарищам, работавшим на пожаре складов им. Бадаева. Шоферы автонасосов по двенадцать часов непрерывно подавали воду к месту пожара; командиры отделений и бойцы по девять-десять часов подряд работали со стволами и отказывались от подмены, когда им ее предлагали. Подобные образцы работы увлекали остальных товарищей, что и дало возможность к трем часам 9 сентября ликвидировать все пожары, возникшие в результате вражеского налета.

Не менее энергично работали по тушению пожаров и вражеских зажигательных бомб группы самозащиты,

которым оказывали помощь не только взрослое население, а даже старики и дети. Так, например, двенадцатилетний Толстов Геня потушил девятнадцать ЗАБ; семидесятилетняя гр. Титова А.И. вместе с гр. Хазовой и Логиновой потушили сорок девять ЗАБ; шестнадцатилетний юноша Крючков потушил пожар на чердаке своего дома. И таких примеров можно было бы привести много. Сто пятьдесят семь пожаров и большое количество зажигательных бомб, ликвидированных группами самозащиты и населением — вот итог их работы за 8 сентября.

Не меньшей эта активность была и в последующее время, при повторных налетах вражеской авиации. Проявлялась активность не только в тушении пожаров, но и в создании условий по их предупреждению.

За короткий промежуток времени почти все сгораемые конструкции чердаков не только каменных, но и деревянных зданий были окрашены суперфосфатом. Каждый дом был обеспечен всем необходимым для тушения начавшихся пожаров. Тысячи бочек, тысячи кубометров песка буквально в считанные дни были доставлены в домохозяйства, подняты на чердаки, а бочки заполнены водой. Население района прекрасно понимало всю важность проводимых противопожарных мероприятий и, в особенности, после первого налета на город фашистской авиации, еще энергичнее взялось за снос тех или иных сгораемых малоценных построек, увеличение запаса огнегасительных средств и проведении занятий с группами самозащиты.

По восемьдесят-сто человек в день приходило в инспекцию Госпожнадзора за решением противопожарных вопросов. Люди указывали на недостатки, требовали их устранения, просили совета, как лучше выполнить те или иные противопожарные мероприятия.

По шестьсот-восемьсот-тысяче человек и более собиралось на показательные занятия по тушению зажигательных авиабомб и пожаров от них. Население активно шло навстречу пожарной охране.

Комсомольский противопожарный полк

Стояли со взрослыми рядом

Руководители объектов и домохозяйств, чутко прислушиваясь к голосу работников пожарной охраны, подготовляя здания к противопожарной обороне, показали себя подлинными заботливыми хозяевами вверенных им объектов, сделав их неуязвимыми крепостями противопожарной обороны. По сотне и более ЗАБ попадало на некоторые объекты, но ни на одном из них не вызвало значительного пожара.

Активнейшими помощниками в деле укрепления противопожарной безопасности домохозяйств и объектов района явились начальники групп самозащиты, добровольных пожарных дружин, пожарной и сторожевой охраны. Подавляющее большинство их, несмотря на сложные конструктивные особенности охраняемых ими объектов, создаваемые войной трудности в деле пожарной охраны, сумели с честью справиться с порученной работой и сохранить от огня ценное народное достояние.

Заслуживает внимания следующий факт: 25 января 1942 года ночью возник пожар в доме № 126 по Международному проспекту от халатности проживавшей в доме гражданки. Пожар принял значительные размеры, и огонь через прогревшие перекрытия перешел в вышележащий этаж. Водопровод бездействовал. Прибывшим пожарным тушить было нечем. Только энергичная работа женщин — бойцов группы самозащиты, организовавших доставку воды к месту пожара из запасных баков, находящихся на чердаке, спасла дом от уничтожения огнем.

Фашистская блокада города и наступившая суровая зима 1941–1942 годов не внесли в ряды работников пожарной охраны «моральной дистрофии».

Ни холод, ни голод, ни отсутствие воды для пожаротушения, ни массовая установка временных печей, в особенности по жилым домам района, не вызывали у пожарных, занимающихся профилактикой, ни жалоб, ни уныния, ни растерянности. Наоборот, были приняты все меры к тому, чтобы не допустить пожара. Малейший сигнал о наличии противопожарных нарушений быстро принимался, и по нему срочно проводились

необходимые пожарно-профилактические мероприятия. Так, например, после небольшого загорания ночью от временной печи в одном из домов по Московскому проспекту обслуживающий этот дом пожарный инспектор т. Коновалов в остатке этой же ночи и утром обошел все квартиры и снял сорок одну самовольно установленную пожароопасную временную печь (дом имел центральное отопление и вентиляционные каналы, которые и были использованы как дымоходы, за отсутствием последних).

К поражениям, которые старалась нанести вражеская авиация, сбрасывая зажигательные и фугасные бомбы, добавился обстрел города из орудий, установленных на Дудергофских высотах (тяжелая артиллерия) и по линии фронта к югу от города Ленина.

Немало пришлось поработать пожарным Московского района по ликвидации пожаров и от артиллерийского обстрела. Приведу несколько примеров: 12 февраля 1943 года от артобстрела загорелась толевая кровля семиэтажного корпуса Ленмясокомбината. Огонь быстро распространялся, создался дымовой ориентир для артиллерии врага, и обстрел усилился. Установленный на водоем автонасос и проложенные линии рукавов к месту пожара были выведены из строя разрывами снарядов. Шофер и командир отделения убиты. Прибывший к месту пожара командующий Ленинградским фронтом генерал Л. А. Говоров приказал открыть ответный огонь с тем, чтобы заставить замолчать артиллерию врага и дать возможность бойцам и командирам пожарной охраны выполнить свой долг — ликвидировать пожар, а вместе с ним дымовой и огневой ориентир. Что и было сделано.

13 февраля 1943 года от артиллерийского обстрела противника загорелся железнодорожный состав, груженный артиллерийскими снарядами на станции Купчино, расположенной в пределах жилой границы района. К месту пожара прибыло подразделение пожарной охраны района под руководством начальника команды т. Ильина Я. Ф. Обстановка была сложная. В горящих вагонах рвались

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

снаряды, а противник вел интенсивный артиллерийский обстрел по месту пожара. Остановив машину в ста метрах от пожара, так как ближе подъехать из-за артобстрела было невозможно, начальник команды организовал разведку и установил, что горят два вагона со снарядами, а пять вагонов еще не горят, но находятся под угрозой загорания. Было принято решение: расцепить вагоны и откатить их в безопасное место, а горящие потушить. Ползком, укрываясь за складками местности, стал приближаться т. Ильин вместе с бойцами к насыпи, где стояли вагоны, и под градом осколков выполнил принятое решение.

В исключительно тяжелых и сложных условиях, с опасностью для жизни, пришлось пожарным ликвидировать пожар на нефтебазе «Красный нефтяник» 3 мая 1943 года. В 14 час. 10 мин. от артобстрела вражеской артиллерии загорелись семь больших резервуаров, заполненных соляровым маслом и мазутом. Из разбитых снарядами резервуаров горящая жидкость разлилась по территории и заполнила большие пруды (поверх воды). Огромные столбы пламени и черного густого дыма высоко поднялись к небу.

Враг усилил обстрел, но сломить мужество, подавить волю советских пожарных, среди которых было много коммунистов и комсомольцев, ему не удалось. К 20 часам пожар был ликвидирован. Более ста двадцати снарядов крупного калибра разорвалось только в пределах ограждения базы. Шестнадцать бойцов и командиров пожарной охраны подразделений Московского района были контужены и ранены, и некоторые из них после оказания медицинской помощи снова вернулись в строй и оставались до полной ликвидации пожара.

Но не только профилактической и оперативной работами занимались бойцы и командиры пожарной охраны. В начале войны они участвовали в строительстве оборонительных сооружений, подвозили в цистернах воду

для хлебозавода, заготавливали топливо для единственной работавшей в городе электростанции, ломами и пневматическими молотками дружно скалывали ледяные глыбы на Международном проспекте с тем, чтобы пустить в работу трамвай, заделывали в пределах чердака вентиляционные каналы в домах, чтобы не дать возможность использовать их как дымоходы.

Работа Пожарной охраны г. Ленинграда в годы Великой Отечественной войны — одна из ярких страниц самоотверженной борьбы и великого подвига, совершенного вместе со всем советским народом под руководством Коммунистической партии в битве за Ленинград.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10/УП-1942 г. «За образцовую подготовку противопожарной обороны гор. Ленинграда, за доблесть и мужество, проявленные личным составом пожарной охраны при ликвидации пожаров», городская пожарная охрана НКВД гор. Ленинграда награждена орденом Ленина, а большая группа бойцов и командиров — орденами и медалями Советского Союза.

26 января 1945 года за выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за их мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады, Президиум Верховного Совета СССР наградил Ленинград орденом Ленина.

Вручая эту высшую награду Ленинграду, М. И. Калинин сказал, что пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины и женщины, старики и дети этого города — это великое дело никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений.

Каждый пожарный ордена Ленина Пожарной охраны гор. Ленинграда преисполнен законной гордостью, что живет и работает в славном городе, городе-герое.

24 февраля 1975 года

Как мы тушили Пулковскую обсерваторию

Тамара Павловна Витюк (Ворохобина),
боец 10-й ВГПК, инспектор ГПН

ПИСЬМО
БОРИСУ ИВАНОВИЧУ КОНЧАЕВУ

Здравствуйте, уважаемый Борис Иванович!

Вы простите меня, что «закидала» Вас своими письмами в эти дни. Виной тому Ваша книга, которая заставила реагировать меня так активно. Она, книга, «увела» меня за собою в то военное прошлое и заставила вспомнить пережитое до самых мельчайших подробностей, с которыми пришлось соприкоснуться. Да и как можно забыть военный Ленинград и его блокаду, своих товарищей, если мир весь был потрясен героической борьбой советских людей.

Мне хочется Вам и Совету ветеранов рассказать о втором (именно втором) выезде на тушение пожара Пулковской обсерватории. Он как-то (мне так показалось) «потерялся» в те осенние дни 1941 года. Ведь тогда каждый день и час на пожарных города Ленинграда ложилась особая ответственность по ликвидации пожаров, возникающих от артобстрелов и бомбежек с воздуха. На пожарных города возлагалась задача тушения пожаров и за пределами города. Тому примером могут служить два выезда на тушение очага пожара в Пулковской обсерватории... В моей памяти осталось следующее. В сентябре 1941 года (день и час выезда я не помню) в послеобеденное время мы по тревоге выехали на пожаротушение Пулковской обсерватории под руководством Георгия Николаевича Рыжова. День был

солнечный и очень теплый. Мы — это бывшие слушатели Ленинградского пожарного техникума (уже учебное заведение было переименовано во 2-ю пожарно-техническую школу) в составе одного хода поехали в Пулково.

Примерно в июле-августе в Ленинградский пожарный техникум прибыли на службу командиры из Пожарно-технической школы им. Куйбышева Жук, Жиганов, Рыжов Г.Н. и с ними телеграфистка Медведева (муж ее — командир из этой же школы, был уже на фронте). Все командиры из школы им. Куйбышева были страшно обижены, что попали в ЛПТ, а не на фронт. Они так и говорили: «Мы здесь временные, уйдем на фронт драться с немцами». Большинство наших бывших слушателей ЛПТ были уже на фронте и располагались в Озерках и Новой деревне. Они, девочки, приезжали к нам и говорили, что доехали на трамвае к нам в ЛПТ. Я ухожу в своих воспоминаниях от поставленной задачи, но все это соприкасается рядом в эти дни. Сейчас все сердце мое наполнено «тем» временем. Простите, что отвлекаюсь, но иначе не могу. Мы в тот же день дежурили в карауле и во время воздушных тревог не выезжали к месту своей дислокации, а оставались в гараже ЛПТ.

В тот день на телеграфном пульте дежурила Медведева, которая вручила Георгию Николаевичу Рыжову распоряжение городского управления пожарной охраны о выезде на пожар Пулковской обсерватории. На нашем автоходе из девушек кроме меня была Аня Таричко, но ее в тот день я потеряла из памяти.

11
это за ст...
ной охраны
и и сочувств
в некоторых бо
дом, я смогу
мой работос
и очень скоро
Беспомощная
помощью.
те, Борис И
ного времени
возможности
ви помощи.
о - буду Вас
на благо кон
ице врача.
руки. Говорю
А вы
лет еще
нашей род
ей мать то
ниже ста
но умирать,
ма в нестел
Мамашки, я
и труднее
и спаску не

Подали воду из двух стволов в бельэтаж через проемы выбитых оконных рам, а, может, сторовших. Здание тоже имело свои раны от снарядов.

В помещении горел пол, и через разрушенные проемы окон было видно, что помещение пустое совершенно. Если посмотреть на схему, то мы видим, что с левой стороны здания тушил пожар Тимченко. Там же убитая лошадь, а рядом носилась рыжая с белыми пятнами корова с ободранным боком, кровоточащим от попадания осколка снаряда. Обидно, что не помню фамилий своих товарищей, кроме девчат и командира.

Я несколько раз прошла вокруг здания обсерватории, так как Г.Н. Рыжов велел хорошо следить за состоянием пожарных рукавов и подачей воды, и следить, кому понадобится медицинская помощь. Пожар почти потушили и лили воду на пол для профилактики от новых загораний. Дыма не было и, проходя мимо Тимченко, я сказала, что сейчас будем заканчивать, и пошла вновь вокруг здания для обзора своей задачи на пожаре.

Вдруг неожиданно стали рваться вокруг нас снаряды, и вой мин был такой страшный и постоянный, что все походило на какой-то ад. Что было делать? И вдруг я увидела, как Г.Н. Рыжов с кем-то еще несут Тимченко на руках. Тимченко был ранен в левую ногу (в пах). Его положили прямо на землю с правой стороны здания обсерватории. Мне было приказано Рыжовым заняться перевязкой раненого. Рыжов говорит: «Берите ножницы и режьте сапог и брюки, доставайте йод, бинты, вату, шину». А я от неожиданности, от неопытности, от боязни причинить раненому еще больше боли с делами медика справлялась плохо. Тогда Рыжов Г.Н. велел передать ножницы Ане (Шуре) Андреевой и стал сам ей помогать. А мне велел найти подходящее укрытие для раненого. Я огляделась вокруг и ничего лучшего не придумала, как раненого поместить в отдельном маленьком здании. Там было много новых книг, засыпанных опилками и укрытых полотнищами рогожи. Я разровняла на полу толстущий слой опилок, покрыла их рогожей, и побежала докладывать о выполнении приказа. В это

время раненого кое-как перевязали, и начался сильный обстрел правой стороны здания обсерватории. Шофер тоже был ранен, он вел машину, но ему помогал в этом Рыжов Г.Н.

А вот как мы во время кругового обстрела обсерватории очутились в полуподвале, я не помню. То ли нас военные, оборонявшие здание, пригласили, то ли Рыжов Г.Н. оберегал свой расчет и договорился с ними сам... Скорее всего, что военные пригласили. Они очень тепло нас встретили: без крика и шума. Пререканий между нами и военными не было. Они расспрашивали нас о Ленинграде. Рассказывали, что личный состав отдыхает, так как недавно вышли из рукопашного боя и оставили окопы немцам, которые и находятся от здания обсерватории в двух километрах.

В полуподвале было два застекленных окна, и все они просматривали только ту сторону, где были немецкие окопы. В полуподвале стоял длинный стол, покрытый деревянными досками, и две скамейки по бокам стола. На столе стояли две-три металлические кружки, и больше я ничего не запомнила. Окна полуподвала были на уровне земли. Комната средней величины, не более сорока кв. метров. Я подошла к окну, но ничего не было видно на улице, и только слышался грохот разрывающихся снарядов.

Вроде бы Тимченко осматривали военные врачи, но я четко этого не помню. Это же был второй пожар после Бадаевских складов, где также бомбили нас и зажигалками и фугасами, которые спускали на парашютах. Уж потом мы «обстрелялись» окончательно, и ходили инспектора ГПН при обстрелах по своим участкам без страха, а только моя голова при визге снарядов всегда «уходила» в плечи. Ко мне подошел молодой, как и я, лейтенант и спросил: «Немцев видела?»

Одет он был в новую серую шинель, и на петлицах — два кубика красных. Я ответила: «Нет, еще не видела». Лейтенант: «А хочешь посмотреть?». Я: «Хочу!» А сама думаю, что вот приведут пленного немца и будут здесь его допрашивать. Лейтенант направил свой бинокль в окно полуподвала, наставил оптику и показал бинокль мне, сказав: «Смотри!».

Я ничего не видела, кроме зеленого простора и дальнего леса. Я-то думала, что немцы ходят во весь рост, а они сидели в окопах и видны были только макушки их касок. Лейтенант удивлялся моей тупости и сам вновь стал смотреть в окопы, где были немцы. А потом отдал вновь мне бинокль и говорит: «А кочки зеленые видишь, они еще передвигаются?»

В связи с этим я представила себе болото и кочки, ходящие по болоту, в котором бушует какой-то газ. Говорю лейтенанту: «Кочки вижу, и их много, видимо болото от газов трясет» (сейчас смешно, а тогда...). Что уж подумал боевой командир обо мне, но только спокойно разъяснил, что это немцы ходят по окопу, а видны верхушки их касок. Вот так мы были на тушении пожара Пулковской обсерватории, в самой близи от вражеских окопов. Однако не в упрек будет сказано, но лейтенант сказал: «До вас тоже из Ленинграда приезжали пожарные, но ничего почти не сделали, так и уехали вскоре». Это истинная правда — слова того лейтенанта.

Жаль, очень жаль, что нет в живых Г.Н. Рыжова, уж он-то бы все более ярко рассказал, чем я. Ведь у него уже был опыт, а у меня остались в памяти лишь впечатления участницы пожаротушения. Георгий Николаевич был храбрый командир, требовательный к себе и подчиненным, заботливый и добрый человек, умный, серьезный, относился к нам, бойцам, с уважением, но и спуску, как говорится, не давал никому. С ним мы были и на тушении пожара Бадаевских продовольственных складов. Но там я была связной у т. Тарвида... Вот побегала я за ним с той тяжелой спасательной веревкой и своим противогазом по всей территории этого склада. Видимо, как сейчас я думаю, т. Тарвид был еще и хороший спортсмен по бегу.

Вот так до самой глубокой осени мы были на всех пожарах с Георгием Николаевичем Рыжовым, пока его не откомандировали от нас в опергруппу города на руководящую работу по тушению пожаров. Г.Н. Рыжов был смелым командиром, и с него можно было брать пример и другим, более молодым командирам.

Обсерватория сгорела от постоянных артобстрелов (которые мы наблюдали сами), и сберечь здание было невозможно при этой ситуации. Так был уничтожен крупный научный центр астрономии — Пулковская обсерватория.

После окончательного осмотра здания мы стали собираться домой. Кажется, Тимченко ехал в кабине третьим. Как только немцы увидели, что мы уезжаем, они усилили артогонь по нам, но новых раненых не было. Только долго вой мин нас сопровождал в полутемной ночи. Как только приехал в ЛПТ, нас высадили и велели отдыхать, а Тимченко в сопровождении Г.Н. Рыжова доставили в госпиталь.

Прибыв домой, мы на своих кроватях в общежитии увидели свое зимнее обмундирование (шерстяное из диагонали) отутюженным и с подшитыми подворотничками. Я тут же спросила: «Что, зимнюю одежду уже будем носить? Кто мне все так прекрасно подготовил? Кому сказать спасибо за прекрасную заботу обо мне?» А Таня Родина говорит в ответ: «Это я все приготовила тебе. Нам сказали, что вы все убиты, и мы собрались вас хоронить»...

Ну а вскоре наша судьба слушателей ЛПТ или 2-й ПТШ сложилась так: в конце ноября у стен техникума (а, может, октября) были установлены танки, а вскоре и танкисты стали размещаться в нашем здании. Всех нас распределили бойцами по пожарным командам. Я, Люба Меркулова были направлены на Петроградскую сторону в команду номер 10, где начальником был т. Петров. Подчинялись РУПО, а командовал т. Олялин, бывший курсовой командир ЛПТ. Всю осень-зиму 1941 года до февраля 1942 года я работала там и выезжала на пожары, дежурила на отдельном посту «Лодейное поле». А потом, когда Петров и большая часть бойцов слегли от дистрофии, мы с Любой перешли на работу инспекторами ГПН. Я была назначена в Василеостровское РУПО, а Люба — в Приморское РУПО. Больше мы с ней не виделись...

30 октября 1987 года. Одесса

Телеграфистка-морзистка

Надежда Александровна Гаврон,
младший инспектор ГПН,
телеграфистка

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни парада,
Дыша одним дыханьем
с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила.

О. Берггольц

Я, Гаврон Надежда Александровна, в 1936 году поступила на работу в 6-ю городскую пожарную часть, тогда Шлиссельбургский пр. (ныне пр. Обуховской обороны), д. 90, Володарский район (ныне Невский район), на должность телеграфистки-морзистки.

В ночь с 21 на 22 июня я дежурила. В 4 часа утра по аппарату Морзе с ЦППС (Центральный пункт пожарной связи) передали, чтобы дежурные по городу срочно позвонили на центральный пункт связи (дежурные по городу жили при 6-й части), а начальники частей вскрыли ящик и вызвали в часть всех резервных, находящихся в домах, пожарных. Нас, дежуривших в ночную смену, задержали, сказали, что в 12 часов дня будет передано важное сообщение.

В 12 часов дня мы все узнали, что началась Великая Отечественная война.

Нас отпустили домой, но сказали вернуться к 4 часам дня в часть. Я жила на улице Плеханова (ныне Казанская улица) у Казанского собора. День был жаркий, солнечный (воскресенье). По Невскому проспекту (тогда он назывался проспект 25 Октября) шли колонны мужчин с оркестром, рядом шли женщины, держа их под руку. На улицах из громкоговорителей всюду слышна была маршевая музыка. У скверика Казанского собора, где росли цветы, рыли траншеи.

В последующие дни по Шлиссельбургскому проспекту в сторону Рыбацкого тянулись лошадиные повозки со скарбом, на повозках сидели дети, а сзади шли привязанные коровы. Мчались и пожарные машины. Около нашей части стоял с флажком пожарный, он показывал, чтобы пожарные машины заезжали к нам во двор. У нас во дворе стало столько машин и народа, что спали, где придется: в машинах, в коридоре, на полу и так далее. Это было примерно с месяц, потом все наладилось.

Маскировка города

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

В первые дни и недели войны все ленинградцы стекла на окнах заклеили бумажными полосочками (говорили, что это от взрывной волны). Я хотя и не жила дома, но отпросилась, съездила домой и сделала то же самое.

Над городом была поднята сеть аэростатов, что создавало какое-то волнующее зрелище. Первые месяцы войны вражеские самолеты сбрасывали на жилой сектор зажигательные бомбы (зажигалки). Были моменты, когда сбрасывали зажигалки связками и даже в корзинах, но дежурные посты из населения и дети вели с ними борьбу. Пожаров в городе стало очень много. Нас, телеграфистов, было четыре человека: двое дежурили и двое были на отдыхе. По воздушной тревоге все были на пункте связи. По тревоге пожарные машины выезжали из гаража, становились под ближайшие арки, в телеграфе находился связной. Мы, телеграфисты, по роду своей профессии не могли покинуть своего места работы и уйти в укрытие, все время находились на боевом посту. Налеты вражеской авиации были очень частыми, что мы не успевали пообедать, ужинать и так далее, бросали и убегали по тревоге, про отдых и сон вообще забыли.

Гудки заводов, сообщавших о воздушных налетах, зенитные батареи, сирена

по радио, гул вражеских самолетов, разрыв авиабомб — все сливалось в единый страшный рев, но нам о страхе думать было некогда (хотя и очень страшно было). Очень много поступало заявок: «Спасите!», «Выехали ли пожарные?»...

Мне запомнился день 19 сентября 1941 года. Был массированный налет авиации на наш Володарский район. Было много пожаров одновременно. Две фугасные бомбы упали в трех метрах от здания команды, у фасада против окна телеграфа. Взрывной волной выбило стекла и рамы, смахнуло нашу аппаратуру, нас засыпало штукатуркой из потолка, даже дверные проемы вырвало. Воздушные тревоги были очень частыми, поэтому наши славные герои пожарные, их тогда называли бойцами огненного фронта, не снимали брезентового обмундирования, днем и ночью вели битву с огнем, спасая мирное население, заводы и фабрики от огня, забыв про еду и сон. Это были месяцы июль, август, сентябрь, октябрь.

Помню, приехал начальник отряда (тогда начальник РУПО) и сказал: «Нам будет чуть легче. Враг задержан, стал оккупываться под Ленинградом». Декабрь-месяц — паек урезан, вышел из строя водопровод, не стало электросвета, дров, большие морозы, голод и холод. К бомбежкам — еще и артобстрелы — блокада.

Телеграфистки за работой

Телеграфистка-морзистка

Не стало бензина, город окутан дымом. Не могли выехать машины из гаража. Машины, которые возвращались домой, остановились в двухстах метрах от команды — не было бензина. Начальник части организовал весь личный состав, вышли и затолкали автонасосы в гараж. На вышке стоял постовой, сообщал, какие районы подвергаются обстрелу, бомбежке, где и сколько он видит зарев, какие районы освещены осветительными ракетами (те районы через некоторое время подвергались обстрелам и бомбежкам). Однажды поступило сообщение с вышки, что вблизи нашей команды за комбинатом им. Кирова большое зарево, горели двухэтажные деревянные дома (зареве являлось ориентиром для обстрелов и бомбежек). Это было ночью. Командир отделения Фурманов с бойцами пошли пешком. Когда вернулись, я спросила, как они тушили — да и №6 (отчет о проделанной на пожаре работе) должен быть — бревна растаскивали, чтоб уменьшить зарево.

Начиная с января, вся зима 1942 года была очень тяжелой, мы убегали по тревоге, возвращались в общежитие, взрывной волной были выбиты стекла в окнах, голод и холод, мороз 30 градусов. Наутро все шли добывать дрова, в районе было много деревянных домов, мы их ломали, и на саночках везли в команду, а сил не было.

Вспоминается такой эпизод. Везем дрова. Март-месяц. Около больницы им. Бехтерева вдруг два вражеских самолета (около больницы было поле и там зенитные батареи стояли), зенитки открыли по ним огонь, а самолеты сбросили груз, с таким свистом и треском все падало. Мы с этими батареями имели прямую связь, позвонили им, они смеются, что самолеты сбросили пустые бочки, но мы очень напугались: все упали, уже можно было вставать, а мы все лежали. Так добывали топливо... Воду брали из гидранта на проспекте против фасада команды, и население тоже, черпали воду черпаками лежа, от пролитой воды и снега образовалась ледяная гора, пришлось сбивать ломом. Освещение было — маленькая коптилка, стояла на аппарате

Водозаборная колонка на Лиговском проспекте

Морзе, к утру наши лица были неузнаваемы от копоти. Пожарные наши слабели, тех, которые не могли ходить, отправляли в изолятор, там они и умирали.

Весной 1942 года все вышли копать огород против больницы им. Бехтерева, там было поле, целина. Копать было трудно и радостно, что труд не зря. В 1943 году мы были в театре, Володарском Доме культуры, эстрадное представление было, начался артобстрел. Где-то недалеко стукнуло так, что погас свет. Пришлось всем разойтись.

Самое радостное незабываемое время — снятие блокады. Весь день слышали страшную канонаду, а вечером сообщили, что немцев отогнали от Ленинграда на 80 км. Больше обстрелов не будет. Салют был по всем улицам города, народ ликовал, друг друга поздравляли, остановки трамвая стали на свои места (до этого они укрывались за домами)...

Как молоды мы были

Виктор Григорьевич Грибов,
помощник начальника караула,
заместитель начальника
пожарной команды завода
им. Жданова

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
не пришли с войны,
В том, что они — кто старше,
кто моложе —
Остались там,
и не о том же речь,
Что я их мог,
но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же,
все же, все же...

А. Твардовский

В начале июля-месяца 1941 года мы, трое выпускников школы ВПО НКВД имени В.В. Куйбышева, только что получившие звание воентехников II-го ранга и новенькую командирскую форму: Федя Матвеев, Ваня Минаев и я — были назначены в военизированную пожарную команду завода имени А.А. Жданова (ныне Судостроительный завод «Северная верфь») на должности помощников начальников караулов.

Дежурство было двухсменное, время — военное. Сменившись с дежурства, караул в полном составе направлялся на работу. Весь гарнизон пожарной охраны работал тогда с предельной нагрузкой по подготовке города к противопожарной обороне.

Мы строили большие противопожарные водоемы, разбирали сараи, возводили оборонительные сооружения на проспекте Стачек, убирали урожай на полях совхоза «Предпортовый».

По возвращении с работы в районе мы шли по цехам на заводе: проверяли состояние средств пожаротушения, боеготовность цеховых пожарных команд, осуществляли плановую подготовку закрепленного за нашим караулом сектора. Мы видели, как у станков трудятся рабочие, а рядом стоят винтовки — большинство рабочих состояло в истребительном батальоне.

Однажды я зашел к начальнику цеха № 15 и спросил его об изменениях в составе цеховой пожарной команды. Присутствующий в кабинете начальника старший лейтенант в форме НКВД спросил меня, почему я так интересуюсь цеховой пожарной командой, что окончил и откуда родом. На его предложение взять на себя обучение одной из рот истребительного батальона я сообщил, что не вправе решать этот вопрос. По договоренности штаба батальона к моим нагрузкам прибавилось проведение ежедневных занятий с рабочими по 2–3 часа. Я был сердечно благодарен школе имени В.В. Куйбышева за то, что она дала нам знания по вопросам штыкового боя, гранатометания, изучения оружия, приемов стрельбы, строевой подготовки, тактики взвода в обороне и наступлении, и я мог достойно перед людьми старше меня по возрасту носить свои командирские «кубики» на петлицах.

Возведение баррикад на улицах Ленинграда

Эти мои занятия прекратились с уходом батальона в Кировскую дивизию народного ополчения.

Много времени нами уделялось занятиям с рабочими и членами цеховых пожарных команд по применению средств пожаротушения. Помню, как сотрудники пожарной охраны неоднократно на площадке завода показывали тушение настоящих зажигательных бомб. На тушении были представлены килограммовые электронно-термитные бомбы, с которыми мы потом слишком хорошо познакомились.

Напряженная трудовая деятельность не давала нам передышки: ни в дежурные сутки, ни вне смены. В дежурные сутки надо было проводить занятия с личным составом, проверять посты и дозоры, организовывать выполнение хозработ. Моим начальником караула был чудесный, душевный человек, старый член ВКП (б) Стукалкин Павел Николаевич, работавший в пожарной охране завода так давно, что Борис Иванович Кончаев, приезжая к нам, называл его старожилом. Он был малограмотным и возлагал на меня ведение всей документации караула, относился ко мне по-отцовски, и как мог, старался облегчить работу. 22-го июня

1941 года, когда началась война, он отложил из пачки папирос одну и заявил, что скурит ее в день победы. Это знали все и, когда было трудно с куревом, часто просили его показать папиросу, приготовленную для победы. Действительно, только в день 9-го мая 1945 года, когда праздновали победу, он торжественно, при всех скурил эту папиросу.

В боевом расчете у нас было три боевых пожарных автомашины и поезд, состоявший из двух платформ, на которых находились: паровой насос, две цистерны с водой, запас рукавов и пожарно-техническое вооружение. Были у нас в команде две хозяйственных автомашины: ГАЗ-АА и «Форд-пикап». По сигналу воздушной тревоги я и трое бойцов — боевой расчет — садились в пикап и следовали на лесосклад, где стоял поезд. К нам прибывал паровоз, и мы готовы были прибыть туда, где понадобятся наши силы.

Первая бомбардировка завода не принесла ощутимых результатов — бомбы попадали в залив и в акваторию.

При второй бомбардировке на завод было сброшено четыре фугасных бомбы. Эта бомбардировка имела тяжелые последствия. Одна из бомб попала на территорию хранилища горючего, так

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Обучение населения тушению зажигательных бомб

называемый склад масел, и вызвала пожар. Наш постовой Павел Морозов начал тушить пожар и сообщил в команду. В это время я проводил занятия в цехе №6 с членами цеховой пожарной команды, которые по сигналу воздушной тревоги заняли свои места, а мне надо было позвонить в ВПК и дать связь о следовании на лесосклад к поезду. Услышав резкий свист падающей бомбы, я лег к стенке в проеме ворот цеха.

Бомба угодила в землю около деревянного двухэтажного здания нашего общежития, находящегося метрах в 150–200 от цеха. Во втором этаже здания размещалось общежитие работников охраны — девушек.

Когда я вбежал в здание, услышал плач и рыдания девушек, находящихся на втором этаже в нашем общежитии, увидел нагромождения из коек, тумбочек, постельных принадлежностей, табуретов и столов, перемешанных в диком беспорядке. Все было засыпано кусками штукатурки и битым стеклом.

В одной из комнат нашего общежития на полу лежал смертельно раненый командир отделения Буланьков, голова его конвульсивно дергалась. Больше пострадавших у нас не было. Ознакомившись

с обстановкой, я позвонил в ВПК по прямому телефону (оказалось он работает) и сообщил обо всем. Вскоре к очагу поражения прибыли: начальник охраны завода, помощник по УСЧ начальника ВПК воентехник II ранга Николай Федорович Лещук, санитарные машины и медико-санитарная команда цеха №6. К их прибытию Буланьков умер.

Забегая вперед, скажу, что нам не повезло и с другим зданием, где после этого разместилось наше общежитие (бывший склад №11): при первом обстреле 4 сентября 1941 года снаряд попал в него и разорвался там. К счастью, никого в это время в общежитии не было.

На третьем очаге поражения, там, где упало две бомбы, я побывал поздно вечером, когда закончил работу по разборке в нашем бывшем общежитии и оборудованию помещения для личного состава в другом здании. Наши люди рассказывали про этот очаг нечто страшное.

Фашисты совершили налет в обеденный перерыв, когда очень много народа с завода вышло за проходную и там, в торговых точках (ларьках, палатках и магазинах), на кольце трамвая покупали продукты, а в сквере завода — обедали. Я не был на месте и не видел, было ли

бомбометание прицельным, но результатом было то, что две бомбы угодили в центр людского водоворота: одна в деревянную проходную, другая — в сквер.

Наш дежурный караул после ликвидации пожара на складе масел перебросили к проходной, где личный состав помогал саперной службе разбирать завалы из конструкций и ларьков, палаток, магазинов, щебня и земли, поднимать опрокинутые трамваи и извлекать трупы людей, а зачастую и просто окровавленные куски человеческих тел.

Сильная бомбардировка завода была в сентябре. Уже темнело, в небе ничего не было видно, я, по сигналу воздушной тревоги, во главе боевого расчета прибыл на склад леса, и мы привели пожарный поезд в боевую готовность. Слышно было характерное, с лязгающим подвыванием, гудение немецких самолетов. Потом все покрыл сплошной свист и грохот. Бомбы сыпались на завод. Вдруг мы увидели, что всюду вокруг нас территория усыпана зажигательными бомбами. Они горели, разбрасывая огненные брызги на штабеля с досками и бревнами, на дороги, по берегу реки. Стало светло, как днем.

Мы бросились в разные стороны: сбрасывали на землю бомбы со штабелей древесины, тушили очаги загораний, кидали «зажигалки» в реку и просто «футболили» их в воду. Но мы не все углядели: одна или несколько зажигательных бомб, пробив тесовую крышу, попали вовнутрь деревянного склада готовой продукции цеха № 11 (деревобработывающего). Склад был начинен деревянными изделиями, покрытыми лаком, — над крышей его возник громадный столб огня.

Машинист подал в насос пар, мы проложили линию рукавов литер «А» от насоса к складу, вскрыли ворота и дали воду внутрь, на очаг огня. Вскоре прибыл дежурный караул нашей ВПК и стали прибывать подразделения из города. Героический труд пожарных не дал огню возможности распространиться на громадные объемы сухой древесины, находящейся на лесоскладе.

В последующее время блокады фугасные и зажигательные бомбы падали на территорию завода, особенно в районе

эллинга, но загорания от них быстро ликвидировались цеховой пожарной командой, нашими постовыми или прибывшим дежурным караулом ВПК. Подсчитано, что за годы фашистской блокады на территорию завода упало более 17 тысяч зажигательных бомб.

Летом 1942 и 1943 годов были неоднократные бомбардировки завода кусками рельс, обломками металлических конструкций и тому подобное. Несколько раз над территорией завода сбрасывались листовки, и летели они с ужасным свистом, так как не разбрасывались, выталкивались из кассет одной пачкой, формой напоминающей цилиндр.

Одно время, примерно с конца сентября до самых морозов, на заводе, видимо, действовали вражеские лазутчики, так как с наступлением темноты, часов в 8 вечера почти ежедневно случались пожары. В числе прочих строений от такого пожара сгорела и наша собственная продовольственная кладовая — деревянный сарай, стоящий на сваях на болоте за зданием команды. При этих пожарах горели незначительные деревянные строения. Но они давали ориентир для артобстрела противнику на всю ночь.

В декабре 1941 года в мое дежурство произошел самый большой и серьезный пожар на территории завода: горело здание заводоуправления. Тревога этого пожара прозвенела около восьми часов вечера в жестоко морозный день.

При выезде из ворот караула было видно, что огонь выбивает из угловых окон четырехэтажного большого здания заводоуправления. Начальник караула П. Н. Стукалкин, быстро проведя разведку, определил мне с одним отделением участок на втором этаже.

Проложив рукавную линию на второй этаж, я с отделением занял позицию на лестничной клетке, но продвинуться с лестницы в коридор мы не смогли: навстречу нам валили клубы душлого дыма, не дававшего нам дышать.

Я не знаю, какое положение было на других этажах, но через какое-то время деревянные пустотные оштукатуренные межэтажные перекрытия рухнули вниз. Как будто все обошлось без жертв.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Позднее я узнал, что на этом пожаре, когда здание заводууправления пылало, как спичечный коробок, работало 50 автонасосов из многих пожарных подразделений. Я часто слышал воспоминания генерал-майора Михаила Кузьмича Серикова, и он всегда рассказывал, как обледеневших, замерзших пожарных грузили в автомашины, чтобы отправить по частям — самостоятельно они не могли двигаться.

Потом, в течение без малого двух недель ежедневно с наступлением темноты выезжало одно отделение для заливки пожара (ликвидации ориентира для противника).

Первый артиллерийский обстрел города, района и завода был 4-го сентября 1941 года в мое дежурство. Мы не успели рассредоточить отделения на территории завода, как это было определено приказом УПО, так как не сразу разобрались, в чем дело. Когда прозвучал сигнал боевой тревоги, начальник караула еще не вернулся с проверки постов (ушел он до обстрела). Где находятся «Морские ворота», обозначенные в путевке, я не знал. Спросил шофера Колобова: «Знаешь где Морские ворота?» — «Знаю». «Даю команду: Вперед». Выезжаем из ворот гаража и видим огромный столб черного дыма. Шофер уверенно ведет автомашину к проходной, охранник открывает ворота, и на проспекте Стачек столб дыма встает прямо перед нашими глазами, исходя из ближайшей территории Кировского завода.

Артиллерийский обстрел застал уличное движение врасплох: на Корабельной улице и на проспекте Стачек мы видели много жертв фашистского варварства: на панелях и на дороге лежали люди, некоторые неподвижно, часть плакала и, размахивая руками, призывала нас к себе с просьбой оказать помощь, большинство было окружено лужами крови. Сначала я растерялся, но потом сообразил, что если я остановлю машины, и мы бросимся на помощь раненым, умоляюще вздымающим руки, мы не сможем всем помочь. И что мы будем с ними делать дальше? Ведь мы едем на пожар.

Следование наше по проспекту Стачек происходило при первом для нас

артиллерийском обстреле, поэтому доехав до главной проходной Кировского завода, я приказал личному составу укрыться в имеющейся на противоположной стороне улицы щель, а сам побежал на завод. В проходной мне сказали, что на пожар нужно следовать с улицы Газа (ныне Старо-Петергофский проспект).

По прибытии к месту пожара (горела электроподстанция, расположенная непосредственно у здания ВПК, на территории Кировского завода), я доложил руководителю пожаротушения (не помню кому, и получил позицию работы со стволом «А»). На ствол я поставил старого пожарного Орехова, остальные помогали ему маневрировать.

Температура горящего масла была настолько высока, что мы вынуждены были подать ствол «Б» непосредственно на работающих по тушению, а я, находясь рядом со ствольщиком и руководя его действиями, защищал лицо Орехова от ожогов и создавал на его лице грязевую маску из черной жидкой грязи из-под наших ног.

Позднее я узнал, что Морскими воротами назывался проезд между заводами им. Жданова и Кировским, и горение этих ворот от вражеского снаряда было успешно ликвидировано нашим постовым и цеховой пожарной командой цеха № 8.

При приближении фронта к Ленинграду к нам прибыли начсостав и пожарные некоторых городских пожарных команд областных районов и города Выборга. Работать с ними на пожарах было легко: они отличались дисциплинированностью, исполнительностью, нетерпимостью к недостаткам и отлично несли службу, несмотря на то, что в большинстве своем это были люди немолодого возраста, и среди них были женщины.

Об Орехове, Степанове, Березовском, Закревском, супругах Борских и других я всегда вспоминаю с теплым чувством, так как они были намного опытнее меня и многих наших бойцов и младших командиров в тушении пожаров и многому нас научили. Из эвакуированных с территории, временно оккупированной врагом, был и мой ближайший

помощник — командир отделения Михаил Матвеевич Костяшкин, работать с которым было одно удовольствие — ему не надо было ни о чем напоминать, он все понимал с полуслова.

В целом состав караула и команды был сплоченным, боеспособным коллективом. За все время войны не было у нас случаев недисциплинированности, паники, трусости, невыполнения приказаний, нарушения постовой службы, нытья и недостойного поведения.

Добрым словом вспоминаю я своих соратников, не просто подчиненных, а в большей степени боевых товарищей: Ивана Ивановича Першина, Виктора Астахова, Новиченкова, Александра Яковлева, Сашу Лосева, Ивана Кичигина, Павла Морозова, Ивана Федорова, всегда улыбающегося и подтянутого Александрова и многих других, с которыми я работал на блокадных пожарах, переносил все тяготы блокады, нес нелегкую, но благородную и дающую огромное удовлетворение и чувство своей необходимости Родине службу на защите завода и города от огня.

На всю жизнь остались у меня светлые воспоминания о тех, кто не дожид до солнца Победы, кто погиб во время боевых операций на пожарах при артиллерийских обстрелах.

Отважный и инициативный помощник командира отделения Семен Назарюк предельно интересно, до дерзости самоотверженно решал задачи пожаротушения на своих позициях. Я знал: где Сеня Назарюк, выполнение боевой задачи обеспечено и не просто путем слепого повиновения командиру, а творческого преломления его указаний. Он погиб на пожаре нефтебаков на заводе от осколка вражеского снаряда. На этом же пожаре от вражеского артиллерийского снаряда погибла самая красивая девушка в нашей команде, певунья Мария Ермолаева. Она была на этом пожаре связной, и при переходе через зону обстрела для передачи приказа руководителя тушения пожара на один из участков не убереглась от вражеского снаряда. Она старалась как можно быстрее передать приказание и не укрывалась, а шла напрямик под снарядами. Всегда она заботилась о содержании общежития

девушек и была застрельщиком в вопросах чистоты и уюта в помещениях. Ее смерть оплакали девушки, а мужчины поклялись еще лучше работать на пожарах и не давать врагу уничтожить огнем нашу социалистическую собственность.

Командир отделения Коршунов, весельчак и балагур, любое дело «горело» в его руках, он был во всем мне опорой. Этот искрометный человек небольшого роста постоянно был в движении. Его голос слышался очень часто: то он разъяснял бойцам текущий момент и сводки «Совинформбюро», то распекал кого-то за нерадивость, то пел, сам себе аккомпанируя на гитаре. Руководство части направило его в школу младшего начсостава. Он погиб на пожаре на Боровой улице.

С огромным уважением к памяти павших я вспоминаю командира отделения Яликова, шофера Жинеимова, нашего хлебореза Аню Максимову, погибших в годы блокады.

Когда пожарная охрана была сведена в дивизию, мне и Ване Минаеву (Федя Матвеев ушел в Комсомольский противопожарный полк) поручили проводить с личным составом занятия по военной подготовке.

Был составлен и утвержден командованием план обороны участка, данного нашей команде на случай штурма города. Весь начсостав выезжал на место для ознакомления с укреплениями, которые мы должны были занять по особому распоряжению. Несколько раз проводились учебные тревоги «в ружье» с выездом всего личного состава на участок обороны и отработкой действий на местности по отдельным элементам развертывания взводов и рот против наступающего противника. Ежедневно выделялась патрульная группа — пять человек из состава свободного от дежурства караула с задачей борьбы против ракетчиков, подающих сигналы для самолетов противника. Эта группа во главе с помощником начальника свободного от дежурства караула патрулировала, вооруженная винтовками, по территории завода в часы воздушной тревоги. Нашими патрулями было задержано и передано в охрану завода несколько подозрительных людей.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

В блокадную зиму 1941–1942 годов несколько командиров Кировского РУПО, в том числе и я, были привлечены для выполнения специальных заданий органов государственной безопасности. По выполнении задания я возвратился в ВПК, а мои друзья Лебедев и Державин (оба из 64-й ВПК) остались постоянно в органах госбезопасности на работе и в гарнизон пожарной охраны более не вернулись.

Несколько раз в течение блокады нас поднимали по тревоге «в ружье» в связи с происшествиями на территории завода.

После второй бомбежки завод несколько свернул свою работу, большая часть рабочих была переведена на новую площадку в районе Пискаревки. Однако завод продолжал работать в тяжелейших условиях блокады: строил и ремонтировал корабли, выпускал для фронта артиллерийские платформы, орудийные и пулеметные доты, минометные установки, оборудование для легендарных «Катюш». Территорию завода заполнили воинские части, в большинстве — артиллерийские батареи, а водные причалы — корабли Краснознаменного Балтийского флота.

Однажды летом 1942 года мы были подняты «в ружье» и вместе с воинскими частями участвовали в задержании вражеских парашютистов.

В ночное время, глубокой осенью 1942 года мы были подняты «в ружье» по причине убийства неизвестно кем часового одной из воинских частей на территории завода.

Еще несколько раз поднимали по тревоге «в ружье» по команде коменданта завода. Нам доверяли прочесывание отдельных участков территории завода, потому что мы лучше других подразделений знали все уголки в помещениях цехов.

Наш личный состав горел желанием с оружием в руках защищать Ленинград. Не один десяток докладных и рапортов об отправке на фронт получило от нас командование РУПО. Но только десять или пятнадцать человек получили положительные ответы на свои докладные. Остальным было разъяснено, что мы выполняем важную задачу, и удовлетворить нашу просьбу нет возможности. Тех, кому разрешили идти на фронт,

я сам отвез на командный пункт где-то на проспекте Карла Маркса (ныне Большой Сампсониевский проспект). Некоторые, не удовлетворившись объяснениями, самовольно ушли на фронт, находящийся на расстоянии менее четырех километров и туда можно было попасть на любой автомашине, идущей в ту сторону. Из всех ушедших на фронт самовольно мне известна только судьба командира отделения Сергея Лутцева (со слов его брата, работающего на Кировском заводе). Он был командиром взвода и погиб в боях за город Ленина.

В расчете у нас было три автонасоса «ЗИС-5» и пожарный поезд. Когда на заводе не стало паровозов, пожарный поезд был выключен из боевого расчета. Всего на территории завода у нас был двадцать один пост и четырнадцать дозорных маршрутов.

Каждый метр заводской территории простреливался врагом, и не было дня, чтобы какой-либо участок не обстреливался, поэтому служба постовых и дозорных была сопряжена с опасностью для жизни. Для их защиты на постах и дозорах были установлены сварные металлические цилиндрические укрытия со смотровыми щелями. Эти укрытия предотвратили потери личного состава от артиллерийских обстрелов врага на постах и дозорах.

Иногда обстрелы были ураганными, иногда методичными, и снаряды падали в определенный квадрат с заданным интервалом. Бывали дни, когда обстрелу подвергалась вся территория завода. За годы фашистской блокады на территорию завода упало около пяти тысяч артиллерийских снарядов.

Наши бойцы Всеволодова и Матвеева были ранены во время несения постовой службы. Несмотря на опасность, наши постовые и дозорные отлично справлялись со своими обязанностями, ликвидировали загорания от артиллерийских обстрелов и бомбардировок и, тем самым, предотвратили большие пожары. Насколько я помню, при проверке несения постовой и дозорной службы у нас не было обнаружено случаев сна на посту или фактов отсутствия бойца на месте.

Я лично попадал под артиллерийский обстрел противника два раза (я не имею в виду работу на пожарах под арт-обстрелом).

Однажды я знакомил вновь прибывшего к нам бойца с одним из дозорных маршрутов. У третьего цеха мы попали под ураганный обстрел. Недалеко было укрытие — крытая щель. Однако я решил уходить из зоны обстрела. Где перебежками, а где ползком мы вышли из обстрела. Была весна. День был теплый, но еще лежало много снега, смешанного с водой. Когда мы двигались ползком, снег набирался в рукава, шинели промокли. Мокрые насквозь мы пришли в команду, а потом я отправился после обстрела на это место и увидел, что один из снарядов попал прямо в укрытие, которым я хотел воспользоваться, и разворотил его.

Как-то летом было совещание в РУПО, на котором присутствовал и я, как секретарь комсомольской организации. Возвращаясь с совещания на велосипеде, я попал под обстрел на проспекте Стачек. Я не стал укрываться, а мчался на велосипеде, не разбирая дороги. Подъезжая к зданию команды, уже на территории завода, я вновь попал под обстрел. Когда снаряд разорвался где-то недалеко, я бросил велосипед и скатился в укрытие для нашего личного состава.

Пожары на заводе были от вражеской бомбардировки, от артиллерийских обстрелов и других причин. Вот примеры пожаров.

Слышный издали оружейный выстрел, короткий свист, удар, разрыв. С потолка у нас посыпалась штукатурка, зазвенели стекла. Поняв, что снаряд упал где-то рядом, я выскочил из здания, в нос ударил какой-то незнакомый запах. Столб дыма поднимался над цехом №1 (громоздким деревянным сараем чугунолитейного производства), расположенным напротив здания команды (немного правее — и этот снаряд был бы у нас). Вместе с боевым расчетом по тревоге выехали начальник ВПК, его заместители, начальник караула и я.

Я работал со ствольщиком внутри цеха по тушению легкой дощатой крыши, горевшей на большой площади,

снаружи доносились глухие удары. Вдруг прекратилась подача воды. Я выбежал из цеха, увидел разорванные и пробитые осколками рукава и побежал к автонасосу, установленному на пирсе рядом со зданием ВПК. Находящийся у пробитого осколками автонасоса шофер Сапрыкин Петр Иванович доложил мне, что противник бьет по заводу зажигательными снарядами. В районе цеха №1 был кратковременный артиллерийский налет. Начальник команды, его заместители и начальники караулов — все на других пожарах. На территории у нас работают другие команды из города. Несмотря на повреждения кузова автонасоса, насос и мотор автомашины могут работать. Мы с Сапрыкиным проложили новую линию от автонасоса к цеху — пожар был ликвидирован, цех спасен.

Когда возвратились в команду остальные офицеры и личный состав, я узнал, что на заводе от обстрела зажигательными снарядами возникло восемь пожаров, и по каждому очагу с появлением дыма противник открывал ураганный огонь фугасками. К счастью, потерь среди личного состава не было.

В ясный солнечный день летом более двухсот самолетов наших и противника (по моим личным подсчетам) вступили в ожесточенное воздушное сражение на территории завода. То один то другой самолет, вдруг задымив, падал вниз, оставляя за собою шлейф, и трудно было разглядеть, чей это истребитель. В небе гудело, раздавалась пулеметная дробь, крутилась карусель делавших фигуры высшего пилотажа самолетов.

Самолеты падали в залив (видно, немцы хотели прорваться к Кронштадту, его жестоко бомбили в эти дни), а в воздухе было три-четыре парашютиста — летчики с подбитых истребителей. Наблюдая за этим сражением, мы видели, как непосредственно над нами подбили самолет, и он, объятый пламенем, стал падать. От него отделился комок и развернулся парашют. Самолет падал прямо на нас, и мы различили красные звезды на его крыльях. Значит, летчик наш! На летчике горела одежда, и то ли от огня, то ли от обстрела кружившего рядом фашистского

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

стервятника стропы парашюта оборвались, и летчик стал свободно падать. Самолет в воздухе развалился, и горящая моторная часть упала на территорию завода. Летчик упал на цех № 6, остатки самолета на цех № 15. Все три отделения дежурного караула выехали на пожары в цеха № 6 и № 15 и на тушение горячей моторной части.

В зимний морозный день, когда не было ни обстрела, ни бомбежки, прозвучала тревога. На «путевке» было написано, что горел склад оборудования — большое двухсветное одноэтажное бетонное здание, усиленно охраняемое и используемое под хранилище боеприпасов для кораблей. По приезде мы установили, что на складе горят ящики с бутылками противотанковой зажигательной смеси. Горящая жидкость разбрызгивается и разливается, поджигая все вокруг. У деревянной неоштукатуренной перегородки, где были сложены ящики, с другой стороны мы увидели три глубинных бомбы, каждая больше человеческого роста. Я не знаю причины возникновения этого пожара (говорили, что поджог). Знаю одно, если бы мы замешкались в дороге или в процессе тушения — трудно себе представить результаты. Несмотря на то, что в огне бутылки лопались, и горящая жидкость в радиусе до пяти метров поливала все вокруг, наши пожарные бесстрашно ликвидировали очаг огня и вынесли из него не горящие ящики с бутылками.

В мае 1943 года, когда противник систематически обстреливал хранилища горючего в городе, и мы подверглись неоднократному артиллерийскому нападению на заводскую нефтебазу.

В одну из этих атак противник начал методичный обстрел района нефтебазы завода. Вскоре, как и ожидали, произошел сигнал тревоги. В это время я был уже заместителем начальника команды и выехал на первой машине, имея в «путевке» адрес цех № 16 (кислородно-ацетиленовая станция). Начальник команды в момент тревоги был на проверке постов. Когда мы проследовали через зону обстрела и прибыли в цех № 16, начальник цеха сообщил мне, что позвонил в ВПК о пожаре на нефтебазе, приняв за

пожар пыль от разрыва снаряда. Вдруг густые клубы черного дыма, расширяясь кверху, поползли по ветру — снаряд прямым попаданием угодил в один из резервуаров с мазутом, сорвал с него крышу, расцветив огромную шапку огня. Рядом с горящим резервуаром стоял еще один — с мазутом, на территории базы находилось много мелких хранилищ и бочек с горючим и легко воспламеняющимися жидкостями. Горел резервуар (большой) с мазутом, насосная установка, горючее, вытекающее из других емкостей через пробойны и деревянные конструкции крыши резервуара.

Местность вокруг нефтебазы открытая. У ее причала стояла барка с мазутом, называвшаяся «Не тронь меня» (когда-то это был грозный русский броненосец, его макет находится в Центральном военно-морском музее в Ленинграде). Враг не прекращал обстрела, я сообщил о сложившейся обстановке в ВПК по телефону цеха № 16 и о принятом мною решении. До темноты под обстрелом работали мы на этом пожаре под руководством Бориса Ивановича Кончаева, отстояли остальные резервуары и все остальные емкости, спасли нефтебазу, сохранив, тем самым, столь дорогое для Ленинграда горючее. Сложность обстановки усугублялась открытой местностью (без каких-либо укрытий и зданий). На этом пожаре мы потеряли убитыми двух наших славных товарищей: помощника командира отделения Семена Назарюка и связную Машу Ермолаеву. Потери понесли медицинская служба и состав воинских частей, оказывающих помощь в тушении пожара. После гибели Марии Ермолаевой выделенная в распоряжение Бориса Ивановича связная Валя Шумская, под разрывами снарядов передавала его сообщения командирам подразделений, прибывших к нам из города.

Трудно рассказать обо всех пожарах, да и многое уже изгладилось из памяти (к сожалению, память человеческая несовершенна). Горели во время войны цеха №№ 2, 3, 8, 15, обрубочный и другие. Были пожары на боевых кораблях, стоянка которых во время войны была на заводе.

Хочется отметить в работе на пожарах два момента, которые, на мой взгляд, имели принципиальное и важное значение.

Первое — нигде, ни на одном пожаре (а большинство их приходилось тушить под артиллерийским огнем противника), не нашлось ни одного пожарного, который проявил бы малодушие, трусость или недисциплинированность. Все работали отважно, каждый считал долгом быть на самом опасном и сложном участке.

Второе — наши потери на пожарах были минимальными по сравнению с другими службами и воинскими частями, участвующими в тушении пожаров. В этом сказалась действенность указаний штаба пожаротушения города о работе пожарных команд под артиллерийским обстрелом. Я их очень хорошо запомнил, они служили показателем заботы о личном составе и были большим подспорьем и руководством к действию начальствующего состава пожарной охраны на пожарах, начиная с командира отделения и заканчивая руководителем тушения. Эти указания, составленные в различных аспектах (инструкции, планы занятий, указания для начсостава, разработки для политинформаций и т.п.), имели своей целью обеспечить наибольшую эффективность тушения пожара в условиях артиллерийского обстрела при минимальных, а бы сказал, неизбежных потерях личного состава.

Я рассказываю только о пожарах, оставивших наиболее глубокие следы в моей памяти. Я не претендую на тактический анализ тушения этих пожаров, на разбор хода ликвидации их (да я этого и не помню), на исследование действий личного состава, я просто вспоминаю факты.

Пожаров было много, один выезд сменялся другим, и особенно усилилась нагрузка зимой 1941–1942 годов, когда ухудшилось состояние личного состава городских пожарных команд и ощущали недостаток бензина в городе.

Чуть ли не ежедневно одно отделение из нашего боевого расчета выезжало на пожары в город. Когда я вставал

утром и смотрел в сторону города, я всегда видел один-два столба дыма. Работа на пожарах в городе происходила в обстановке нехватки воды для тушения и бензина для автонасосов, в лютые морозы — без возможности погреться. После того, как нас отпускали с пожара домой, мы следовали в команду в обледеневшей, негнущейся одежде на открытой машине. Резкий ветер застилал слезами глаза, резал лицо, руки и ноги не чувствовались.

Следовать на пожар и с пожара было трудно: улицы покрыты сугробами, среди которых дороги нет, а есть только тропинки, протоптанные в снегу, который никак не убирался. Однажды мы, возвращаясь с пожара, заехали в сугроб. Помогая друг другу, все сошли с машины и пытались ее толкать. Подложить под колеса ничего не нашли, и ни одна машина не проезжала мимо нас — некому было нас выдернуть. На лютом морозе до полной темноты пытались мы вытащить машину из сугроба... И только когда сняли с себя брезентовые куртки и подложили их под колеса, автонасос вышел на твердый наст. Самоотверженно работали наши водители боевых автомашин: Колобов, Сапрыкин, Засыпкин, Павлов, Анисимов, Васильченко, Черкашин. Они не только выезжали на пожары, но и ремонтировали автонасосы, пострадавшие от вражеского обстрела. Бензин был плохой, бензопровод автонасоса часто засорялся: водитель снимал рукавицы, брал на морозе металлическую трубку бензоподачи и продувал ее, оставляя на губах кровотокающие язвы.

Как тушить пожары, если нет воды, если в топливном баке автонасоса бензина только, чтобы прибыть на пожар, если пожарный из последних сил поднимает лом и держит ствол, если он не имеет права уйти в убежище и должен работать под артиллерийским огнем, разрывами бомб и пулеметным обстрелом с самолетов противника? Молодому поколению это трудно представить. Ленинградские пожарные работали, не смотря на всю сложность и тяжесть блокадного времени.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

*Командиры штаба пожарной службы МПВО
М.Н. Демьяненко, В.И. Румянцев, Б.И. Кончаев, Г.М. Кулаков, Г.Г. Тарвид*

Вот некоторые примеры, как наши руководители тушения пожаров (я бы назвал их асами пожаротушения), с которыми мне пришлось работать на блокадных пожарах, находили наиболее рациональный и единственно правильный прием ликвидации огня в каждом конкретном случае. Нас, тогда молодых пожарных работников, учили этому: Кончаев Б.И., Тарвид Г.Г., Голубев С.Г., Беззуб, Саркисян.

Когда наше отделение прибыло на пожар на улицу Решетникова, горела одна секция пятиэтажного жилого дома, и огонь бушевал в подвале, на этажах и чердаке. На месте нас встретил руководитель тушения пожара С.Г. Голубев, подразделений не было. С.Г. Голубев изложил нам нашу задачу: не допустить перехода огня через лестничную клетку из горящей в соседнюю секцию. Сам он уехал на другой пожар, но обещал вернуться к нам. Одним стволом «Б», всемерно экономя воду (ее нам будет привозить автоцистерна), нам предстояло не допустить распространения огня на не горящую часть дома. Я непрерывно был в разведке: в этажах, в подвале, на чердаке. Отделение работало со стволом. Если было необходимо ствол

подать на чердак, а он был в подвале, на всю высоту дома мы поднимали его по лестнице. Если огонь наиболее интенсивно развивался в четвертом этаже — ствольщики поднимались туда, если в подвале — работали там. При переносе ствола воду перекрывали заломом, но мороз не шутил, и линия часто замерзала. Работать было трудно: мы залили всю лестницу водой, и она превратилась в каток: вниз мы ехали на ногах или на брюках, а вверх поднимались, цепляясь за перила. В нашей работе были перерывы — мы ждали воды: за это время рукава замерзали. Нам на грузовой машине привезли много рукавов в преддверии того, что линия будет замерзать.

Не дали мы огню пройти через лестничную клетку, вскоре перекрытия горячей секции обрушились, огонь начал ослабевать. Задача, поставленная перед нами руководителем тушения пожара, была выполнена. Значительная часть дома была спасена.

Другой пример решения боевой задачи в условиях недостатка воды. На улице Розенштейна горели пятый этаж и чердак угла дома. Неизвестно, где было искать гидранты — указателей нет. Улица вся была завалена снегом.

Как молоды мы были

Руководитель тушения пожара Саркисян послал наше отделение на чердак. Трех человек я отправил носить снег, и они в ведрах носили его с улицы. Снегом мы забрасывали горящие конструкции и стесывали обрешетку кровли и стропила, по которым шел огонь, топориками. Когда я доложил Саркисяну, что его указание выполнено и что мы ликвидировали огонь на чердаке, он обнял меня и расцеловал при всех.

В Автово горело пустующее здание бывшей рабочей столовой — большой деревянный барак. Когда мы прибыли на пожар, там был только руководитель тушения — Беззуб. Рядом с горящим бараксом мы обнаружили гидрант, но давление было очень слабое и больше одного ствола литер «Б» мы дать не могли. Пожар распространялся. Невдалеке двигался танк, Беззуб послал меня остановить его и попросить танкистов отрезать горящую часть. Танкисты отнеслись с пониманием к нашей просьбе и ювелирно, как ножницами, сделали это. То, что осталось после этого, мы потушили одним стволом «Б». Пожар был ликвидирован, значительная часть здания сохранена.

Кроме перечисленных случаев мне лично с отделением нашей команды пришлось работать на пожарах жилых домов на Лиговской улице, Сенной площади, школы на набережной Фонтанки и многих других, адресов которых я уже не помню.

В конце 1941 года или в начале 1942 года начальником пожарной команды был назначен младший лейтенант Алексей Павлович Блохин. По складу характера он был энергичный, волевой и справедливый командир. Вместе с начальником команды сменилось у нас все руководство, из «старых» остались старожил П. Н. Стукалкин и я, назначенный начальником караула.

У нас не было электричества, воды, радио, канализации. Окна первого этажа засыпаны песком и защищены досками. Воду привозили только на кухню для приготовления пищи. Не умывались, тепла не было, грелись у металлических печек-временок.

Дежурства проходили пассивно. Все, кроме постовых и дозорных, с рассвета и до отбоя лежали на топчанах. В завтрак, обед и ужин шли в столовую, брали каждый свое питание и расходились по своим углам, где пишу съедали. От выезда до выезда темнота, тишина, только светятся огоньки сигарок, бока печки, да одиноко горит коптилка на столе дежурного по команде. Политинформаций и занятий нет. Отсутствие какой-либо деловой деятельности, кроме работы на пожарах, сказалось и на внешнем виде наших пожарных: у всех поверх ватников были одеты шинели, сверху — боевая одежда, на голове — подшлемник, на нем — шапка и каска. Былой подвижности уже не было, и люди в боевой одежде и в касках лежали на топчанах, ожидая тревоги.

Когда новый начальник распорядился расшить окна и в помещения хлынул дневной свет, бойцы увидели себя, заросших грязной щетиной, с лицами, покрытыми черной коркой грязи. Увидели грязную, прожженную, порванную, без пуговиц боевую одежду и закопченные помещения, давно немые полы, черные стены и потолки с бахромой копоти.

Алексей Павлович произвел осмотр нательного и постельного белья личного состава, а также повседневного обмундирования, и увидел, что все это заношено и засалено до черноты и давно не стиралось.

Не всем понравились первые распоряжения Алексея Павловича: принимать пищу только в столовой, снять с тумбочек замки, начальникам караулов спать в тех же общежитиях, где находится личный состав караула, не появляться без надобности в помещениях в боевой одежде и шинелях, на день топчаны собирать (они у нас были раскладными). Одно из его распоряжений касалось того, чтобы всем делить хлеб на три части: для завтрака, обеда и ужина. Однако мы, молодые, получив хлебный паек, сахар или масло тут же съедали их без остатка, так нам казалось сытнее. Начальник пожарной команды возобновил занятия и политинформации, караулы стали получать твердое задание на дежурные сутки и неукоснительно соблюдать распорядок дня.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Под руководством Алексея Павловича Блохина мы выходили всем составом и лопатами пробивали солидный в ту зиму лед у причалов, делали прорубы, обеспечивая себя водой для тушения пожаров. Под его руководством сделали солидное убежище рядом со зданием команды, и теперь могли укрываться от бомб и снарядов.

Присмотрев на территории завода домик, начальник распорядился оборудовать баню. Выделил банщика, и в скором времени все помылись в бане. В дальнейшем могли мыться и париться в ней при первой возможности и при своей охоте. Прослужила нам эта баня недолго — прямое попадание снаряда положило ей конец. В цехе №6 было найдено помещение с двумя большими емкостями для воды. Там оборудовали баню, и теперь одновременно мылся весь личный состав караула по сменам (мужчины и женщины).

В цехе №1 (литейном) сушильную печь приспособили для тепловой обработки матрасов, постельных принадлежностей, белья, одежды. Там же в одном из помещений оборудовали прачечную. Дежурный караул обеспечивал ее, наряду с кухней, водой и дровами.

Теперь никто не мог ходить небритым, нестриженным и в рваных сапогах: в дежурном помещении у одного окна разместился «парикмахер» Саша Лосев, у другого — «сапожник» Иван Кичигин, каждый со своим инструментом.

С разбитого парового крана сняли котел и установили в сушильной башне, сделали отвод дыма, подключили внутреннюю теплосеть, и в помещениях стало тепло. Печи-временки выбросили. В команде сделали косметический ремонт — везде стало чисто.

На заводе нашелся стеарин, воск и парафин — мы наладили производство свечей, которыми заменили коптилки.

Алексей Павлович организовал «экспедицию» на поля совхоза «Предпортовый» и на брошенные частные огороды за замороженными, находящимися под снегом, овощами.

С наступлением темноты командир отделения Новиченков, энергичный и всегда улыбающийся неунывающий

человек, гармонист и плясун, и двое рядовых: Бобров и Минин, взяв сани и мешки, надев белые халаты, уходили к передовой и под утро возвращались с мороженой капустой и другими овощами. Почти всю зиму 1941–1942 годов возили наши товарищи мороженые овощи, пока однажды вместо мешков с довеском к питанию, не привезли Минина без ног. Ноги ему оторвала фашистская мина.

С наступлением весны 1942 года меня, как ленинградца, Алексей Павлович послал доставать семена, а личный состав начал разработку почвы под огород на одном из участков территории завода. В одном из семенных магазинов мне объяснили, что мы можем получить огородные семена на улице Зодчего Росси. Семена мы получили, огород был посажен, работники для постоянной работы на нем выделены. У нас стало свое подсобное хозяйство, зелень и овощи к столу.

Алексей Павлович Блохин строгим и требовательным начальником. Нескольким раз за ночь в каждом карауле бил тревогу, пока не научил бойцов надевать боевую одежду в нормативное время, лично с дежурным караулом разучивал немые сигналы. С его приходом установился строгий порядок, при котором приехавшие с пожара всегда находили кипяток и днем, и ночью.

Замполитом к нам пришел Петр Парфентьевич Евдюлимов. Не терпящий затворничества, он всегда был с бойцами, беседовал с ними, шутил, вникал во все их нужды и быстро завоевал симпатии личного состава. Он добился того, что в его кабинете заработал репродуктор, и каждое утро, на расчете, Петр Парфентьевич сообщал сводку Совинформбюро. В дежурном помещении и в Ленинской комнате замполит вывесил большую карту Советского Союза и четко, флажками, обозначал линию фронта на каждый день.

Евдюлимов быстро установил контакт с воинскими частями и кораблями, находящимися на заводе. Очень часто бойцы бывали в этих подразделениях в гостях, когда там демонстрировались кинофильмы или выступали бригады ленинградских артистов. Помню, какое огромное

Проведение политзанятия с личным составом

впечатление произвел на нас фильм «Два бойца», который мы смотрели всем караулом в воинской части, расположенной на фабрике-кухне завода.

Бойцы и командиры соседних подразделений гарнизона завода и кораблей тоже посещали нас. Петр Парфентьевич направил эти посещения в нужное русло. На таких совместных вечерах наши баянисты Новиченков и Большаков играли, под их игру танцевали, пели, плясали. Многие участники таких вечеров исполняли что-либо сольно. Образовалась хорошая, веселая, смешанная самодеятельность, в которой выступали вперемешку парни и девушки от нас, воинских частей и кораблей. Очень часто наши товарищи Лосев и Морозов показывали интермедию «Стрижем и бреем», высмеивающую Гитлера, а моряки исполняли на эту же тему куплеты на мотив «гоп со смычкой». Наша девушка Всеволодова исполняла распространенную тогда «Песню креолки», а Тамара Иванова из батареи звукооразведки пела «Землянку». Гвардейские артиллеристы — «Катюшу» на слова своего сочинения. В общем, эти вечера поднимали дух не только у наших товарищей. Часто на такие вечера к нам приходил комбат звукооразведки капитан-лейтенант Лонский. Вместе с другими

исполнителями на вечерах выступал и Петр Парфентьевич с импровизацией, пародирующей номера иллюзионистов.

Я запомнил Петра Парфентьевича как славного душевного человека, коммуниста — нашего политического вожака. На пожарах он увлекал за собой бойцов и был неизменно там, где решалась судьба пожаротушения. Умел воодушевить бойцов, вселить в них мужество и отвагу.

Однажды на пожаре шофер Черкашин не смог сразу дать воду. Это вызвало чрезмерно нервную реакцию. Бойцы и командиры кричали и требовали подачи воды. От этого Черкашин растерялся еще больше. К нему подошел Евдюлимов (до конца пожара он был «водителем» боевой пожарной автомашины) и, не отстраняя Черкашина, спокойно, приговаривая «не торопись», стал ему подсказывать, что нужно делать. Насос забрал воду и обеспечил необходимое давление в рукавной линии.

Активно стали работать партийная и комсомольская организации, ежедневно выходили боевые листки и ежемесячно — стенная газета. Во всех делах коммунисты были всегда в первых рядах. На пожарах — в наиболее трудных и опасных местах, вдохновляя бойцов на решительные и самоотверженные действия. Лучшие из лучших вступили в партийные ряды.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Художественная самодеятельность

Партийная работа в команде (секретарь парторганизации Цевлев) была поставлена хорошо. Пассивных коммунистов не помню. Коммунисты охотно выступали с беседами, разъясняли приказы командования, пропагандировали опыт отличившихся. Было холодно, голодно, нелегко было тушить пожары в условиях блокады, но уныния, хныканья не было. Коммунисты были первыми помощниками начсостава в организации боевой учебы, в движении за мастерство.

Соревнования по игре в бадминтон. Первый слева Б.И. Кончаев

В 1942 или 1943 году, наряду с другими пожарными командами, нашей ВПК было присвоено звание «Передовая пожарная команда города Ленинграда», разрешено было нанести на боевые машины эмблемы, обозначающие это звание. Большинство личного состава сдало зачеты на звание «мастер своего дела».

На партийных собраниях была острейшая критика. Активисты, выступающие на них, меньше говорили об успехах, а больше шел разговор о недостатках. Среди многих митингов, проведенных в ВПК в блокаду, два были посвящены приему нового пополнения: один раз принимали девушек, а второй — приветствовали прибывших из различных областей страны на укрепление ленинградской пожарной охраны.

К нам пришло много ленинградских девушек, и они очень хорошо выполняли свои служебные обязанности, прекрасно работали на пожарах и отлично несли постовую службу. Очень многие из них вступили в члены ВЛКСМ: Рая Ползикова, Варя Бучина, Аня Дмитриева, Надя Голова, Валя Шумская, Лида Глыбина, Нина Пятакова, Нина Федорова и другие.

Когда в помощь ленинградской пожарной охране прибыло пополнение из различных областей страны, в нашу команду пришли товарищи Васильченко,

Как молоды мы были

Анапко и другие. Они очень быстро вошли в коллектив и выполняли свои обязанности не хуже коренных ленинградцев.

В то время я был секретарем комсомольской организации команды. Наши комсомольские собрания в большинстве были открытыми. Среди комсомольцев были активисты-читчики, проводившие коллективные читки газет. Когда выдавалась свободная минута, читчик вслух читал газету, после прочитанного завязывалась беседа.

Комсомольцы составляли большую часть личного состава. Вместе с коммунистами они были впереди во всех делах, являя собою пример выполнения долга перед Родиной в суровую годину войны и блокады.

Как секретарь комсомольской организации, я постоянно чувствовал руководство парторга П. П. Евдюлинова и практическую помощь старого коммуниста Стукалкина Павла Николаевича, награжденного за отвагу и мужество, проявленные при тушении пожаров осенью 1941 года орденом Красной Звезды.

В Кировском райкоме ВЛКСМ часто собирали секретарей комсомольских организаций, был организован цикл лекций и практических занятий по военной подготовке, тактике уличных боев, изучению оружия, методике обучения бойцов, совершенствующих боевую готовность комсомольцев.

Однажды ночью меня разбудили по тревоге из РК ВЛКСМ, я оделся и быстро пошел в Кировский райсовет, где размещался райком. По прибытии туда я увидел, что собралось много секретарей комсомольских организаций. К нам вышли секретари РК ВЛКСМ Чернецов и Мокшев и сообщили, что по решению Горкома ВЛКСМ создается комсомольский отряд для заброски в тыл врага и спросил, кто желает записаться в это подразделение — все встали как один. После этого Чернецов сказал, что тревога и подъем для секретарей комсомольских организаций прошли успешно и показали боевую готовность вожаков, объявил сбор законченным и поставил очередные задачи.

Часто собирали нас, комсorghов, политотдел УПО и политчасть РУПО. На наших активах присутствовали начальник политотдела Гансон и пом. нач. по комсомолу Аврамков Н. И. Из всех трудностей невероятной силы в Ленинграде, лишенном воды, топлива и света, самым страшным явлением был голод. Продовольственная норма работников пожарной охраны была такой же, как и у рабочих — 250 граммов хлеба в день. По инициативе руководства команды и стараниями Новиченкова, Боброва и Минина мы имели возможность добавлять в пищу мороженые овощи.

От истощения у нас в команде умерло пять человек. Я помню фамилии четверых: командиры отделений — Яликов и Никитин, рядовой Росляков, шофер Анисимов. Все они были людьми уже пожилого возраста, не выезжавшие на пожары. Фамилию пятого я не помню. Это был молодой парень, в целях наживы постоянно продававший свой хлеб и не употреблявший его в пищу.

У начальника караула Ивана Григорьевича Пахомова умерла в Ленинграде жена, и у нас в команде появился его сын, мальчик лет четырех-пяти. Иван Григорьевич мыл его, кормил из своей тарелки. Несмотря на трудное время, мы все, чем могли, старались помочь ему, приносили ребенку то конфетку, то кусочек хлеба. На собрании личного состава решено было взять мальчика на воспитание и заботиться о нем всем коллективом. Так и сделали. Впоследствии всю заботу о мальчике взяла на себя телефонистка Шагина. После снятия блокады Шагина и Пахомов поженились.

В январе 1942 года пожарные были приравнены по снабжению продовольствием к бойцам передовой линии фронта. Наше положение начало улучшаться.

Вместе со всеми ленинградцами блокаду переживали мои родители. Отец Грибов Григорий Иванович, член партии с 1921 года, получал небольшую пенсию как инвалид гражданской войны. Мать — Анна Алексеевна работала в типографии «Красный печатник».

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

С началом войны брата Бориса и сестру Лидию эвакуировали из Ленинграда. Его — с заводом, где он работал, ее — со школой, где она училась. В эвакуации брата призвала в Красную Армию, он окончил училище, был на фронте и погиб в Чехословакии в день нашей Великой Победы 9 мая 1945 года. Сестра возвратилась в Ленинград в 1944 году после снятия блокады.

В блокадное время я часто навещал отца и мать. Делился с ними, чем мог: приносил им вино, водку, масло сахар.

Как-то раз пожарный моего караула Виктор Астахов сообщил мне, что ребята раздобыли где-то лошадь и разделали ее. Мясо лошади они отдали на кухню, а одну заднюю ногу по разрешению начальника команды решили отдать мне, чтобы я отнес ее родителям. Меня растрогала забота бойцов обо мне, и я горячо поблагодарил их. Когда я на этот раз отправился к родителям, за плечами у меня был мешок, и лошадиная нога с блестящей подковой возвышалась над моей головой как своеобразный штык. Родители жили на Калашниковской набережной (ныне Синопская набережная). Домой я ходил по следующему маршруту: проспект Стачек, улица Шкапина, набережная Обводного канала, Лиговский проспект, Суворовский, улица Моисеенко. За мною следовала большая толпа народу, и каждый предлагал все, что угодно: золото, серебро, драгоценности, деньги — за эту лошадиную ногу. Я принес ногу домой отцу с матерью.

4-го января 1942 года отец умер. С документами отца я пришел в отделение милиции, где участковый уполномоченный, сам истощенный до невозможности, принимал посетителей, заявлявших о смерти родных. Народу у него было много. Он составлял документы со слов заявителей. В кабинете у него стояла кровать и, по всему было видно, что на своем месте он проводит круглые сутки. Оформив документы на отца в милиции, поликлинике и ЗАГСе, я вернулся домой. Мать стала обмывать отца и одевать во все чистое и лучшее, а я топором разломал буфет и скотлил из досок

ящик — некоторое подобие гроба. Мы положили отца в этот ящик и вынесли его с пятого этажа на улицу, поставили на детские саночки и привязали. Привезли отца на Большеохтинское кладбище, выбрали место неподалеку от входа и пытались выкопать могилу.

На площади при входе на кладбище возвышалась большая куча трупов, церковь на кладбище почти до крыши была завалена трупами со всех сторон. Это были умершие от голода ленинградцы: мужчины, женщины, дети. Трупы были в гробах (ящиках вроде нашего), обшитые материей и простынями, без гробов, без обшивки, в одежде и голые.

Лом со звоном отскакивал от промерзлой земли, лопата гнулась, и даже маленькой ямки не могли проковырять. Мать встала на колени, поклонилась праху отца, заплакала и сказала: «Прости, Гришенька, что не можем тебя похоронить и оставляем так». Мы подвезли отца к навалу трупов, и там оставили его. Молча попрощались с отцом, и я проводил мать домой. С сердечной болью оставлял я мать одну дома. Ее было не узнать — она ссохлась, стала маленькой, ходила с палочкой, тяжело передвигая опухшие ноги.

Вскоре я навестил мать, но дома ее не застал и не дождался, а спросить о ней было некого. При втором моем посещении нашей квартиры в ней было холодно, все говорило о том, что здесь никто не живет: двери раскрыты, квартира пуста, через разбитые окна на пол намело снег.

Я очень обрадовался, когда через некоторое время получил письмо от мамы. Она была мобилизована на лесозаготовки в район Тихвина, и там, на свежем воздухе, в условиях тяжелого физического труда и улучшенного питания, стала поправляться и крепнуть. Возвратилась она в Ленинград после снятия блокады, умерла в 1968 году. До последнего своего вздоха она ждала и надеялась, что ее сын Борис вернется с войны.

Когда я посещал родителей, я наблюдал жизнь улиц блокадного Ленинграда. Об этом много написано: вой сирен, залпы зениток, удары бомб и снарядов, грохот рушащихся зданий, судороги почвы

Как молоды мы были

под ногами, люди, тянущие санки с завернутыми в одеяла и простыни мертвецами. Город в сугробах, через которые проложены тропинки. На рельсах трамвай, имеющие над крышей чистое небо без контактных сетей, у обочин — занесенные снегом обледенелые троллейбусы.

Из всех дней моих походов домой мне особенно запомнился один — 6 ноября 1941 года. Только я вышел из дома, чтобы вернуться в часть, завывли сирены воздушной тревоги. Сгущались сумерки, мела поземка, видимость была плохой, а фашисты все-таки прилетели и стали бомбить. Время от времени слышался привычный уже свист бомбы, удары-разрывы. Все было закрыто мглой, самолетов не было видно, зенитки молчали. На Суворовском проспекте особенно близкий свист (тогда мы умели отличать по свисту бомб и снарядов ориентировочное место падения их) заставил меня броситься на землю. Лежа, я прижался к цоколю дома. Последовал удар разрыва. Для меня это был удар снизу — меня ударила земля, содрогнувшись в судороге. Продолжая свой путь по Суворовскому проспекту, я обнаружил место падения этой бомбы — она угодила в центр перекрестка у 5-й Советской улицы. Недалеко от перекрестка стояло двухэтажное здание особняка, в котором размещалась детская библиотека, которую я в детстве часто посещал. Здание от падения бомбы разрушилось до основания. Воронка еще дымилась и источала запах взрывчатки. Сейчас на месте библиотеки построен большой многоэтажный дом.

Когда я дошел до Новокаменного моста, я услышал голос. Кто-то что-то говорил. Я долго не мог понять, в чем дело. Постепенно я разобрал голос Иосифа Виссарионовича Сталина и понял, что это радиотрансляция. Я удивился: воздушная тревога — радио в это время обычно молчит, а тут — говорит, да и не только говорит, а передает доклад товарища Сталина о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Прилив хороших чувств, уверенности в том, что победа не за горами, охватил меня. Я запел и так под свист бомб шел в часть из дома и пел.

Запомнился мне особенно летний день 1942 года. Я участвовал в соревнованиях по стрельбе на стадионе «Динамо». Добирался туда на трамвае, трамвайное движение уже возобновилось. Однажды трамвай (номер маршрута не помню) на котором я ехал, остановился, не доехав до Невского проспекта — начался обстрел. Я дошел до перекрестка Невского и Владимирского проспектов и зашел в вестибюль кинотеатра «Титан», решив переждать обстрел. В вестибюле находилось много людей, и через стеклянную дверь мы увидели, как снаряд попал в окно подвальчика, расположенного на противоположной стороне проспекта. В этом подвале размещалась столовая, и люди в это время обедали, заполнив все помещение. Когда мы выбежали из вестибюля и перебежали на другую сторону для оказания помощи попавшим под снаряд людям, из окон на улице изливалась вода. Помещение было заполнено водою до уровня окон, и что находилось в воде, трудно было различить. В живых никого не было.

Когда в городе возобновилось трамвайное движение, первоначально трамвай ходил только до Нарвских ворот. Вскоре рабочие Кировского завода сделали городу подарок. Они передали на трамвайную колею колесные пары маневрового паровозика, прицепили к нему две открытых платформы, и этот паровозик долго служил людям, подвозя пассажиров от Нарвских ворот к Кировскому заводу и обратно. В народе его любовно называли «Жди меня и я вернусь».

Первый блокадный сбор я прошел в конце 1941—начале 1942 года по противохимической обороне. Из преподавателей мне запомнился Альфред Борисович Гори, а из тех, кто интересовался нашей учебой и бытом — Георгий Георгиевич Тарвид. Он понимал, что мы в нашем общежитии — большом актовом зале КУОСа (*Курсов усовершенствования офицерского состава*) у Калинкина моста, при температуре наружного воздуха до минус 40 градусов по Цельсию, мерзнем и распорядился поставить у нас печь-временку (отопление здания не работало) и большой питьевой бак. В обязанность дневального он вменил наполнять этот

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

бак кипятком из кухни. Благодаря этому в то суровое, тяжелое, а главное для нас — холодное время, мы всегда имели возможность погреться горячим кипятком. Несмотря на все трудности, курсанты аккуратно конспектировали, отвечали у доски и сдавали зачеты.

Вторые сборы были посвящены целиком военной подготовке и проходили на стадионе «Динамо». Программа сборов была разносторонней: преодоление полосы препятствий, строевая, тактическая и огневая подготовка и даже форсирование водной преграды. Для форсирования нас распределили по подручным средствам. Четверке, в которую входил и я, досталось бревно. Когда началось форсирование, мыплыли, держась за перекладыны, прибитые к обоим его концам. Все участвующие в форсировании, плывущие на бочках, с досками, на плотках, с бревнами, были в одежде с полной боевой выкладкой. Среди нас в лодке плыл генерал Сериков и подбадривал нас. Мы доплыли до середины Невы, повернулись обратно и благополучно, без потерь, выбрались на сушу.

Третьи сборы в 22-й ВПК имели своей целью подготовку одновременно в военном и пожарно-тактическом отношении. На вторых и третьих сборах я был в роли командира отделения.

И на вторых и третьих сборах руководителем их был службист до мозга костей капитан Платонов, знавший службу до тонкости, и от этого любое дело оборачивалось для нас неожиданно. Например, один из нас заявляет капитану, что натер ногу. Следует команда: «всем сесть!». Каждый, к кому подходит Платонов, снимает сапоги и разворачивает портянки. После этого начинаются продолжительные занятия «вне программы» по заворачиванию портянок, так как оказалось, что более половины из нас не умеют их заворачивать. И так — во всем, подмечая каждую мелочь, капитан Платонов учил нас. Мы не знали, когда он спал: днем он учил нас, по ночам проверял службы внутреннего наряда и делал нам тревоги «в ружье». Утром, когда дежурные докладывали ему, он уже был на ногах, неизменно подтянут, побрит,

имел свежий чистый воротничок, пуговицы и сапоги его были начищены. Мне кажется, что не только мне, но и очень многим офицерам ленинградской пожарной охраны эти сборы дали много хорошего и полезного.

Несколько человек от нас во главе с командиром отделения Роговым были отправлены для обслуживания «Дороги жизни». В часть они больше не вернулись.

Весной 1942 года вместе со всеми ленинградцами мы чистили город от льда и нечистот на проспекте Стачек.

УПО и РУПО в годы блокады уделяли большое внимание спортивной подготовке пожарных. Каждую весну в парке имени 1-го Мая (ныне парк *Екатерингоф*) проходил у нас весенний кросс, а зимой — лыжный переход на десять километров.

В летнее время в блокадные годы на стадионе «Динамо» проходили соревнования по стрельбе из различных видов стрелкового оружия, в которых я принимал участие. Так же, как и весь личный состав Кировского РУПО, мы работали на подсобном хозяйстве, где переползая между грядками, сажали овощи и картофель. Сменившись с дежурства, я вел свой караул на подсобное хозяйство, находил там начальника — инспектора ОМТО РУПО Николая Николаевича Севастьянова и получал от него задание. Николай Николаевич не тушил пожары, не шел со стволом через огонь, но он дни и ночи проводил под вражескими снарядами. Для защиты личного состава он построил щели-укрытия, а для себя — штабную землянку. Инициатива, бесстрашие и умелое руководство Николая Николаевича, его организаторско-хозяйственные способности не только обеспечивали хороший урожай, но и возможности его вывезти, что было нелегко по обстановке фронтовой полосы.

Когда однажды, во время работы на подсобном хозяйстве, враг обрушил на наше поле огонь своих орудий, и мы лежали, распластавшись на земле, ощущая свою беспомощность и стараясь вдавиться в землю, я проникся безграничным уважением к Николаю Николаевичу, который в период полевых работ жил здесь и постоянно.

Как молоды мы были

Сеть деревянных двухэтажных жилых домов, стоящих тогда на треугольнике между улицами Зенитчиков, Краснопутиловской и проспектом Славы, принадлежащих заводу имени Жданова, были закреплены за нами для постоянного пожарно-технического обслуживания. Мы не только проверяли их противопожарное состояние, инструктировали и давали советы по вопросам пожарной безопасности проживающим в них гражданам, главное, всю блокаду практически помогали проживающим там людям. Мы ремонтировали эти дома и заделывали разрушения, причиненные врагом, чинили кровли, чистили и перекладывали печи и дымоходы. При подготовке домов к зиме 1942–1943 годов восстановили в них водопровод и канализацию. Опыт в этом мы имели, восстановив еще весной 1942 года водопровод и канализацию у себя в команде. В настоящее время эти дома спасены, и на этом месте распланирован сквер, а в нем установлен памятник Ленинскому комсомолу.

Кировское РУПО и УПО оказывали нам помощь в решении вопросов боевой готовности, дисциплины и выполнении тех задач, которые мы выполняли. Очень часто из РУПО приезжали Максимов и Федор Яковлевич Романовский. Они проверяли боеготовность, дотошно анализировали учебную деятельность и службу, показывали, как надо составлять служебные документы, проверяли оружие, в целом, хорошо помогали нам советами и практическими делами.

Работники РУПО: Иванов Борис Дмитриевич, Милоцков Федор Иванович, Симан Федор Федорович, майор Громковский — занимались вопросами профилактики и службы, проверяли противопожарное состояние цехов, практически показывали приемы той или иной работы.

Как-то в солнечный летний день постовой на вышке вылез через проем на крышу башенки — архитектурного украшения здания команды, решив погреться на солнышке. С тех пор мы стали чувствовать внимание со стороны фашистов к нашему зданию и к нашей жизни такое же, как и к эллингу, на котором, как на самом высоком строении завода

находились наблюдатели. Так же, как элинг, нас дважды поливали пулеметным огнем с самолетов, систематически обстреливали наш квадрат вражеские батареи.

Стоило нам выехать на занятия — в квадрате нашего развертывания начинали рваться снаряды. При вражеских обстрелах за время блокады в здание нашей команды попало двенадцать снарядов, один из которых — в гараж. Он вывел из строя на какое-то время всю нашу боевую автотехнику. Наше здание имело основательные разрушения. К счастью, от внимания к нам врагов мы имели потери только на пожарах.

После снятия блокады несколько бойцов из нашей команды были направлены в формировавшуюся роту минеров для разминирования пригородов, освобожденных от фашистских войск. Среди них была девушка Аня Беляева, которая у нас вступила в партию. При выполнении работ по разминированию она получила ранение и находилась на излечении в первом Военно-морском госпитале на проспекте Газа, я часто посещал ее там. После выздоровления она вновь вернулась к нам.

Наиболее сильными воспоминаниями блокадных дней являются воспоминания о радостных и светлых моментах.

Запомнилась мне наша радость при наступлении наших войск летом 1942 года в районе Старо-Паново. В нашем расположении этот контрудар чувствовался с помощью нашей артиллерии. Много радости доставил нам Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина пожарной охраны города Ленинграда.

Богат был радостными событиями 1943 год: в первом ряду таких событий идет прорыв вражеской блокады.

Летом мы получили медали «За оборону Ленинграда» и погоны. Я не помню, кто вручал медали. Помню, что это было торжественно и прекрасно: медали получал одновременно весь личный состав Кировского РУПО в помещении ВПК Кировского завода. При получении погон весь личный состав команды стоял в одном строю. Для каждого из

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

нас это был праздничный день, услышав свою фамилию, мы выходили из строя и получали свои погоны.

Мы были свидетелями нашего наступления 15 января 1944 года. Еще накануне наши уши уловили необычайный гул артиллерийской канонады. Это был серьезный бой, и звуки его доносились с Ораниенбаумского «пяточка». Мы с нетерпением ждали того часа, когда пойдут в наступление солдаты Урицка (ныне Лигово).

По Петергофскому шоссе к фронту двигались бесконечные колонны наших войск. Всю болотистую местность вокруг нашего здания заняли десятки артиллерийских батарей, а здание завода — пехотинцы. За строениями таились «Катюши». Все это средоточие войск, появившихся с темнотой так внезапно, казалось сжатой пружиной, которая держится на взводе и вот-вот сорвется, чтобы нанести сокрушительный удар по врагу.

В 9 часов 20 минут 15 января 1944 года на гитлеровцев обрушилась своя залпы ленинградская артиллерия. Колебалась земля, в зданиях дрожали и дребезжали стекла, осыпалась штукатурка, со столов падала посуда и чернильницы, стоял сплошной рев орудий, разговаривать было невозможно, так как ничего не было слышно. Самолеты, волна за волной, сплошной тучей неслись в сторону фронта. Конечно, мы все, побросав дела, выскочили из здания наружу и с восхищением смотрели на работу наших славных воинов.

27 января 1944 года многие из нас, свободные от дежурства, отправились в город, смотреть праздничный салют в ознаменование полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Люди обнимались, целовались, плакали, плясали, пели».

18 апреля 1975 года

Блокадные тире и точки

*Клавдия Ивановна Ефимова,
телеграфистка,
диспетчер ЦППС*

начальник ШМНС (20 часть была школой младшего начсостава) т. Ювонен говорил: «Пункт связи части – это сердце района, и от того, как работают телеграфисты, во многом зависит тушение пожаров». И это действительно было так.

Надвигалась суровая военная зима. Работать становилось все труднее. Не хватало телеграфной ленты, краски. Если до войны на ленте допускалась запись в два ряда, то сейчас приходилось принимать запись в четыре ряда, с расплывающейся краской, при коптилке. Мы старались работать так, чтобы не допускать ошибок, так как знали, что от точности принятого сообщения зависело своевременное прибытие на пожар подразделения и быстрее тушение его. На в 37 ВПК было три телеграфиста: З.Ф. Яковлева (бывшая Дзиковицкая), женщина умная, находчивая, хороший товарищ и отличная телеграфистка, Е.Г. Кинд и я (тогда я была Громова).

При воздушной тревоге пожарные на машинах рассредоточивались в других зданиях, в части оставалась телеграфистка и связной, который относил распоряжения в здание, где по тревоге находились пожарные. Слышались разрывы бомб, снарядов, а телеграфист продолжал внимательно следить за лентой, расплываются точки, тире, нужно быстрее переводить их в слова. Помню в одно из таких дежурств я сидела за аппаратом, пробив стекло на стол упал осколок и только секунда, в которой я наклонилась к ключу, спасла мне жизнь. Машинально я рукой схватила осколок, чтобы отбросить его, он был еще горячий. О том, что этот осколок мог быть моей смертью, я не подумала, все внимание было сосредоточено на аппарате.

В пожарную охрану я поступила в марте 1939 года. Окончила курсы телеграфистов и была направлена на работу в 20-ю пожарную часть на пункт связи.

22 июня 1941 года я была в отпуске и собиралась выехать из города. В 12 часов было передано сообщение о войне. Отпуск был прерван, и во второй половине дня я была у себя в части, где собрались все телеграфисты. Нас было четверо. Старший телеграфист т. Егоров, телеграфисты т. Антонова, т. Малькова и я, самая младшая, было мне тогда девятнадцать лет. С 22 июня мы уже числились на казарменном положении. 22 июня 1941 года я была переведена в 37 пожарную часть, там не хватало телеграфистов. В 37 ВПК я прослужила всю войну. Мы, телеграфисты, пожаров не тушили, поэтому о нас мало где упоминалось. Но наравне со всеми пожарными мы делили все тяготы войны. Отдежурив сутки, мы ходили рыть пожарные водоемы, проверяли пожарную сигнализацию в районе, принимали участие в подготовке команды к первой военной зиме.

Да, мы пожаров не тушили, но мы первые принимали сигналы о пожарах и высылали подразделения на их тушение. Когда я была еще в 20-й части, то

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Бойцы 2-й ВПК возвращаются с пожара.
Зима 1942 года

Телеграфисты дежурили так же, как санитарки. Сменившись с дежурства, надевали санитарную сумку, шли на пост к дневальному и были готовы оказать первую помощь, если кто пострадает. Мы с З.Ф. Яковлевой оформляли и выпускали стенгазету, листки-молнии. Помню в одно из моих дежурств вышла из строя вся связь, а в районе пожары. Пришлось выходить на улицу и определять по зареву, где пожар, какой объект важнее, и туда направлять пожарных. Начальником в 37 части тогда был А. Ф. Бобов, простой скромный человек, хороший руководитель тушения пожаров, чуткий товарищ. Где строгостью, где шуткой он старался подбодрить нас в трудные минуты.

Все острее становился голод, холод. От истощения стали умирать пожарные. Заболели две телеграфистки, осталась я одна. Двое суток дежурила без смены.

Плохо держат ключ ослабевшие руки, слипаются глаза, но спать нельзя. Аппарат работает без перерыва. Шли сообщения не только о пожарах, но и о налетах вражеской авиации, бомбежках, поэтому внимательной нужно быть до предела. На третьи сутки прислали с центрального пункта связи подмену, разрешили поспать полчаса, так как и на ЦППС не хватало телеграфистов. Спала я здесь, то есть на пункте связи, и не 30 минут, а целый час. Потом опять за аппарат (сейчас трудно в это поверить, но это было). Потом вышла на дежурство З.Ф. Яковлева, стали дежурить вдвоем, подменяя друг друга.

В команде кончился бензин, стоят застывшие машины, в городе нет воды, а пожары тушить надо. Принимаешь сообщение о пожаре, идешь в гараж высылать бойцов на пожар и они, нагрузив на себя обмундирование, ослабевшие

Блокадные тире и точки

от голода шли и тушили пожары. Отправив их, и сердце сжимает тревога — все ли вернуться. Большая беспредельная любовь к родному городу и лютая ненависть к врагу вела пожарных на эту истинно героическую борьбу с огнем. Все чаще мы на центральный пункт передавали: «Пожар потушен забрасыванием снегом»...

В одну из ночей была сброшена бомба рядом с командой на здание, где мы, телеграфисты, в свободное время отдыхали. Так как по тревоге мы все собрались на пункте связи, из нас никто не пострадал, а от маленького здания осталась большая воронка и развалины. Волной выбило окна на пункте связи, посыпалась штукатурка, пыль, дым, стоны раненых, которых пришлось вносить на пункт связи для оказания первой помощи (пострадали только гражданские), а телеграфистка, склонившись над аппаратом, выбивает ключом точки, тире, передавая на ЦППС сообщения о бомбежке.

В октябре 1943 года из пожарных города Ленина был сформирован отряд для уборки урожая на территории, освобожденной от финнов. В этот отряд была направлена и я (к этому времени овладели специальностью телеграфистов мобилизованные в пожарную часть бойцы А. Н. Абросимова и А. В. Евстифорова).

До пункта сбора под Ленинградом мы доехали на поезде, а дальше, до Сортавалы, нас везли на открытых пожарных машинах. Мы должны были убирать рожь и пшеницу, оставленную на корню отступившими финнами. Собрали на хуторах

серпы, косы и приступили к уборке урожая. В нашей женской бригаде было пятнадцать человек. Отправляли нас на десять дней, а проработали мы около трех месяцев. Там застала нас зима. Было трудно, уставали, обносились. Но никто никогда не ныл. Мы знали, что этот хлеб нужен Ленинграду. Потом возвращение в любимый Ленинград, и опять работа на пункте связи 37 ВПК.

Помнится ликующий вечер 27 января 1944 года. Блокада снята. Фейерверк над Невой. Я была дома по увольнительной, услышав эту радостную весть, я выбежала на улицу. Кого-то я обнимала, меня обнимали, плакали, смеялись. Я бегом бежала в команду. Скорее к своим товарищам, к своим дорогим мужественным друзьям, с которыми вместе отстаивали и защищали город от огня.

Блокада снята, но война продолжается. И мы, телеграфисты, З. Ф. Яковлева, А. Н. Абросимова, А. В. Евстифорова (Орлова) и я, вместе со всеми пожарными работали по очистке города, по восстановлению разрушенных зданий, на подсобных хозяйствах.

Окончилась война. Я продолжала работать в пожарной охране. Аппараты Морзе сменила радиотелефонная связь. Переподготовка и опять работа. В 1953 году я была направлена на ЦППС УПО старшим радиотелефонистом. Вскоре стала диспетчером ЦППС УПО. Награждена семью медалями. Самая дорогая из них — «За оборону Ленинграда». В 1972 году по состоянию здоровья я вынуждена была уйти на пенсию.

Как хотели убить красоту

Всеволод Иванович Каширихин,
начальник 36 ВПК и 9 ВПК

Все с этим городам навек —
И песня, и душа,
И черствый хлеб,
И черный снег,
Любовь, тоска,
Печаль и смех,
Обида, горечь и успех —
Вся жизнь, что на глазах у всех.

М. Дудин

Пожар, оставшийся в памяти...
Мои первые впечатления об ужасах войны остались в памяти с детских лет. Однажды в морозную декабрьскую ночь в Забайкалье прибежавший в избу вооруженный отец (предревкома села Кабанска) крикнул матери: «Бегите в сторону Кудары (селение в северную сторону Байкала). Степан (сосед) даст лошадь». Нас, троих детей, усадили в сани и повезли из села. Утром меня поставили у околицы и дали наказ: «Стой и смотри, что тебе крикнет папа». Я стоял за замерзшей рекой, на другой стороне шел бой, слышны были пулеметные очереди. Я думал: «А не убьют ли там моего папу?» — и детское сердце сжимала тоска.

Бой продолжался недолго, и через час-два по дороге промчалось несколько подвод с вооруженными людьми. На последней ехал живой папа, он махнул рукой и крикнул: «Бегите дальше».

Белогвардейцы генерала Каппеля из армии Колчака отступали со стороны г. Иркутска на восток страны, и мелкие очаги сопротивления, встречавшиеся на их пути, существенного сопротивления оказать не могли.

Потом война с белофиннами. Первый артобстрел нашей батареи загнал нас в открытые щели в карельской земле, первые

убитые пехотинцы при переходе границы, первые окровавленные раненые, потом десятки убитых и замерзших бойцов Красной Армии на заснеженных озерах Карельского перешейка, финские не сожженные сараи, наполненные трупами. Потом тяжелый солдатский труд, десятки и сотни тонн перегруженных снарядов, всю зиму ночлег на снегу в сорокаградусные морозы в кирзовых сапогах. То была война, шедшая там, в горах, на полях, в лесу, на фронте. Это было естественно, хотя и неразумно и жестоко, как сам факт войны. Нужно было добросовестно выполнять свой долг перед Родиной, долг воина Красной Армии, и мы его выполняли честно и самоотверженно...

Маскировка памятника Николаю I

Как хотели убить красоту

Вид на центр города с высоты птичьего полета

Был теплый августовский день. Солнце, весь день сиявшее на ленинградском небе, склонялось на западе. Как-то не верилось, что уже идет война, что армия немецкого фашизма уже движется на Ленинград, что она уже вблизи города.

Тревога! Я выезжаю в качестве связного с начальником 9-й пожарной части Лузаном Никитой Андреевичем. Горит здание архива на площади Декабристов (ныне Сенатская площадь) — Сенат и Синод. И вот, первые разрывы снарядов при нашем прибытии. Это было непостижимо. В сознании не укладывалось, что это действительность, что это первые страшные явления войны.

Светит солнце, в саду благоухают розы, флоксы, гортензии, вековые деревья покрыты еще не тронутой осенью зеленой листвой, поют птицы свои песни, а с неба, такого чистого, голубого, с воем и визгом сыплются снаряды, несущие смерть и разрушения, огонь, обвалы, гибель людей и всего живого. Кругом бессмертные творения величайших зодчих, ученых, скульпторов, мыслителей. Здесь Медный всадник Фальконе, там — Исаакиевский собор, там — Адмиралтейство со своей, воспетой поэтами, адмиралтейской иглой... Все это не укладывалось в сознании, все мое существо внутренне протестовало против этого бессмыслия и варварства... Хотелось кричать и кричать до хрипоты, иступления проклятия тем, кто несет это сумасшествие...

На какой-то момент я впал в шоковое состояние от этого и не потому, что рвались снаряды, что инстинкт самосохранения толкал куда-то бежать, спрятаться, укрыться — нет (на финском фронте я не раз был под артиллерийским и минометным обстрелами). Это был какой-то внутренний протест против непостижимого варварства, дикости, нелепости, безумия происходящего. Хотелось кричать и кричать до хрипоты, до иступления проклятия тем, кто несет это сумасшествие.

По установленной механической лестнице мы поднялись на чердак здания — вскоре пожар был ликвидирован.

Потом был пожар на бывших Бадаевских складах, потом пожар... и еще сотни пожаров.

За период войны я участвовал в тушении нескольких сот пожаров, но этот пожар, небольшой по размерам, останется в моей памяти на всю жизнь.

Прошло много лет с того дня, много других тяжелых переживаний пришлось пройти (война унесла двух братьев из нас четверых), были тяжелые пожары в мирное, послевоенное время, но тот, первый, в солнечный теплый августовский день, стоит перед глазами и живет внутри так ярко и незабываемо, как будто это случилось вчера.

20 мая 1975 года

это за счет
рукой охраня
и сочувств
в некоторых бо
и смог
и очень скоро
и беспомощная
и помощник
и там, там и
и много времени
и возможности
и помощи
и - буду Вас
и на благо
и еще больше
и руки. Говорю
и много А в
и 20 лет еще
и нашей род
и своей мать то
и низкий ста
и что умирать,
и меня в наст
и Иванов, и
и трудное
и связку

Хрен, который слаще редьки

Григорий Давыдович Коновалов,
политрук, начальник части

Пожарные команды города были военизированы, и работы по воспитанию личного состава было непочатый край. Начальником 14-й ВПК был опытный пожарный работник П.А. Антонов. Мне хочется привести некоторые характерные примеры из боевой деятельности личного состава 14-й ВПК в период блокады.

Война меня застала в КУКС (Курсы усовершенствования командного состава) гор. Ленинграда. С утра мы находились на стадионе. Тренировались к предстоящим соревнованиям по легкой атлетике. Прибежавший на стадион дежурный из КУКСа объявил тревогу, и мы немедленно явились в помещение школы. Начальник школы объявил нам, что началась война. Нам оставался один месяц учебы — экзамены. Занятия были прекращены. Слушателям КУКСа были выставлены зачеты по текущим отметкам. Начальник КУКС полковник Верин с проектом приказа о присвоении воинских званий уехал в Москву. Слушателей направили в УПО Ленинграда для профилактической работы по подготовке города на военный период. Ломали деревянные сараи и приводили в пожарное безопасное состояние чердаки жилых домов. Мне было поручено начальником КУКСа организовать население поселка Стрельна на рытье щелей. Много пришлось потрудиться на этой работе. На рытье щелей и траншей привлекались в основном домохозяйки. Однако с этой работой мы справились в течение пятнадцати дней. Приказом Министра внутренних дел мне присвоили воинское звание «политрук» и направили в 14-ю ВПК города Ленинграда.

День 8 сентября 1941 года запомнился мне на всю жизнь. Это первый массированный налет на город. После объявления воздушной тревоги мы, все командиры, собирались в телефонной комнате. Ждали, куда нас пошлют на тушение пожара. В этот период уже действовало указание УПО: на пожар высылать по одному отделению. Я получил «путевку» от начальника штаба РУПО товарища Бессонова следовать с отделением автотанка на Заставскую улицу и организовать тушение зажигательных бомб силами личного состава отделения и населения. Мы выехали около 19 часов. Прибыв на Заставскую улицу, мы встретили такую обстановку: несколько десятков самолетов летят над Московским районом и сбрасывают зажигательные бомбы. В силу того, что пожаров еще не было, мы остановились у дома № 26 по Заставской улице. В это время в пяти метрах от машины упала нераскрывшаяся кассета с зажигательными бомбами, кассета ударилась о землю и раскрылась. Из нее вывалились бомбы и раскатились по дороге. Ни одна из 36 бомб не загорелась. Я и говорю: «Вот, смотрите, ничего страшного нет». В силу того, что пожаров еще не было, я принял решение направить по одному бойцу на здание для организации населения на тушение зажигалок. Первый массированный налет, население все

Хрен, который слаще редьки

попряталось в подъезды, на улице ни одного человека. Еще не было опыта по тушению зажигалок.

Помню такой случай... Подбегаю к воротам завода лакокрасок на Заставской улице. Ворота закрыты, и никого нет вблизи. Я перелез через забор и вижу: один рабочий пытается тушить горящую зажигательную бомбу, а второй сзади его держит и кричит: «Не подходи! Разорвется, убьет». Я им объяснил, что бояться нечего. Показал, как тушить зажигалку. После этого все рабочие разбежались по заводу и начали тушить упавшие на здания зажигательные бомбы. Бойцы отделения хорошо организовали работы по тушению зажигалок, и на Заставской улице больше пожаров не было. Однако на других объектах было много пожаров. Пока собирались бойцы отделения, я залез на крышу здания. Кругом все было в дыму, и видны пожары. Это страшная картина. Собрав все отделение, я позвонил Бессонову и получил задание следовать по Волковской, Цветочной улицам и тушить, где горит. Отделением было потушено три загорания, на которые пришлось подавать водяные стволы, и в 22 часа мы прибыли на Бадаевские склады.

К нашему приезду основные очаги были потушены, и мы подали 2 ствола литер «Б» на проливку горевших складов. В период тушения складов два раза налетала фашистская авиация. Обстреливали место пожара из пулеметов и сбрасывали бомбы. Характерен такой случай... Когда кончили проливку, я дал команду перегнать машину к зданию и, спустя десять минут в пяти метрах от места, где стояла машина ранее, упала 100-килограммовая бомба. Бойцы еще в шутку говорили: «Наш политрук чувствовал, что надо угнать машину в другое место». Несмотря на усталость личного состава, все чувствовали себя бодро и продолжали работать по разборке обгоревших конструкций.

Уже в сентябре ощущалась остро недостача в питании личного состава. Перед начальствующим составом встала задача обеспечения личного состава питанием. Для того, чтобы обеспечить боевую работу мало было качественно проведенная воспитательной работы,

необходимо было изыскивать дополнительное питание, а надо было где-то его взять. Учитывая это, мы много времени уделяли этому вопросу.

После пожара Бадаевских складов мы привезли оттуда четыре бочки топленого сахара. Одну из них начальник РУПО Ювонен отдал личному составу 26-й ВПК, а три бочки осталось для бойцов 14-й ВПК.

В конце октября 1941 года я отправился на линию фронта (правее мяскокомбината) искать чего-либо съестного. Эта разведка чуть было не окончилась плачевно. Я вышел ранним утром из команды. С собой захватил 200 грамм подушечек (конфет), которые я получил в спецмагазине для начсостава. Пройти туда и обратно нужно было около 20 км. Кругом тихо. Зайдя за мяскокомбинат, я попал на линию фронта. Тихо, ни единого выстрела, кругом по равнине видны дымки из землянок. Я продолжаю идти. Никто меня не останавливает. Я был в форме: зеленая фуражка, три кубаря на петлицах и звезда на левом рукаве. Естественно, что меня хорошо можно было видеть. Остановили меня только в одном месте. Стояла машина закрытая брезентом (сейчас я понимаю, что это стояла «Катюша»). Часовой остановил за 50 метров и не разрешил подойти ближе. Я двинулся дальше. Вдруг я обратил внимание, что установлен станковый пулемет не нашей системы. У нас в Ленинграде была острая недостача оружия, ну, думаю, это наши используют трофей. Однако вижу, что он установлен стволом в нашу сторону и тут я понял, что я уже перешел линию фронта. Меня сразу пробрала дрожь. Кто тебе поверит, что ты нечаянно сюда забрел? Товарищи подумают, что пошел сдаваться в плен. Я хорошо знал и то, что немцы жестоко расправлялись с пленными и, особенно, с политсоставом. Мгновенно у меня в голове промелькнули эти мысли, и я сразу побежал назад, и вот по мне начали стрелять из миномета. Я упал и попластунски полз метров семьсот, а потом поле прекращения обстрела пошел дальше по своей территории. Из винтовок по мне не стреляли. Положение на фронте было

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

тяжелое у нас и у немцев. Все были голодные, и не хватало боезапаса. Воротился я в 16 часов вечера и рассказал товарищам о своем приключении.

Разведка моя не пропала даром. Недалеко от линии фронта я нашел деревянный склад, в котором хранились корни хрена и около трех тонн соли. Это была большая находка. На второй день мы привезли в команду 3 тонны соли и 18 тонн хрена. Хрен возили и другие команды нашего РУПО. Попробовали есть сырой хрен, но из этого ничего не вышло, он горький. Тогда мы начали его варить и пропускать через мясорубку.

Начиная с октября и до января 1942 года, мы давали личному составу дополнительно к пайку по тарелке хрену и по тарелке сладкого чаю из топленого сахара. Это, естественно, сказалось на повышении боеготовности и усилении патриотизма. Личный состав 14-й ВПК не умирал с голоду. Помню такой случай. На совещании политсостава УПО я отчитывался о состоянии боеготовности команды. В президиуме сидели Шикторов, Лагуткин и Сериков. Лагуткин мне задает вопрос: «Вот вы рассказали о том, что у вас нет смертности и хорошая боеготовность. Скажите, а чем вы кормите своих бойцов». Я отвечаю: «Хреном». Лагуткин рассердился и спрашивает: «Я вас серьезно спрашиваю, чем вы кормите личный состав?» Вот тогда Шикторов ему объяснил, что мы действительно кормим хреном, и мне пришлось рассказать о том, как мы достали и как приспособили для питания хрен в корнях. Для усиления питания приходилось изыскивать любые возможности.

Однажды утром в ноябре 1941 года приходит ко мне мастер обувной фабрики «Победа № 2» и говорит, что на кожаном заводе имеются отходы от кож, которые можно использовать для питания. Нужна машина. Я взял с собой четыре бойца, и мы поехали на кожаный завод. На заводе мы действительно увидели большую кучу обрезков из необделанных кож шеи, кожа от ног, которые сваливались в кучу и засыпались нафталином в течение года. Вот этих отходов мы и привезли две тонны. Отрезки мы в кочегарке опаливали на

огне, промывали и варили для личного состава. Они нам казались очень вкусными. Еще один, на мой взгляд, характерный эпизод в деле усиления питания личного состава, усиления боеготовности и укрепления дисциплины.

Как-то на совещании хозяйственного актива района в райкоме партии ко мне обратился директор 12-го хлебозавода и попросил пожарную машину с личным составом на завод. Дело в том, говорил директор, что на хлебозавод часто нападают компаниями по 10–15 человек, и охрана с ними ничего не может сделать. В охране одни женщины. Они больших безобразий не делают, захватят по 2–3 буханки хлеба и скрываются. Мы посоветовались с начальником ВПК т. Антоновым и решили поставить на 12-й хлебозавод пожарную машину. Все равно нам нужно было рассредоточивать технику. Выделили пятнадцать человек из резерва и меняли их через пятнадцать суток. На хлебозаводе они ели хлеба досыта, и их пайку мы сохраняли до прибытия в команду. Горячую пищу мы им носили туда. На пожары они выезжали только в случае крайней необходимости. В результате они отдыхали полмесяца и питались за счет сэкономленного пайка еще на полмесяца. Получился своеобразный дом отдыха. Несколько позднее кроме личного состава 14-й ВПК стали посылать туда и с других команд бойцов для отдыха. Вся эта работа по усилению питания в скором дала свои результаты. 14 ВПК в дни блокады считалась одной из лучших в гарнизоне. Личный состав был дисциплинирован и хорошо работал на пожарах. В трудные дни блокады нас всегда обеспечивали горячим. За период блокады ни один человек не умер от голода. Это укрепляло дисциплину, усиливало боеготовность, способствовало этому и то, что в команде всегда было тепло. Работала уборная и соблюдалась чистота. Помню, как-то в команду заехали несколько начальников РУПО во главе с Сериковым. Он им говорит: «Вот зайдите в туалет, поглядите, и у себя заведите».

При команде была своя кочегарка. Для ее отопления мы еще с осени заготовили дрова со сломанных деревянных домов.

Хрен, который слаще редьки

А мы их много ломали для больниц и советских учреждений. Для усиления боеспособности личного состава в команде систематически проводилась всесторонняя политико-воспитательная работа. Наряду с политзанятиями, политинформациями большое внимание уделялось самодеятельности. Многие из личного состава, в том числе и я сам, участвовали в хоре гарнизонного клуба УПО. В команде была организована своя самодеятельность. Струнным кружком хорошо руководил шофер Рьжков, драмкружком — шофер Карельский В. Активными участниками самодеятельности были Громова Ф., Яблокова С. и другие.

Несмотря на недоедание и усиление работы, в свободное от боевой работы время в красном уголке команды всегда были шутки и веселья. Слышались задорные песни. На районных собраниях всегда тон задавал личный состав 14 ВПК. Однако в трудные дни блокады воспитательная работа этим не кончалась. Необходимо было строго следить за правильностью распределения питания и нарядов на службу. Организовать отдых. Отдельно товарищи старались сэкономить и продать и без того малую пайку хлеба. 100 грамм хлеба стоили 100 рублей. Поэтому приходилось в столовой присутствовать при раздаче пищи. Следить, чтобы каждому наливали ровно и чтобы каждый положенное ему съел. Сейчас это кажется невероятным, а в то время это было очень важно. Были и такие, на которых не действовали меры воспитательного характера, и к ним мы принимали более решительные меры. Был у нас один боец (фамилии называть нет необходимости). Здоровый такой человек, лет двадцати семи. Все знали, что он ворует из тумбочек и без того малый паек бойцов, но поймать не могли. На пожарах же он работать не хотел. Заберется куда-либо, где не сильный дым и тепло, и спит или сидит. Вот однажды на большом пожаре на Сенной площади мне начальник караула Мальшев Л. доложил, что он сидит и спит около пожара, где работал караул. Мы решили с бойцами караула его проучить. Взяли ствол литера «А» и направили его на

спящего. Несмотря на его истошный крик, мы его изрядно промыли холодной водой из ствола. После этого я его пригласил к себе и сказал: «Раз ты не хочешь работать на пожаре, то я тебя отправляю в команду. Доложи начальнику ВПК о том, что я тебя снял с работы на пожаре». Идти домой надо пешком от Сенной (площади) до команды 3 км, а мороз 25 градусов да еще весь мокрый. Это явная смерть. Начальника караула я предупредил, чтобы его не отпускали. Вот так мы его основательно проучили, и впоследствии он понял, что ему не дадут увильнуть и с него получился хороший боец.

Благодаря сочетанию всех методов воспитательной работы, личного примера командиров, в команде сложился дружный, боевой коллектив во главе с начальником ВПК Антоновым. За отличную работу на пожарах многие товарищи из личного состава награждались правительственными наградами и денежными премиями ГУПО и УПО.

В боевой работе на пожарах в дни блокады показывали образцы мужества, отваги, героизма наши прямые начальники: Кончаев, Мялло, Данилов, Дехтерев и др. Они своим примером воодушевляли нас, молодых пожарных, на перенесение невзгод. Правильно организовывали службу в пожарной охране в осажденном городе. Мне хочется привести пример, где Б. И. Кончаев личным примером воодушевлял бойцов на бесстрашное тушение пожара, показывал образцы героизма и выдержки.

24 марта 1943 года был сильный артиллерийский обстрел. Мы выехали на двух машинах на пожар 1-й ГЭС. На цистерне впереди ехал начальник ВПК Антонов, и я — на автонасосе. Между нами был интервал 100 метров. Проезжая Смоленскую улицу, мы увидели, что впереди упал снаряд и первой машины не видно из-за пыли и дыма. Мы считали, что нашу цистерну разбило, однако объезжая воронку от снаряда, машины не оказалось. У всех нас вырвался вздох облегчения — пронесло. Так под обстрелом мы прибыли на территорию 1-й ГЭС. Машину вел шофер Н. П. Клопов, а жена его, связанная

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Е. Е. Медведева, сидела у кабины (машина была открытая). Я сидел в кабине рядом с шофером. Проезжая по территории в 200 метрах от пожара осколком снаряда Медведевой ударило в голову, и она упала с машины. Мы остановились. Отнесли ее с дороги на обочину. Она была мертва. Шофер всего этого не видал, он был в кабине. Установив насос на гидрант, мы подали два ствола «А» и работали по тушению. В силу того что обстрел не прекращался, приходилось работать в трудных условиях. Как только услышим вой снаряда, подаем команду «Ложись!» — ствольщики ложатся и ждут, когда разорвется снаряд. После разрыва снова ствольщики встают и продолжают наступление на огонь. После одной из команд «Ложись!» не поднялась боец Капустина. Я подошел к ней и спрашиваю: «Что с тобой?». Она отвечает, что, кажется, ранена. Разорвав на ней штанину, я увидел впившийся в мякоть выше колена большой осколок от снаряда, который был еще горячий. Мы его вытащили, перевязали ногу, и Капустина продолжила работать.

Вот в этой грязной обстановке Б. И. Кончаев личным примером воодушевлял личный состав для тушения пожара. Кончаев зашел на эстакаду вышиной 15 метров, которая находилась рядом с пожаром, и оттуда давал указания, как лучше потушить пожар. На вой и разрывы снарядов Кончаев не реагировал, хотя эстакада была открытой. Мы же, командиры, которые были на этом пожаре, говорили бойцам: «Вон, смотрите, зам начальника УПО не боится снарядов и ходит свободно. Даже при разрывах снарядов не ложится». Бойцы, воодушевленные таким примером, еще активнее тушили пожар до полной его ликвидации. Шофер Клопов до конца пожара не отходил от машины. Неоднократно он спрашивал: «Где моя жена?». Он, конечно, догадывался, что с ней что-то случилось. После ликвидации пожара ему рассказали о случившемся.

Б. И. Кончаев обладал всеми качествами командира-воспитателя. Он всю свою жизнь честно служил пожарной охране. Его прямота, честность и справедливость была хорошо известна всем

командирам и бойцам пожарной охраны. Кончаев хорошо знал каждый завод, каждую улицу города, а это так нужно каждому пожарному. Б. И. Кончаев знал всех командиров пожарной охраны города, включая начальников караулов. При встрече называл по имени и отчеству. Вот почему в гарнизоне пожарных в период блокады говорили: «Начальником пожарной охраны города Ленинграда был Сериков, а душой и сердцем гарнизона был Б. И. Кончаев».

Его за честность и заботу любил весь личный состав гарнизона. Кончаев много работал по обучению молодых командиров при тушении пожара. Он своим примером учил нас, как надо бесстрашно работать на пожаре и грамотно тушить пожар. Помню такой случай. На одном из пожаров, которым руководил Б. И. Кончаев, мне было поручено руководить боевым участком. В мое распоряжение были переданы два отделения во главе со старыми опытными «тушилами», которые подняли меня на смех, что я ими буду командовать. В это время подошел Б. И. Кончаев и разъяснил им, что надо воспитывать и молодых. «Он уже имеет опыт тушения», — сказал Кончаев, и тогда они сознались, что не правы. С этих пор и меня стали считать «тушилой».

Следует остановиться на боевой работе начальника оперативного отдела УПО Г. Г. Тарвида. Его неутомимая боевая работа на пожарах, забота о бойцах и командирах в период работы на пожарах известна всем пожарным того периода. Г. Г. Тарвид всегда на самом ответственном месте в тушении пожара. Ведя разведку пожара, он всегда сам проверит обстановку, уточнит все детали и всегда тактически правильно поставит задачу перед работниками подразделений. Связные Тарвида говорили: «За Тарвидом не угнаться, не успеть, он лезет в самые опасные места на пожаре». Наряду с жесткой требовательностью к работающим на пожарах, т. Тарвид всегда проявлял отеческую заботу о безопасности работающих на пожаре. Был такой случай. Работая на пожаре, мы настолько увлеклись тушением, что не

Хрен, который слаще редьки

М.К.Сериков и Б.И.Кончаев

обращали внимания на опасность, и тут последовал приказ Тарвида: «Срочно вывести стволы на улицу». Мы выполнили распоряжение, но не понимали, почему прекратили тушение. Но когда через 5 минут рухнула крыша, мы поняли, что о нас заботятся наши начальники.

В трудный период осени 1941 года бойцы пожарной охраны принимали активное участие и в обороне города. Бойцы и командиры 14-й ВПК входили в состав противовоздушной обороны. Начальником противовоздушной обороны Московского района был райвоенком (*районный военный комиссар*). Меня назначили его заместителем. Для личного состава 14-й ВПК местом противодесантной обороны была Московская площадь (*имеется в виду современная площадь у Московских ворот*). Московских ворот тогда не было. Вокруг площади были вырыты нами траншеи. Мы неоднократно проводили тренировки по обезвреживанию десанта противника. Несколько позднее из личного состава 14-й ВПК была создана стрелковая рота. На случай прорыва противника в город, в силу того, что у нас было мало оружия, нас снабдили в достаточном количестве гранатами ручными и противотанковыми.

Местом действия нашей роты был Московский проспект от виадука и до Московской площади. Под виадуком и на Заставской улице были баррикады. За каждым бойцом были закреплены водопроводные и канализационные люки. По тревоге они обязаны залезать в люк и оттуда поражать противника гранатами. Неоднократно мы проводили такие тренировки. Хорошо, что нам не пришлось это делать на практике. Выполняя свои прямые обязанности по тушению пожаров, личный состав 14-й ВПК много помогал жителям Московского района. В трудную зиму 1941–1942 годов мы ломали деревянные дома для отопления больниц, хлебозаводов и общественных зданий. Нами сломано и доставлено на место около 50 деревянных домов. Неоднократно возили воду на 2-й хлебозавод. Воду возили в цистернах с Невы, но вот надо ее залить в бак, который установлен на высоте 20 метров. Одну цистерну выкачаем, и насос замерз, ибо мороз был до 30 градусов. Приходится факелами отогреть насос для того, чтобы забрать воду из другой цистерны. Бойцы и командиры понимали, что нужен хлеб и работали с энтузиазмом. Не было ни одной жалобы на трудность.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Вот сейчас, спустя тридцать лет, я, проходя по Московской площади мимо 14-й части, вспоминаю пожарный гидрант — спаситель (так я его называю). Дело было так. Зимой 1941–1942 годов надо готовить пищу для личного состава, а воды нет в водопроводе. Привести с Невы не можем, потому что нет бензина на эти цели. Бензин — только на тушение пожара. Вот я открыл люк пожарного гидранта, и вода пошла в колодец. Колодец наполнился водой на 70 см, к ведру привязали веревку и так с колодца доставали воду. Это нас избавило от того, чтобы ездить на Неву или таять (*растопливать*) снег. О нашей воде узнал 1-й секретарь райкома Бадаев. Вызвал меня и говорит: «Народ бедствует без воды. Растопливает снег, а снег грязный (снег в то время с улиц не убирался). Поставь человека и отпускай воду жильцам ближайших улиц». Всю зиму мы держали одного человека, который отпускал воду населению. К весне 1942 года вокруг колодцаросло льда около 1,5 метра. Мы пошли в райком и стали просить отбойные молотки для уборки льда. Райком нам выдал пять автомашин с отбойными молотками, и мы за два дня убрали всю площадь.

Весной 1942 года весь личный состав много поработал по уборке мусора и снега на ближайших улицах к команде. Работая на этих работах, полугодные бойцы понимали, что это надо. Надо не допустить эпидемии. В марте 1942 года из личного состава 14-й ВПК была создана группа из десяти человек по уборке трупов людей, которые находились в сквериках и домах Московского района. Нам была выделена одна трехтонная машина и большой брезент. Для того чтобы подбодрить людей каждому давали по 100 грамм спирта и лепешек. Мы собирали трупы, грузили их на автомашину, закрывали их брезентом и сжигали их в печах кирпичного завода. Кирпичный завод был расположен на том месте, где после войны заложили Московский парк Победы. Помощь населению проводил личный состав, который был в резерве.

Весь личный состав в период войны был на казарменном положении и разделен на две смены. Сутки в боевом

расчете — выезжает на пожары, а сутки в резерве. Работать на пожарах приходилось иногда сутками и зачастую без еды. Мне запомнился пожар, на котором мы работали 28 часов. Не помню точно адреса пожара и даты. Мы прибыли на пожар, и нам руководитель тушения пожара дал задание прорубить на Неве прорубь, загнать на лед машину и дать 2 ствола на тушение. В десяти метрах от берега мы прорубили прорубь, но воды не оказалось (вымерзла). Мы отступили еще 5 метров, но воды снова нет, и только на 15 метров от берега мы забрали воду и приступили к тушению пожара. В процессе тушения мы три раза останавливали насос, после израсходования бензина. Бойцы выбились из сил. Нужен был отдых, но уехать с пожара мы не могли, потому что не было бензина. Пешком мы дойти до команды не могли. Мокрые, замерзшие да расстояние пять км. Наконец, нам дали 10 литров бензина, и мы поехали домой.

Проезжая по Московскому проспекту мы увидели, что горит дом на 7-й Красноармейской. Из двух окон выбивает огонь. Пожар можно бы потушить, он еще не принял больших размеров. Я остановил машину и стал уговаривать бойцов потушить этот пожар, спасти семиэтажный дом. Несмотря на то, что они работали 28 часов и голодны, они согласились. Шофер говорит: «Ничего мы сделать не сможем. Осталось в машине 3–4 литра бензина». Мы вынуждены были проехать мимо горящего дома. Так этот дом и сгорел.

Мне хочется подробнее рассказать о тушении пожара на станции Купчино, описанного в книге «Пожарная охрана Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». 13 февраля 1943 года унитарное отделение во главе с начальником 14-й ВПК Антоновым П. А. выехали на станцию Купчино. День был пасмурный. Тихо, только в стороне Купчино слышны взрывы снарядов. До Купчино оставался километр, когда нас остановил часовой с винтовкой и сказал: «По дороге проезд запрещен». Воинское подразделение выставило охрану, чтобы от осколков, рвавшихся в горящих

это за стат
ной охраны
и и сохвеса
в китирове бо
дом, я смог
ной работос
огонь скори
Беспомозная
помощь
те, Борис И
ного време
возможность
ви помощи
буду Вас
на благо кон
ице время
ружьи. Говоре
А во
лет еще
нашей род
той жуть то
ниже ста
но умирать,
меня в нестел
Машин, я
и трудное
и снаску

Хрен, который слаще редьки

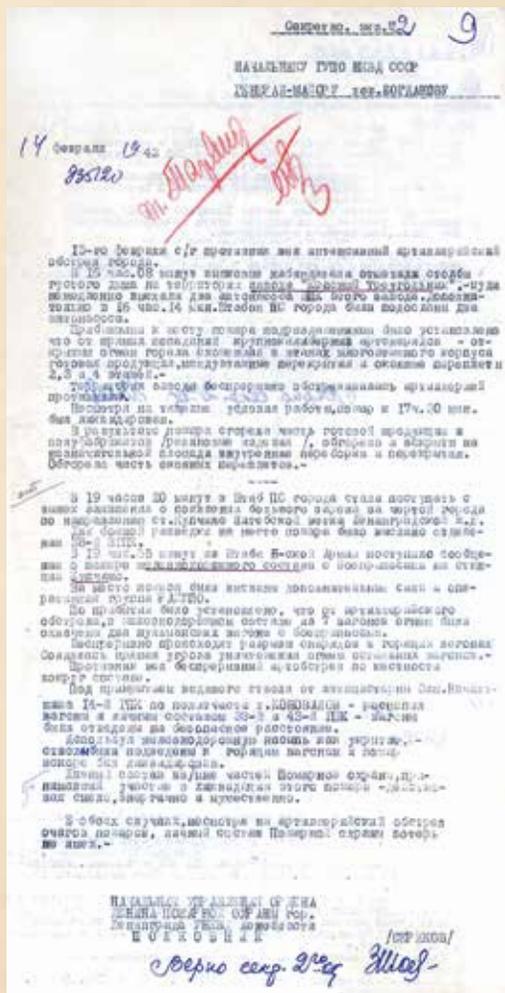
вагонах снарядов, не было лишних жертв. Долго мы с Антоновым уговаривали часового. Мы ему доказывали, что нас ведь послали тушить эти горящие вагоны, что нужно спасти снаряды, так необходимые фронту. Наконец, часовый нас пропустил.

Подъехав к Купчино, мы увидели такую картину: противник со стороны Пулково ведет сильный артиллерийский обстрел станции, горят два вагона со снарядами, рвутся снаряды в горящих вагонах, осколки снарядов с резким воем разлетаются во все стороны. Действительно жуткая картина. На станции ни единой души. Все попрятались в укрытия. Приблизившись на 300 метров к пожару, мы остановили машину и ползком

у насыпи стали подбираться к горящим вагонам. Поравнявшись с горящими вагонами, решаем: надо расцепить и отогнать горящие вагоны по одному в безопасное место. Все лежат за насыпью, а я полез расцеплять вагоны и позвал остальных, и мы откатали один вагон. Это окрылило бойцов. Возвращались за другим вагоном, возле насыпи к нам подбежали армейский командир и три солдата. Вместе с ними мы откатали остальные вагоны. Все шло хорошо, но тут нас постигло несчастье. Мы с армейским командиром отцепляли последний вагон к горевшему вагону, произошел взрыв: осколком в грудь убило армейского командира. Отцепив и отогнав на безопасное место не горевшие вагоны, приступили к тушению горящих.

Прибыло отделение 38-й ВПК. Тактика тушения была такова: подползаем из-за насыпи к горящему вагону, быстро бросаемся к нему, открываем дверь и снова все ложатся, ствольщик направляет струю вовнутрь вагона и гасит огонь. Сбив пламя в вагоне, бойцы залезают в него, разбирают снаряды и выносят их. В отдельных ящиках был порох для снарядов. Приехав в команду после тушения вагонов, мне один из бойцов сообщил, что наши ребята на пожаре набрали макарон. Откуда могли быть в вагоне со снарядами макароны... Я был в недоумении. Потом я догадался, что артиллерийский порох похож на макароны. Я в гараже выстроил бойцов в боевой одежде и приказал выложить «макароны». Надо было видеть, с каким грустным видом смотрели на меня бойцы. Им не хотелось отдавать с таким трудом приобретенные «макароны». Я объяснил им, что это не макароны, а артиллерийский порох, и что они могут отравиться. Однако мне все-таки не верили. И только тогда поверили, когда я одну из «макаронин» зажег. Пришлось всех обыскать потому, что оставлять порох у бойцов было нельзя. Могли отравиться, и мог быть взрыв или пожар.

Трудна была работа бойцов на пожарах, но и отдых был беспокойным. Бомбежки и артиллерийский обстрел не давали покоя. В команде был установлен порядок: при воздушной тревоге и при

Обзор тушения пожара на станции Купчино

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Разбор завала на Московском проспекте. 1941 год

артиллерийском обстреле личный состав, находящийся в команде, обязан спуститься в кочегарку, которая располагалась в подвале команды. Как правило, так и делалось, но личный состав настолько привык к обстрелам, что не торопился спускаться в кочегарку. Не помню даты, но дело было так.

Сию я в кабинете, объявили по радио артиллерийский обстрел Московского района. Вдруг на Московскую площадь упал снаряд недалеко от команды. Все окна в команде вылетели. Я вышел из кабинета проверить, все ли бойцы вышли из помещения в кочегарку. Войдя в караульное помещение, я вижу, что никто и не думал уходить. Наоборот все смеются: «Нас снаряды не тронут». Меня это взбесило и я резко, даже с матом, приказал: «Немедленно все марш в подвал». Бойцы быстро начали спускаться в кочегарку. Я спустился в гараж проверить постового. Вдруг слышу, кто-то стонет. Выхожу на улицу и вижу, лежит на земле часовой, придавленный бетонной плитой (над постовой дудкой был бетонный козырек). От попадания снаряда в угол здания, козырек отвалился и придавил часового. Я поднял плиту, освободил часового

(не помню сейчас его фамилии). Он был только придавлен и оглушен. После — он несколько недослышал, взрывом снаряда над головой ему повредило ушные перепонки. Жизнь ему спасла та бетонная плита, которая его придавила. Доставив часового в кочегарку, я поднялся в караульное помещение — взорвался снаряд в общежитии личного состава.

Открыв дверь, я увидел, что все общежитие и караульное помещение в дыму и в пыли. Ко мне бежит и падает на руки дневальный Рейник Нина, вся в крови. Я ее отнес в кочегарку и сделал ей перевязку. Рейник снарядом перебило руку, и один осколок попал в голову. Снаряд пробил стену и разорвался в общежитии. Все подушки и матрацы были порваны. Кругом летает пух от подушек. Оседает пыль от разбитых кирпичей. В этот раз в здание команды попало три снаряда. Хорошим ориентиром для немцев была сушильная башня. Она выделялась над всеми смежными зданиями. После этого мы деревянную верхнюю часть башни сняли. Башня стала менее заметна.

Особое беспокойство пожарным принесли бомбежки и снаряды. Ведь ехать и тушить пожары приходилось под бомбежками

это за ст...
ной охраны
и и сохвеса
в китерое бо
дом, я смог
ной работос
и очно скорн
Беспольная
помощь.
те, Борис И
ного време
возможность
ви сломате.
о - буду Вас
на благо на
ице време.
и ружья. Говоре
контра А во
20 лет еще
нашей род
ей мать то
ниже ста
но умирать,
ица в нестел
Иванович, я
и трудное
и спаску не

и обстрелами. Не было случая, чтобы из-за бомбежки или обстрела задержался выезд. Был такой случай. На Московскую площадь упало несколько 100-килограммовых бомб. Одна из них разорвалась недалеко от ворот гаража, где стояли боевые машины. В это же время раздалась тревога. Из четырех машин две не завелись — на них перебило осколками трубки и радиаторы. Две исправные машины выехали на тушение пожара. Поврежденные машины через тридцать минут были отремонтированы и включены в боевой расчет. Небезынтересен и такой случай. Мы на автотасосе возвращались с пожара. День был тихий, но пасмурный. Обычная обстановка. Настроение у личного состава отделения отличное, хотя и поработали они изрядно. Руководитель тушения пожара написал в нашей тетради: «Работали отлично». Проезжая по Лиговке через железную дорогу, мы попали в сильный артиллерийский обстрел. Впереди и сзади машины рвутся снаряды. Спрятаться от обстрела негде. Мы решили быстрее проскочить зону обстрела. Подъезжая к заводу Карпова впереди машины, в метрах десяти, разорвался снаряд, и осколки полетели на нас. Один из осколков разбил ветровое стекло и между мной и шофером — коммунистом Смирновым А., ударил в машину. Ветровое стекло разлетелось в мелкие кусочки. Много осколков, мелких от стекла, попало шоферу Смирнову в лицо. Сразу все лицо Смирнова залилось кровью. Однако он не остановил машину.

Хрен, который слаще редьки

Грамота Коновалову Г.Д.

Надо было спасать остальных и быстрее выехать из зоны обстрела. Кровь залила глаза Смирнову, и он мне говорит: «Ты командуй, куда поворачивать руль». Так мы и доехали до команды. В команде Смирнову сделали перевязку. Из его лица мы извлекли десять осколков от ветрового стекла. Больше из личного состава никто не пострадал, но машину поцарапало изрядно.

30 октября 1975 года

это за счет
рней охраны
и сочувств
в каторгой бое
Сид Сидог
рабочие
и очко скори
Беспомозная
помощью
Томе И
инкого време
вероятности
мощае.
Буду Ва
на было кон
мне враже
руки. Говоре
конкретно А во
20 лет еще
нашей род
сей мать то
низко ста
оно умирать,
меня в кестон
Иванович, я
би трудное
и связку

Атланты держат небо

*Лидия Николаевна Кузьмина,
младший инспектор*

В пожарную охрану Ленинграда я поступила 5 сентября 1942 года. Мне было двадцать лет. Зачислили меня в 57-ю ВПК Государственного Эрмитажа на должность пожарного. Начальником команды был Соловьев А.И. — очень замкнутый, серьезный человек. Его заместителем по строевой части был Парашенко, а по политчасти был Мурачев (имена и отчества забыла). Мурачев был недолго, вскоре прислали девушку с фронта — Надежду Андреевну Пилипак. Надежда Андреевна была мужского телосложения, хорошо физически развита, очень сильная, с твердым характером, строгая, дисциплинированная, требовательная и в то же время душевная женщина. Мы все ее очень уважали и ею гордились.

Служба заключалась в следующем: на крыше Эрмитажа и Зимнего дворца были две наблюдательные вышки. Там мы стояли на постах и вели наблюдение за городом. Сообщали, куда падают снаряды, бомбы и так далее. Несли дозорную службу по залам Эрмитажа. Первое время было страшно. Освещения не было. Я боялась ходить по крышам. Но не только это было нашей обязанностью: мы занимались эвакуацией музейных ценностей в более безопасное помещение, а также заготовкой топлива, уборкой снега во дворах и проездах Гос. Эрмитажа и на Дворцовой набережной (от Лебяжьего мостика до Дворцового моста). В зимнее время чистили пирсы на Неве по всей Дворцовой набережной и выполняли ряд других работ. Время наше распределялось так: сутки мы дежурили, находясь в караульном помещении, а другие сутки были в резерве, занимались хозяйственными работами, а по сигналу воздушной

тревоги должны были являться в караульное помещение, таким образом, мы всегда были наготове по первому сигналу быть на боевом посту.

По прибытии я подружилась с пожарной Ириной Тадовской. Она мне рассказала о том, что ее брат Тадовский убит осколком снаряда в Черном проезде, и показала, в каком подвале лежали умершие от голода бойцы, похоронить которых сразу не было возможности.

Дрова заготавливали днем путем разборки деревянных домов на окраине города (по направлению трамвая девятки). Ночью грузили их на трамвайные платформы, затем на тележке возили в Эрмитаж. Позднее разбирали траншеи на Марсовом поле и возили на тележке в команду.

*Дежурство на крыше здания
Главного штаба*

Очень хорошо помню первую страшную бомбежку. Это было осенью 1942 года. Фашисты сначала сбросили что-то горящее на парашютах, отчего вокруг стало очень светло, а затем начали бомбить город. В это время на посты досылали дополнительно еще бойцов, чтобы усилить боеготовность. В эту бомбежку упало две бомбы вблизи Эрмитажа: на Дворцовую площадь напротив Александровского сада. Бомбы разрушили всю мостовую, а со стороны Адмиралтейства в залах Зимнего дворца вылетели не только стекла, а даже тяжелые дубовые рамы и двери, ведущие из залов в кладовые. В эту же зиму, в одну из бомбежек, попала бомба в Фельдмаршальский зал и пробила сводчатые перекрытия галереи Растрелли. Жертв не было.

Еще помню сильную бомбежку ранней весной 1943 года. Была объявлена воздушная тревога. Время — 5 часов утра. Мне нужно было бежать получать продукты на команду. Склад находился на улице Рылеева, дом 29. Бежать надо, иначе вся команда останется без обеда. Я добежала до Марсова поля. Началась бомбежка. Проектора бегали по небу, где-то рядом били зенитки. Стоял сильный грохот. Падали вокруг меня осколки от зениток. На набережной реки Мойки — безлюдно. Первый дом от Марсова поля был уже разрушен. Я прижалась к оставшейся стене этого дома и вся дрожала от страха. Но все окончилось благополучно, я осталась жива, а чуть затихло, я побежала дальше.

Зима 1943 года была снежная. И вот однажды ночью выпал снег высотой почти по пояс. Нас всех подняли в 3 часа ночи убирать снег по набережной. Вставать не хотелось, но приказ есть приказ. Снег кубами складывали на большой лист фанеры и за веревку везли на спуск в реку Неву. Убирали долго и очень устали. В этот день ждали мы приезда правительства.

Летом 1943 года нас часто посылали в подсобное хозяйство в Порошкино и на разгрузку дров для населения города, которые приходили баржами с лесозаготовок. Помню, один раз мы разгружали баржу для хлебозавода Дзержинского района. Разгружали с вечера

и всю ночь. Руководил нашей группой Константинов П. К.. Меня и Тадовскую он жалел, так как женщин было только нас двое, часто посылал отдыхать за будку на барже. А утром по окончании разгрузки нам дали по маленькому кусочку хлеба грамм по 50 и чуточку разбавленного спирта. Мы, конечно, опьянели, но были очень довольны выполненным заданием и тем, что трудности позади и можно прийти и поспать. Направляясь к команде по набережной Невы, мы громко пели песни.

Еще помню неприятный случай, как я попала на лесозаготовки. Это было 23 февраля 1944 года. Был день Советской армии и флота. К этому времени в нашем карауле начальником была Подберезкина А. В. Такая была беспокойная командирша. Ходила в брюках, в больших кирзовых сапогах, подковки которых безбожно стучали, нарушая тишину. Командовала громко и разговаривала тоже. Она любила петь, всегда была запевалой и начинала с песни чапаевских лет. Как сейчас помню эти слова: «командир-герой, герой Чапаев, шел все время впереди» и так далее. В общем, от создаваемого ею шума мы очень уставали. В этот день она также заставила всех

Пост на крыше Эрмитажа

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

петь. Мне петь что-то не хотелось, этим вызвала гнев Подберезкиной. «Ах, так, — решила она, — не поешь, иди вне очереди на пост». Одеваясь на пост, я выразила недовольство, а когда пришла на вышку, мне велели вернуться опять в команду. За это время она нажаловалась начальнику команды Парашенко, и тот мне объявил о том, что я еду завтра на лесозаготовки. Так я вне очереди попала на лесозаготовки, так как женщин старались посылать на лесозаготовки летом. Я не помню, как собиралась и с кем ехала, но помню, что я среди группы была одна женщина.

Когда мы приехали на станцию Морье, то меня поместили в мужской барак, так как женщин на станции не было. Барак был длинный, по стенам стояли сплошные топчаны, а посередине были столы, и топились печь-временка. Был уже поздний вечер, поэтому кто спал, а кто ходил, причем в нижнем белье, не стесняясь меня, как будто и не было здесь женщины. До утра отдохнули, а потом на подкидыше отправили в «голубую дивизию» — так называли наш городок по лесозаготовкам. Здесь я отработала полтора месяца на трелевке леса. Приходилось очень трудно, так как организм был слабый. Поднимались очень рано, скудно завтракали и шли несколько километров пешком до леса, а было холодно, мороз, снегу полно, идти трудно, но пока свою норму бревен не вытащишь на дорогу, домой не отпускали. Бригадиром женщин был Дунаев, как звали и из какой команды не помню, но был человек жестокий. Бывало, такое бревно в клетке попадает, что и с места не сдвинешь! А он подойдет еле сам на попу поставит, а скажет: «неси, или распили да вынеси». А пилить с кем? Его это не касается. И вот еле волочишь, да еще в гору. Было тяжелее, чем на каторге. Возвращались поздно. Пища была плохая, пахла торфом, так как готовилась на торфяной воде. Первое время первые блюда не могла есть, так как все рвало, желудок не принимал эту воду, а другой не было. Под конец смены обессилела, и врач лагеря от трелевки меня освободила.

Не менее трудно было, когда летом ходили в Порошкино, на свое подсобное хозяйство. Утром нас накормят рано. До станции Озерки доедем на трамвае, а там пять километров пешком. Еле придешь, а Павлов (начальник подсобного хозяйства) еще даст каждому сотки по две вскопать целины. И вот мы часов до четырех вечера копаем. А потом дадут поесть, и опять копать или полоть, и так дотемна, и опять пять километров пешком домой. И так через день. В лучшем случае иногда возили нас на машине.

Еще один помню случай обстрела. Это было лето 1944 года. Был солнечный день. Когда начался обстрел, я стояла на посту на крыше Эрмитажа. Снаряды со свистом летели через голову в Неву и там разрывались, поднимался большой столб воды. Будка дрожала, и мне было страшно, а нужно еще было по телефону сообщать, куда попадают снаряды. Но все кончилось благополучно. Прямого попадания в здание Эрмитажа не было.

День снятия блокады был очень радостным. Мы и пели, и плясали, и обнимались. А вечером был салют. К нам пришли сорок человек моряков, по-моему, это были курсанты. Двадцать человек пошли на крышу Эрмитажа и двадцать — на крышу Зимнего, я вместе с ними. С крыши мы стреляли из ракетницы. Я тоже сделала семнадцать выстрелов и набила мозоль на руке у большого пальца.

В каждом подразделении бывает веселый и находчивый товарищ, с которым трудности переносить бывает легче. В нашей команде была пожарная Сметанкина А., которая любила и петь, и плясать по-цыгански. Она-то и была всегда заводилой веселых минуток. Впоследствии ее фамилия была Дударева.

Вот так жили и работали мы — молодое поколение 1940-х годов. Нам было трудно, холод и голод, и смерть были вокруг нас, но мы знали, что преодолеем все трудности, что защитим наш город, город Ленина. Перед нами была большая цель — отстоять Ленинград, и мы выстояли и победили.

21 февраля 1975 года

Пожарная охрана Дороги Жизни

*Николай Николаевич Кулешов,
начальник пожарного поста
Осиновецкого порта*

телефонный звонок. По телефону мне председатель городского совета приказал немедленно явиться в Горсовет. Быстро одевшись, я выскочил на улицу. По пути вижу, что по всем улицам города военные летчики бегут на аэродром, работники милиции — в милицию. В такой ранний час закралось что-то неладное и тревожное в душе. Но я больше думал, что это учения МПВО, которые стали частыми. Явившись в кабинет председателя Горсовета, я там увидел все руководство города. Председатель приказал мне поднять весь личный состав по плану МПВО и привести в боевое состояние всю резервную пожарную технику.

В команде я сделал все, как было приказано. Утром по радио было объявлено, что в 12 часов дня будет передано Правительственное сообщение товарища Сталина. Стало ясно, что началась война.

В этот же день мимо города по Ленинградскому проспекту пошли на фронт танки и моторизованные части Красной Армии. Была объявлена мобилизация.

Первые дни войны в Гатчине было относительно спокойно. Некоторое время вражеская авиация пролетала мимо нашего города, направляясь в Ленинград. Мы уже привыкли, и нам как-то не верилось, что будут бомбить и наш городок. Мы, конечно, ждали со дня на день бомбежек, и по мере своих сил готовились к ним. Нужно было подготовить население, здания и сооружения,

«Есть разные дороги:
магистральные, городские,
деревенские, разбитые
и ухоженные,
есть даже гоночные и кольцевые,
но была и есть одна дорога,
цена которой —
жизнь ленинградцев...»

Войну я встретил в городе Гатчине (или как тогда ее называли — Красногвардейске). Я был назначен туда начальником Городской пожарной охраны, взамен т. Демьяненко, переведенного в Ленинградское УПО на должность начальника отдела техники. Мне много пришлось поработать в городе.

В 5 часов утра 22 июня 1941 года у меня на служебной квартире раздался

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

подготовиться самим. Работы было по горло. Первейшей нашей работой мы стали считать профилактику. Не забывали, конечно, и оперативную работу. Большую помощь нам всегда оказывала Солодухинская пожарная дружина.

В начале сентября 1941 года к нам стали прибывать команды с других городов, эвакуированные вследствие наступления фашистов. У нас появились команды из Луги, Кингисеппа, Пскова, Стругов Красных (поселок в Псковской области) и даже из Эстонии. Нам было приказано принимать эвакуированные команды и использовать их на обороне города Гатчины. Все прибывающие команды мы отправляли на определенные объекты. Выставили пожарную охрану на Граммофонном заводе, у Павловского дворца-музея, на Варшавском вокзале и других объектах. Город получил мощную пожарную охрану, насчитывавшую до тридцати пожарных машин.

Долго держался город Луга. По распоряжению УПО, в пожарную команду Луги мы доставляли на грузовой автомашине бензин, рукава и другие материалы.

Первая бомбежка города началась вечером, день я не помню. Начали возникать пожары. Бомбежки производились с немецкой аккуратностью в 12 часов дня и в 17 часов. Отбомбятся немецкие самолеты, помашут крыльями, и улетают к себе. Гатчинские пожарные не давали пожарам принимать большие размеры. Тогда немцы предприняли бомбежку пожарной команды. Прямым попаданием была разбита конная механическая лестница. Во время этой бомбежки оторвало большой палец правой руки заместителю начальника ГПК т. Швецову, и получил довольно сильное ранение в ягодицу заместитель начальника ГПК по хозяйственной части. Для создания паники среди населения фашистская авиация сбрасывала пустые продырявленные бочки, и они издавали страшный вой, но потом к этому привыкли.

Пожары возникали ежедневно, и в разных концах города. Одна Гатчинская команда вряд ли бы справилась с таким количеством пожаров. Чего только мы не тушили: тут был и уникальный

самолет «Илья Муромец» Сикорского, хранившийся на Гатчинском аэродроме, и промышленные предприятия, и, главным образом, жилые дома.

Все чаще и чаще стали появляться в Гатчине отступающие воинские части. Чувствовалось, что Гатчину не удержать. В двадцатых числах августа к нам приехал заместитель начальника облУПО т. Прохоров Т.И. Я подробно ему доложил о состоянии пожарной охраны и мои соображения о дальнейшей работе. Ни Прохоров, ни я не ставили вопроса об эвакуации команды. Мы надеялись стоять до последнего. Решили с Прохоровым объехать все «наши точки», то есть места стоянок наших подразделений. Последними мы посетили Малые Колпаны. Все было хорошо. Никто ничего нам не сообщал, а наши звонки общались о полном благополучии. Возвратились в Гатчинскую пожарную часть и... никого не застали. В части был полный беспорядок, везде разбросаны бумаги, кое-какие вещи, и прочий хлам и мусор. Надо сказать, что находясь в 3-й команде в Малых Колпанах, мы слышали далекую перестрелку и орудийные залпы. Это были арьергардные бои нашей армии.

При подъезде к Гатчине мы видели заградительные отряды. Но надо было выяснять, где же наши люди и машины. Выяснили, что по чьему-то распоряжению все пожарные силы были выведены в деревню Яблоновка за 5–6 километров от Гатчины. Мы направились туда.

Там были все представители власти, все «отцы города». Наши машины стояли на улице выткнувшись «гуськом». Тут же были и личный и командный состав. Все вооружение было на машинах, люди были в боевом обмундировании. Я нашел своего заместителя т. Орлова, который мне сообщил, что выехал из Гатчины по устному распоряжению, полученному от начальника РО НКВД. Ни я, ни Прохоров не поверили этому, и пошли к начальнику РО НКВД для проверки сообщения Орлова. Но последний подтвердил свое устное распоряжение и приказал пожарным машинам ехать в направлении на город Слуцк (ныне Павловск), где и ждать последних распоряжений. Прохоров

Пожарная охрана Дороги Жизни

приказал оставить один автонасос для патрулирования города Гатчины. Для этого я выделил автонасос школы младшего начальствующего состава, который с людьми и выехал в Гатчину. Школа помещалась в Мариенбурге.

В Слуцк мы приехали около девяти часов вечера, собрались на территории пожарной команды г. Слуцка. Прохоров немедленно приказал рассредоточить все силы, разместив пожарные машины по ответственным объектам. Мне лично было приказано принять охрану города Павловска на себя. Начальником городской пожарной охраны в Павловске был т. Орлов, брат моего заместителя. Юридически он оставался начальником города, так как обо мне не было никакого приказа. Прохоров после этого уехал в Ленинград. В 24 часа того же дня меня срочно вызвали к телефону. Я говорил с представителем Облсполкома, который приказал всем гатчинским пожарным возвратиться в Гатчину, в которой из-за фашистского налета возникло много пожаров, и фактически вся Гатчина оказалась в огне. Мне удалось довольно быстро собрать приблизительно до двухсот гатчинских пожарных при тридцати автомашинах, и все мы, обсудив с начсоставом предстоящую задачу, доведя ее до личного состава, тронулись в обратный путь.

В Гатчину мы прибыли рано утром. Действительно город горел, но не так уж сильно, как мне говорил представитель Облсполкома. Горели нефтесклады, Граммофонная фабрика, горели на Варшавском вокзале товарные вагоны и некоторые станционные постройки. Особо большой пожар был на Госпитальной улице. Фашистская авиация прострочила ее всю зажигательными бомбами. Оценив обстановку, я расставил все наличные силы, организовал водоснабжение, определил каждому командиру участка его задачу и, убедившись, что все мои указания приняты к исполнению и работа пошла с успехом, я отправился в Районный отдел НКВД для доклада начальнику РО НКВД. В кабинете начальника РО сидел представитель следственного отдела НКВД ЛО т. Сократилин Б.Н., который объявил мне, что я арестован. Он даже

не выслушал моего доклада и отправил в камеру, где уже сидели начальник Гатчинской милиции, секретарь РК ВКП(б), председатель Горсовета и другие ответственные люди.

Спустя небольшое время нас всех отвезли в Ленинград, в Большой дом, где меня поместили в одиночную камеру. После я узнал, что для общего руководства пожаротушением в Гатчине прибыл т. Прохоров. В это же время у Круглой Риги, после окончания пожара, когда личный состав уже садился на автомашины, близко от машины разорвалась фугасная бомба, осколками которой на месте был убит политрук 3-й ГПК тов. Сивков.

Дня через три-четыре меня начали допрашивать, обвиняя в том, что я со всей пожарной командой бежал из города, не имея никакого приказа на это. Следствие велось быстро. Дней через пять-шесть после начала, следствие было закончено, а дело передано в Военный трибунал войск НКВД, который не замедлил собрать нас всех для заслушивания обвинительного заключения. Нам всем была предъявлена статья 58 УК, но каждому определен разный параграф статьи. Вместе со мной был уже т. Прохоров, которого арестовали после тушения пожара в Гатчине, и мой заместитель Орлов. После нам объявили приговор Военного трибунала. Начальника РО НКВД приговорили к расстрелу, председателя Горсовета, секретаря РК ВКПб, начальника Милиции приговорили на разные большие сроки, т. Прохорову дали три года, а меня и Орлова оправдали. Но меня и других не освободили. Мы сидели еще двадцать четыре дня.

Оказалось, что прокурор потребовал пересмотра дела. После пересмотра все были оправданы и выпущены на свободу. Я после освобождения явился к Климову, который направил меня в свою, Гатчинскую команду, стоявшую в селе Рыбацком. Я направился туда, но в Рыбацкое меня не пропустил заградительный отряд. Тогда я вернулся на Мойку (в здание УПО Ленинграда) к Климову и изложил свои мытарства. Климов мне сообщил, что половина Гатчинской команды находится в Лисьем Носу. Команду эту возглавлял бывший

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

начальник Школы младшего начсостава в Гатчине, и он ушел добровольцем в Красную Армию. Я и пошел на его место.

В Лисьем Носу я пробыл всего девять дней. В 5 часов утра мне срочно позвонили и приказали немедленно прибыть в Областное управление пожарной охраны со всем своим личным составом и машинами. Мы в указанное время прибыли в Ленинград, где нас принял батальонный комиссар Иванов. Он сообщил нам, что на основании Военного Совета Ленинградского фронта нам надлежит немедленно выехать в расположение маяка Осиновец на Ладожское озеро, где Балтийский флот организовал на своих судах эвакуацию населения из Ленинграда и доставку с «большой земли» продовольствия, военной техники, снарядов и прочее. В качестве руководителя к нам был прикреплен старший сержант госбезопасности т. Евграфов.

Прибыли на станцию Ладожское озеро в середине дня 24 сентября 1941 года в составе пятидесяти человек личного состава, в основном, состоящего из курсантов Гатчинской школы младшего начсостава Ленинградской области, двух автонасосов и других автомашин. В нашу задачу входило организовать пожарную охрану всего побережья от Ваганова вплоть до Морья протяженностью 25 км. Евграфов и я объехали район обслуживания на легковом «газике», и решили весь личный состав и пожарную технику расположить в четырех точках.

Первая точка — это наш штаб пожарной охраны, где я, как начальник, должен был сосредоточить основные силы — автоцистерну ЗИС-5 и М-600. Это было на самом берегу Ладожского озера. Приспособили дощатый домик — бывшую лоцманскую службу, под комнату связи, комнату шоферов и комнату для политрука и меня. Для размещения автоцистерны вырыли землянку-гараж, а рядом — землянку-бомбоубежище, где расположился остальной боевой расчет. Потом здесь построили баню-землянку, и она приобрела всеобщую известность у гарнизона базы. Здесь мылись и шоферы, которые после разгрузки забегали к нам, и мы не отказывали, при условии, что они придут со своими дровами.

Вторая точка была установлена у самого маяка «Осиновец» в одном дощатом сарае со складом Военторга. Я все время боялся за нее. Немцы усиленно бомбили маяк, и все кругом было изрыто воронками. Было ясно, что с этого места отделение на автонасосе ГАЗ-АА нужно перевести куда-то в более безопасное место. По согласованию со штабом Военно-морской базы мы перевели вторую точку через шоссе, на другую сторону напротив маяка и пирса. И буквально через два дня на то место упала 25-килограммовая авиабомба с пикировщика и разрушила этот дощатый сарай, где два дня тому назад стояла наша техника, и располагался личный состав. Таким образом, мы упредили потери в людях и технике.

Третья точка была дислоцирована в пяти километрах от станции Ладожское озеро на мысе Гольцмана. Там мы оставили три человека во главе с начальником караула тов. Николаевым, с мотопомпой без автомашины. Этот мыс использовался для разгрузки угля, и некоторое время — для разгрузки из танкеров в дорожные цистерны легковоспламеняющихся и горючих жидкостей.

Помню, там был начальник пожарной охраны головного склада ЛВЖ и ГЖ, который во время разгрузки, наблюдая за пожарной безопасностью, нечаянно в ватных штанах и ватнике провалился в яму, заполненную бензином, и продолжал работать не переодевшись. Он получил серьезные ожоги тела, был отправлен в Ленинград и там умер. Фамилию я его забыл, но знал его как начальника Сиверской ГПК. Он был мобилизован как офицер и назначен начальником пожарной охраны головного склада ЛВЖ и ГЖ на мысе Гольцмана.

Четвертую точку наметили в Морье для охраны пирса для перелива легковоспламеняющихся и горючих жидкостей. Там находилась Ладожская военная флотилия со всеми службами. Место в Морье впоследствии было передано военно-морской пожарной команде, у которой имелось два автонасоса типа ГАЗ-АА. Морская команда поступила в мое оперативное подчинение. Несколько раз я вызывал ее на помощь в тушении пожаров

Пожарная охрана Дороги Жизни

в Осиновец. Расстояние от Осиновца до Морье было девять километров.

Кроме перечисленных пунктов, на Ладожском озере были небольшие команды на артиллерийских складах, складе горюче-смазочных материалов в Борисовой Гриве, на продовольственных складах и другие. Это были все военные команды, опять же подчиненные мне оперативно. Командовал тогда на Ладожском озере капитан 1-го ранга Ванифатьев.

Мои пожарные в намеченных точках отрыли в первую очередь землянки для автомашин, затем землянки для личного состава и телефонных станций. По приказанию капитана 1-го ранга Ванифатьева все пожарные команды на побережье Ладожского озера были связаны полевыми телефонами. На маяке Осиновец мы выставили постоянный каланчевый пост, немало помогавший нам в указании мест пожаров. Так нами и был организован пожарный надзор на побережье Ладожского озера.

Служба неслась в одну смену, никаких отпусков: половина личного состава отдыхала после несения нарядов, а другая половина находилась в полной готовности к выезду на пожары и несения постовой службы и других нарядов.

В первое время никак нельзя было добиться пайка, нас никто на питание не хотел принимать. Пока я обивал пороги кабинетов Военного интендантского управления, добываясь пайка и обмундирования для личного состава, мы по разрешению т. Ванифатьева из ближайших полузатопленных барж с гречневой крупой в сентябре-октябре ныряли, и поднимали оттуда два-три мешка (больше брать было нельзя). Перекисшую крупу сушили на противнях и варили кашу, ели без масла, горькую-прегорькую, и это было для нас счастьем. Потом питание наладилось, прикрепили нас к одному из воинских подразделений и ежедневно привозили на весь личный состав завтрак, обед и ужин. Хлеб получали из походных пекарен, раздавали сразу месячную норму. Трудно было, но сушили и старались протянуть до нового месяца. Иногда выпрашивали сухарями, это было лучше для сохранности, ведь у некоторых ребят хлеб плесневел.

Ежедневно, два раза в день на пирс Осиновец, где шла разгрузка продуктов для Ленинграда с прибывших барж и других плавсредств, налетали два-три пикировщика, а несколько раз — и по шестьдесят стервятников. Их наши зенитки сбивали с прицельного огня и отгоняли, но вред, разрушения, загорания и пожары они вызывали. Тушили успешно, иногда даже не замечая, что нас бомбили. Учитывая, что длина деревянного пирса больше трехсот метров, я приказал проложить под мостками готовую рукавную линию литер «А» для обеспечения быстрой подачи воды к пожарам, и это оправдалось. Правда, один раз, когда загорелось судно, мы подали воду, но из-под развороченных мостков хлестала вода из разорванного осколком пожарного рукава. Это было замечено, и рукав был быстро заменен. Но на меня налетел с револьвером сам капитан 1-го ранга Ванифатьев, прибывший на пожар. И когда я ему спокойно объяснил, что причина была в бомбежке, рукав заменен, и он сам увидев, что вода на пожар поступает бесперебойно из трех стволов литер «Б» и одного ствола литер «А», а также прибывает помощь с других точек, он успокоился и убрал свой наган в кобуру. После пожара он даже объявил перед строем пожарных благодарность за самоотверженность при тушении пожара.

Иногда т. Ванифатьев приказывал выделять технику для откачки севших на дно барж с продуктами или со снарядами. Кажется, около тридцати раз пожарные с мотопомпами поднимались на борт этих полузатопленных барж для откачки воды, и после заделки пробоин, полученных в пути, буксиры их доводили до причалов пирса для разгрузки. Мы не давали покоя УПО области, прося о замене поврежденных мотопомп, ведь они тоже при откачке подвергались налетам стервятников.

Помню, по приказу т. Ванифатьева со второй точки (от маяка) была выделена автоцистерна для перекачки спирта-сырца в железнодорожную цистерну. Не обошлось и без соблазна: один только раз наш моторист и боец напились в стельку. Тогда их чуть было не отдали

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Дорога Жизни под обстрелом

под трибунал. Однако потом посадили под арест в землянку у маяка на трое суток. После этого никто не стал пить этот спирт. Во время моей работы на Дороге Жизни пожары были неоднократно. Все они возникали от вражеских обстрелов и бомбежек. Налеты были так же в 12 и 17 часов. Бомбили пикирующие бомбардировщики. Выезжали на тушение пожаров на складах, в землянках и даже выезжали на лед для тушения горящих машин. Тушить пожары на льду было трудно. Нет воды, а тушить надо.

В поселке Борисова Грива также находился склад ЛВЖ и ГЖ, куда по трубе, проложенной по дну Ладожского озера, с «большой земли» подавалось топливо и даже спирт — попеременно. Начальником пожарной охраны этого склада был бывший начальник пожарной охраны завода Красный Гвоздильщик на Васильевском острове т. Григорьев.

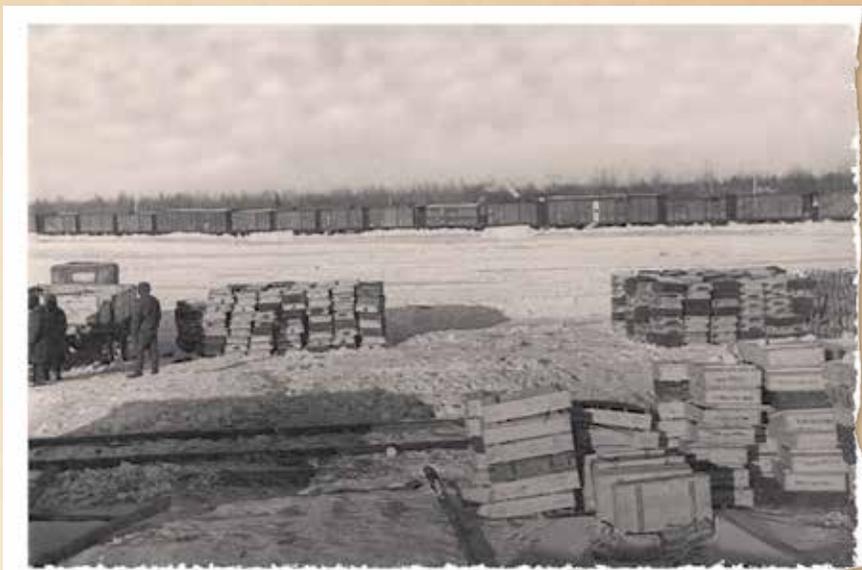
Со всеми начальниками пожарной охраны я имел оперативную связь, и с точки зрения профилактики периодически проверял все объекты в районе обслуживания. Кроме того, личный состав проводил обходы по намеченному маршруту по складам, пирсам и землянкам. Все объекты, которые находились в землянках: Ладожская Военная флотилия в Морье, Батальон авиаобслуживания (они производили погрузку и разгрузку продуктов

с барж в железнодорожные составы), команда службы «Эпрен», Балтхфлот, маяк (там у нас стоял круглосуточный пожарный пост на вышке маяка с прямым полемым телефоном прямо в штаб пожарной охраны в первой «точке», где находились наши телефонистки), железнодорожная станция Ладожское озеро, эвакуационный пункт (большая землянка у станции), полевая почта, батальон НКВД (охрана грузов), склады снарядов, продуктов и т.д., медслужба в железнодорожном вагоне, зенитная артиллерия.

Нашим пожарным профилактикам приходилось очень трудно, особенно зимой, когда всюду разжигались костры, отогревались автомашины, грелись люди. Запретить это было невозможно, поэтому изыскивались наиболее безопасные мероприятия и, если уж видно было, что явно грозит пожаром, то просто запрещали. Даже когда не слушали, пожарные выезжали на место и тушили костры. Много было скандалов, но такова наша служба.

Зимой, как известно, была создана ледовая дорога по льду озера из Кобоны, с той стороны, на нашу сторону — в Ваганове, поэтому большая часть грузов шла, минуя Осиновец, прямо через Борисову Гриву в Ленинград. От Осиновца эта ледовая дорога находилась в восьми километрах в сторону.

Пожарная охрана Дороги Жизни

Ценный груз для осажденного города

1942 год. Зима. Посмотришь, на озеро в сторону ледовой дороги как стемнеет, и видишь, как будто бы мост, освещенный с того берега, перекинутый на наш берег. А это грузовые автомашины друг за другом с интервалом в одну машину идут по льду с полным освещением своих фар. Со стороны Шлиссельбурга методиче-ски шел обстрел ледовой дороги. Иногда вспыхивало зарево — это значит, загоралась автомашина. Пытались ездить туда на пожар, но так была загружена автомашинами вся дорога, что и думать было нечего туда доехать. Автомашины были сплошь, как в очереди, и двигались они медленно. Шли они одна за другой, груженные тушами баранины, снарядами и другим.

Благодаря ледовой дороге поток грузов увеличился в несколько раз. Ящики со снарядами складывались по обе стороны

дороги, на всем восьмикилометровом пути от Ваганова до Осиновца, и рядом с нами кругом были снаряды. Жили, что называется, «на бочке с порохом», но, к счастью, налетов фашистской авиации не было. К весне все снаряды на железнодорожных составах были отправлены в Ленинград.

В мае-месяце 1942 года меня вызвал к себе начальник ВМБ капитан 1 ранга товарищ Ванифатьев и приказал представить список всего личного состава для того, чтобы, перевести всех нас в состав Военно-морской базы в качестве военно-морских подразделений пожарной охраны на положение военнослужащих. Об этом я поставил в известность свое Управление пожарной охраны. Прибыв к нам в Осиновец, представитель УПО и Штаба морской базы договорились, чтобы нашу команду не передавали в Красную Армию, а отвели в Борисову Гриву. Мне лично приказано было выехать в Сестрорецк, и 17 июня 1942 года я был назначен на должность начальника пожарной охраны города Сестрорецка.

На этом и кончилась моя служба на «Дороге Жизни», и началась служба в прифронтовом городе в полукилometре от наших передовых линий, в пустом деревянном городе с населением двести человек.

Дорога Жизни

3 февраля 1968 года

Шедевры, возрожденные из пепла

Алексей Родионович Лисенков,
начальник 31 ВПК

В декабре-месяце 1943 года были организованы Курсы разминиров на Хрустальной улице, для подразделений пожарной охраны, которые после освобождения Ленинградской области должны были вернуться в свои города. Из 31-й ВПК были посланы на Курсы: я (начальник 31 ВПК), помощник по строевой Костянко и шесть бойцов. Окончание Курсов было назначено на 20 января 1944 года.

17 января телефонограммой меня вызвали в часть к 11 часам 18 января, начальник Курсов попросил сдать зачеты утром. 18 января я сдал зачеты по всем дисциплинам, и к 11 часам 18 января прибыл в часть. Заместитель по политической части Коновалов доложил, что звонил диспетчер пожарной охраны, сказал выезжать в город Пушкин в составе автососа и цистерны. Позвонил диспетчеру, который сообщил, что в городе Пушкине видны пожары. Управление МВД запрашивало штаб Ленфронта, нам ответили, что ни один солдат наступающих войск через Пушкин не будет проходить, есть предположение, что немцы удирают из Пушкина, поскольку наши войска заняли Красное Село и продвигаются на Гатчину. После этого трубку взял дежурный по городу Иванов и сообщил о том, что он едет с нами в Пушкин, мы наметили маршрут движения через Александровку. Ехать по прямой дороге на Пушкин нельзя — мосты через речушки все взорваны.

В 11 часов ночи 18 января я на двух автомашинах отбыл в город Пушкин. На автоцистерне ехал заместитель по политической части Коновалов. Подъезжая к Александровке, мы увидели необычную картину: вся площадь укрепленного района

немцев, в том числе, и дорога, в воронках, снегу, как и не было, кругом черно, на дороге и на обочинах лежали трупы немецких солдат и офицеров, и наше движение сильно затруднилось. Пришлось очищать дорогу от трупов и объезжать воронки. В это время нас догнал дежурный по городу Иванов. Медленно подъезжали к Пушкину: полуразрушенный город был мертв, ни одной живой души. Окна выбиты во всех домах, возле домов валялась мебель. Самая проезжая улица оказалась Коминтерна (*ныне Оранжевая улица*), да и та была до второго этажа замаскирована зигзагообразными соломенными ... (*неразборчиво*) с тем расчетом, чтобы движение людей и транспорта по улице не было видно с воздуха.

Повернув с Комсомольской улицы на Коминтерна, мы увидели, как изо всех окон общежития сельхозинститута бушевало пламя. Произведя разведку пожара, установили, горит одна треть здания, огонь дошел до огнестойкой лестничной клетки, дальше распространиться не мог, часть перекрытий рухнула. Приступить к тушению было невозможно, поблизости водосточников не было. Разведав подвал не горевшего здания общежития, который был превращен в казармы, оборудован нарами и тепло натоплен, мы увидели, в одном помещении установлена была плита, на которой стоял котел с полу гнилой вареной картошкой, последняя была теплая. Это говорит о том, что немцы покинули город рано утром 18 января. По Пушкинской и улице Труда (*ныне Леонтьевская улица*) — ни пешеходных следов, ни проезда транспорта не было, все занесено снегом. Я решил один разведать, в каком состоянии здание пожарной команды. Проходя по площади

Шедевры, возрожденные из пепла

Царскосельский дворец после пожара

перед исполкомом, я увидел, как там стояли четыре зенитные пушки с замками и снарядами, это говорит о том, что немцы бежали в панике. Осмотрев здание части, открыл для себя жуткую картину: полы все выломаны, стекол нет, да притом стало темно. Прибыв в подвал сельхозинститута, мы решили переночевать в теплом помещении.

Утром 19 января 1944 года, проходя по Пушкинской улице (в то время носила название Колпинская улица) в направлении пожарной части, увидели, что улица Труда была загорожена проволочными заграждениями, и повешены были «мины». Это было наше счастье, что минные поля в Пушкине были обозначены табличками и проволочными заграждениями, это второй раз подтверждает, что немцы бежали в панике. Обследовав вторично здание, мы обнаружили в дымоходах несколько гранат, надо было срочно приступать к ремонту своего здания, чтобы к ночи можно было создать теплый очаг и приготовить обед для личного состава. Вернувшись в подвал общежития, я отдал распоряжение шоферам без бойцов следовать на автомашинах по моим следам в часть, а личный состав — по следам автомашин. Снег был неглубокий, и мы добрались до части без помех.

Вечером 19 января Коновалов поехал проверить, что происходит в Павловске. Но доехать не смог: железнодорожный мост, под которым надо было проехать, был разрушен. Но признаков пожара или зарева в Павловске не было обнаружено. Там также не было ни одной души. После отдачи распоряжения, чем заниматься личному составу по восстановлению здания, я с тремя бойцами на цистерне поехал в Павловск через Тярлево. По Московскому шоссе дорога была наезженная, чувствовалось, что немцы удирали именно по этой дороге. Подъезжал к Павловску окружным путем. Картина вырисовывалась такая же, как в Пушкине: полуразрушенный город и ни одной живой души. Оба города были пустынные.

Дороги к Павловскому дворцу через парк не было, а ехать на машине было рискованно, мы пошли пешком. Павловский дворец оказался давно сгоревшим, и весь занесен снегом. И когда вернулись жители Павловска из лагерей Гатчины, подтвердили, дворец сгорел в июле-месяце 1942 года, и также в июле 1944 года реставраторы, обследовав дворец, установили, что он горел не менее двух лет тому назад. Все стены и картины на них были уничтожены длительными дождями, морозами и другими атмосферными влияниями.

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Кладбище немецких солдат

Возвратясь в Пушкин, я решил срочно обследовать Екатерининский и Александровский дворцы. Екатерининский дворец имел много пробоин снарядами и в центральной части разрушен, видимо, тяжелой бомбой. Внутри здания все было разграблено, в том числе, и малахитовый зал. В каретном зале была организована конюшня. Проходя подвалом, мы обнаружили одиннадцать двухтонных бомб складского типа без взрывателей, на некоторых лежали накладные заряды из толовых шашек с электровзрывателями, и подведены провода, идущие наружу здания. Проследив по проводам, мы дошли до царской бани, в которой стояли табуретки и два конца зачищенных проводов лежали рядом. Адской машины для взрыва не оказалось. Возвратясь в подвал, где были бомбы, я вытащил из машины электровзрыватели, удалил толовые шашки, тем самым совершенно обезопасил от взрыва (я уже к тому времени был дипломированный сапер). Вытащить их наружу мы не смогли. Входные двери заколотили наглухо...

На Комсомольской улице (ныне Садовая улица) от Екатерининского дворца по склону парка до кухонного корпуса было немецкое кладбище, где хоронили немецких солдат и офицеров: сплошные по всему склону березовые кресты.

Александровский дворец также был разграблен. Одни пустые стены. Возле дворца на фасаде также было кладбище немцев, а возле самого дворца стоял памятник какому-то видному генералу. На Московской улице возле почты были две виселицы, а также виселица у Орловских ворот. Проходя по улицам, я обратил внимание, чем вызвано, что немцы выкинули всю утварь и мебель из жилых домов через окна: заходя в дома, мы обнаружили, что дощатые полы были выломаны для оборудования землянок за городом, на обратках склонов оврагов. Немцы ни одно здание не использовали под жилье — боялись бомбежек и обстрелов. Исключение составляли подвалы со сводчатыми перекрытиями.

Жуткая картина вырисовывалась, когда мы заходили в жилые дома. На лестничных клетках и в квартирах были надписи «Прощайте. Уходим. 15 сентября 1942 г.», «Прощайте. Уходим 15 октября»... И так в каждой квартире. Впоследствии оказалось, что немцы в один день согнали всех жителей Пушкина и Павловска и конвоировали за город Гатчина в подготовленные лагеря. Нежелающих — расстреливали. И с 15 сентября 1942 года ни одного жителя в городах Пушкин и Павловск не проживало. Улицы Труда, Пролетарская

Шедевры, возрожденные из пепла

(ныне Церковная улица), Васенко (ныне Дворцовая улица) были заминированы. В двух местах по Пушкинской, и весь Октябрьский бульвар на всем протяжении были заминированы минами зимней установки.

20 января 1944 года по окончании курсов разминеров, на третьей автомашине в Пушкин следовало наше подразделение, и в районе Александровки встретили начальника 2-го отдела УПО Тарвида, который сообщил, что догорает общежитие сельхозинститута. Это здание горело четыре дня, потому что его тушить не было никакого смысла, даже при наличии близкого водосточника. При дальнейшем обследовании Пушкина были обнаружены в районе частных домов, особенно на Новой улице, следы кровавых расправ над мирными жителями. В одном из домов было обнаружено восемь разложившихся трупов, из них пять человек — расстрелянных в запертом сарае, одна женщина — на пороге в коровник, и возле дома мальчик, у которого мы вынули пластмассовый портсигар, в котором находились метрики и четыре трехрублевых банкноты. Мальчику было тринадцать лет. Все эти убийства совершались в сентябре 1942 года, и после этого немцы этот район не посещали и трупы не хоронили. Документы и портсигар я передал прокурору Пушкина Нестерову. Таких незахороненных трупов было очень много, в том числе сотни — в канаве по Парковой улице (в то время носила название шоссе Урицкого). И зарыты всего на двадцать сантиметров, при вскрытии — все расстреляны в затылок.

21 января 1944 года на совещании у председателя райисполкома стояли первоочередные задачи восстановления Пушкина, но пока восстанавливать было некому. Прибыли только милиция, пожарная охрана и руководящие работники. Я на совещании поставил наболевший в будущем вопрос насчет бани. Предварительно обследовал дворец «Палей» (дворец княгини Ольги Палей), в котором когда-то была баня, расположенная рядом с озером, но начальник райотдела МВД помогать рабочей силой отказался,

мотивируя это тем, что милиция занята более важными делами. Видя безвыходное положение, я решил во что бы то ни стало сделать это. Сделав утепленную будку на озере, установил насос «Гарда» и проложил трубы к бывшей бане. 24 января в день наступления наших войск на Павловск и Пушкин личный состав уже мылся в бане.

После шестидневного нашего пребывания в городе Пушкин, в 9 часов утра, мы стояли на улице Труда и смотрели, как по улицам Комсомольской и Коммунаров (ныне Средняя улица) с автоматами и винтовками наперевес двигаются войска по направлению Екатерининского дворца. Добежав до дворца и забравшись на крышу, водрузили красный флаг освобождения Пушкина и Павловска от немецких захватчиков...

1 февраля 1944 года в 1 час 30 минут в Екатерининском дворце возник крупный пожар. Туда выехала 31-я часть во главе со мной. О пожаре сообщили наши парные дозоры, которые при отсутствии связи направлялись по городу, в том числе, из милиции также патрульную службу осуществляли парные патрули. В 1 час 20 минут на Комсомольской улице наши дозорные встретились с милицейскими, и в это время из здания дворца послышалась автоматная стрельба, последовали несколько взрывов. А затем изо всех окон самого большого зала выбилось сильное пламя. После пожара были обнаружены канистры, простреленные пулями, видимо, с зажигательным.

Прибыв к месту пожара и оценив обстановку, я принял решение во что бы то ни стало преградить путь огню у капитальной стены. Но эта капитальная стена не разделяла крышу брандмауэрной стеной, и мной были брошены силы, чтобы остановить распространение огня по чердаку. Одновременно прибыл на машине начальник МВД Никитин, которого я попросил с нашей связисткой съездить на аэродром и вызвать дополнительную помощь. Автонасос я вынужден был поставить сразу на лед озера, рискуя, что при откачке воды, он может оказаться в озере. Прибывшие из Ленинграда

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

Екатерининский дворец

подразделения во главе с Кончаевым приступили к тушению пожара, а 31-я пожарная часть продолжала удерживать пожар, не давая распространиться по главному корпусу. Не зная конструкции здания, мы чуть не поплатились жизнями личного состава 31-й части. Металлические балки оказались не на наружных стенах, как обычно, а на внутренних, и схвачены Т-образными скобами с другой стороны стен. Когда температура достигла предела, балки деформировались, и внутренняя стена развалилась. На чердаке находились бойцы во главе с моим помощником Костянко. Трое из них провалились вместе с перекрытиями. На втором этаже были бойцы со стволами. Они, видя падение бойцов с чердака, быстро спасли их. Последние отделались легкими ушибами.

Во время тушения один из паникеров вспомнил, что в подвале находятся одиннадцать штук двухтонных бомб, которые при дальнейшем распространении огня могут взорваться. И сколько я ни доказывал, что толовые бомбы от температуры не взорвутся, многие со мной (даже солидные люди) не согласились. Тогда я посоветовал послать автомашину на аэродром и вызвать трактор с саперами. Когда они прибыли, я им объяснил, что бомбы без взрывателей. Они, проверив мои доводы, стали спокойно без всякой осторожности вытаскивать по настилу тросами бомбы, а огонь так и дошел до подвального помещения, где они находились. Кроме того, эти бомбы продолжали валяться в парке еще месяц...

4 августа 1976 года

Техника снова в строю

Константин Константинович Лобов,
сотрудник отдела
пожарной техники УПО

Описывать свое участие в защите от огня нашего города нет необходимости, так как эти эпизоды были опубликованы в книгах и ряде других документов. Но о нескольких эпизодах следует рассказать.

Шла война, выходила из строя пожарная техника, машины, рукава и так далее. Приходилось организовывать ремонт техники, ускорять сушку пожарных рукавов, для чего были приспособлены большие агрегаты по выработке горячего воздуха «АГВ». Это дало возможность быстро производить сушку пожарных рукавов и оттаивать ПТВ (пожарно-техническое вооружение). Этим делом и пришлось заниматься работникам отдела техники,

Великая Отечественная война застала меня в Ленинградской пожарной охране. С первых дней войны я работал в ВПЧ-33 (военноизготовленной пожарной части), а 17 апреля 1942 года был переведен в УПО г. Ленинграда, в отдел пожарной техники. В отделе были товарищи: Демьяненко, Долженко, Зуев, Мартьянов, Колмаков, Куневич, Колашников, Журавлев и ряд других товарищей, а ведь всегда кто-то лучше, кто-то проще, честней и так далее. Сдружились мы с т. Мартьяновым И. М., с которым проработали в одном отделении всю войну и вместе принимали участие в защите от огня нашего города.

За время войны пришлось побывать на очень многих пожарах: это Красный Нефтяник, ф-ка Возрождения, на улицах Боровой, Плуталова и на многих других объектах. Видел, как трудились наши бойцы и офицеры.

Конечно, непосредственного тушения пожаров в годы войны принимать не приходилось, так как наша задача как специалистов стояла в обеспечении работы тыла, работы автотасосов, исправности рукавов и всего пожарного вооружения, которое могло применяться при тушении пожаров.

Разрушенный пожарный автомобиль

ГЛАВА II. Чтобы помнили. Воспоминания

с тем, чтобы ускорить подготовку пожарно-технического вооружения к следующей работе, а работы было очень много. Все эти работы проводились в тяжелых условиях войны. Личный состав: больной, голодный, но все понимали, что это все нужно для защиты нашего города от фашистских орд, поэтому не жалели своих сил. А когда настало время, что в боевых машинах не стало бензина, дело еще больше усложнилось. Тушение пожаров производилось снегом, песком и другими подсобными материалами.

Перед отделом техники встала задача переоборудовать часть пожарных машин на газовое топливо. Автонасосы стали переоборудоваться на газобаллонные и газогенераторные автомобили. В то время было переоборудовано два автонасоса ГАЗ-АА под газогенераторные, мне было дано задание освоить этот тип автомобилей, было откомандировано с вспомогательной команды два шофера. Это т. Горюховский, а фамилию другого я не помню. И мы на базе мастерских стали осваивать эти незнакомые установки. Несмотря на тяжелое состояние людей, работали день и ночь. Чтобы эти агрегаты хорошо освоить и дать им путевку в жизнь, необходимо было их разобрать и детально изучить весь процесс работы этих автомобилей, задача стояла сложная. После ряда неудач все же освоили их и сдали на вооружение в отряд вспомогательных служб. Эти машины принесли много пользы в тушении пожаров.

А какие были люди: полуголодные, больные, опухшие, но работали умело, с гордостью, не считаясь с жизнью, все

знали, что это нужно и необходимо для защиты города, колыбели Октябрьской революции, с тем, чтобы не дать войти в город фашистским полчищам, Ленинград защищался.

27 января 1944 года над Невой прогремел артиллерийский салют, возвестивший о полной победе под Ленинградом, это была ни с чем не сравнимая радость.

К концу войны работники пожарной охраны наравне с жителями города стали восстанавливать его. Была установлена норма времени, то есть количество часов, которые должен отработать каждый житель города, на что были выданы исполкомом зачетные книжки, где делали запись работ. А в конце 1944—в начале 1945 года при УПО была создана школа по освоению строительных специальностей: печников, кровельщиков, штукатуров и так далее. По программе в объеме шестидесяти часов я, как и другие, окончил эту школу с присвоением мне квалификации штукатура третьего разряда. Эту специальность я применял, кроме своей основной специальности автотехника, на восстановительных работах.

Можно смело сказать, мужество и героизм бойцов и офицеров пожарной охраны дало возможность справиться с пожарами, образовавшимися от артобстрелов, авиабомб противника, и нынешнее поколение бойцов и офицеров должно воспитываться на лучших традициях ветеранов пожарной охраны. Будьте достойны героев, которые сумели защитить Ленинград.

28 января 1975 года

Единство тыла и фронта

Б. Н. Мартьянов,
инспектор пожарной охраны
Ленинградского фронта

О событиях Великой Отечественной войны и блокированного Ленинграда написано немало книг, повестей и воспоминаний. Однако в них мало отражены некоторые вопросы, относящиеся к деятельности военной пожарной инспекции фронта, имевшей немаловажное значение при решении многих организационных и технических вопросов, связанных с размещением и хранением войскового хозяйства, боевой техники, военного имущества.

Ленинградский фронт попал в историю одновременно как неразрывные фронт и тыл. Он раскинулся на всем протяжении от Ораниенбаумского «пяточка» на Финском заливе до восточного побережья Ладожского озера. На этой территории развернулись невиданные до сих пор военные события 900-дневной блокады. В условиях большой насыщенности

войск и боевой техники возникла необходимость разрешения многих вопросов пожарной безопасности и выполнения комплекса организационных и технических мероприятий по сохранению от пожаров огромных материальных ценностей и войскового хозяйства, что имело решающее значение в разгроме врага.

Автору хотелось бы осветить основные положения деятельности инспекции пожарной охраны Ленинградского фронта и весьма трудоемкую и сложную работу пожарных подразделений, охранявших военные объекты.

Вопросы пожарной безопасности в Советской Армии решаются так же, как в системе Государственного пожарного надзора нашей страны. В условиях армейской постановки эти вопросы определены дополнительно еще и требованиями устава внутренней службы, в наставлениях отдельных родов войск,

Дорога Жизни

это за счет
рней охраны
и соучаст
в которой бое
дос, я смог
работос
и очень скори
и безопасная
помощью
те, Борис И
инного време
вероятности
они могае.
но - Бру Ва
на было кон
ице враже
и ружь. Говоре
конкретн А во
20 лет еще
нашей род
сей мать то
низко ста
но умирать,
меня в наст
Иванович, я
би трудное
и связку

Дорога Жизни

а также приказами главнокомандующих и постановлениями Военного Совета фронта. Однако условия военного времени вносят много существенных коррективов и требуют творческого техничеки грамотного решения массы конкретных вопросов на объектах с точным учетом всех обстоятельств и высокой оперативностью.

Вопросы пожарной безопасности на объектах Ленинградского фронта постоянно находились в поле зрения командования и Военного Совета фронта, охватывая все объекты (организация пожарной безопасности штабов и запасных командных пунктов, стационарно существовавших еще с мирного времени артиллерийских хранилищ, складов горюче-смазочных материалов, взрывчатых веществ, автобронетанкового и тракторного имущества, продовольствия, вещевых, медицинских и других баз и складов, организованных в военное время). Штатные пожарные команды и посты этих объектов инспекцией пожарной охраны фронта использовались как опорные пункты для организации всей системы противопожарной службы. Эти штатные подразделения возглавлялись такими опытными офицерами, как тт. Осетров Н.К., Балуков Н.Г., Алексеев И.В., Дронов, Ситнов и другими.

Эти «опорные пункты» имели весьма существенное значение, послужив основой при комплектовании личным составом, техническим оборудованием при

развертывании таких фронтовых формирований, как полевые склады боеприпасов и горюче-смазочных материалов, базы ремонта боевой техники, госпитали, стационарные военные городки, места расположения войск, полигоны и аэродромы.

Основная задача противопожарной защиты состояла в осуществлении комплекса мероприятий по организации службы пожарной охраны в целом, в том числе и осуществлении контроля за организацией звеньев МПВО, обучении их действиям по предупреждению и тушению пожаров вообще, а также при воздушном и артиллерийском обстрелах, по обеспечению пожарных команд средствами пожаротушения, связи и сигнализации. Массовые бомбардировки, артиллерийский и минометный обстрелы часто поражали военные объекты, в том числе, госпитали, склады и базы с боевой техникой и военным имуществом. Выполнение этой задачи на Ленинградском фронте осуществлялось через Инспекцию пожарной охраны фронта, которая разрешала их несколькими путями.

Во-первых, проведением строгого контроля за выполнением уставных положений и действующих приказов в войсковых частях и подразделениях. В результате выполнения таких контрольных функций выявлялись ситуации, присущие военному времени, но не укладывающиеся в выработанную закономерность, что влекло за собою необходимость срочной

разработки и представления на утверждение командованию фронтом конкретных практических мероприятий, выполнение которых в войсках обеспечивало их пожарную безопасность. Для этого были выполнены первостепенной важности мероприятия:

а) покрытие водным раствором суперфосфата деревянных конструкций крыши и чердачных перекрытий с подсышкой песчаной подушки в зданиях всех назначений. Были созданы пожарные посты на чердаках и на лестничных площадках зданий. Как показала практика, это способствовало сохранению от уничтожения огнем объектов, подвергавшихся бомбардировке зажигательными авиабомбами;

б) обеспечение объектов фронта средствами пожаротушения. С этой целью по представлению Инспекции пожарной охраны было вынесено постановление Военного Совета фронта, которое обязывало ряд промышленных предприятий города Ленинграда, в том числе и бывший завод «ПРОМЕТ» изготовить для нужд фронта значительное количество мотопомп сельскохозяйственного типа, огнетушителей, ведер, багров, ломов, лопат и других первичных средств пожаротушения. Разрешение этого вопроса позволило обеспечить первичными средствами пожаротушения не только фронтовые и армейские объекты фронта, но и создать запас для снабжения прибывающих армий и новых формирований;

в) проведение практических занятий по тушению зажигательных авиационных бомб на объектах фронтового и армейского тыла. К этим занятиям были привлечены не только специалисты пожарных формирований, но и весь личный состав этих объектов.

Во-вторых, привлечение к решению вопросов пожарной безопасности офицеров и генералов квартирно-эксплуатационного управления, управления артиллерийского снабжения, отделов снабжения горюче-смазочными материалами, инженерного, интендантского, связи, авто- и бронетанкового, медицинского управлений и отдела службы войск. Многие вопросы были решены в тесном взаимодействии с органами

Государственного пожарного надзора НКВД СССР, в частности, по профилактическому обслуживанию стационарных военных городков и по привлечению наибольшего количества наличных сил и средств для тушения пожаров.

Нет необходимости акцентировать внимание читателей, что решение этих вопросов имело весьма важное значение. При этом необходимо учесть, что наступление суровой зимы 1941-1942 годов, выход из строя системы отопления в Ленинграде, водопровода, прекращение поступления электрической энергии, ограничения в топливе вызывало необходимость производить наспех изготовленные различного вида самодельные источники тепла подчас с весьма низким исполнительным уровнем. Для освещения стали широко применяться керосиновые фонари и светильники. Они использовались в войсках для освещения блиндажей и землянок, были самодельными, причем, часто заправлялись вопреки здравому смыслу бензином. Вспоминая отдельные факты тяжелых последствий использования кустарных светильников и источников тепла, даже и теперь в памяти воссоздаются ужасы отдельных трагедий тех дней.

Особую пожарную опасность представляло образование в составе фронта значительного количества складов с фронтовым и армейским запасами боеприпасов, взрывчатых веществ, горюче-смазочных материалов. Некоторые из таких складов в первые месяцы войны были размещены в черте города (в Летнем саду, в кирхе Петра на Невском проспекте, в Удельнинском парке, Пискаревском овощехранилище и т.п.). Для обеспечения мероприятий, снижающих опасность этих складов от поражения артиллерийским огнем и пожарами, решением Военного Совета фронта была создана комиссия под председательством начальника тыла фронта генерал-лейтенанта Лагунова Ф.Н. Заместителем был назначен крупный специалист в области пожарной охраны начальник Инспекции пожарной охраны фронта Копейкин Н.А. В состав этой комиссии входили представители соответствующих управлений и отделов штабов фронта и армий.

В результате работы этой комиссии были проиграны и откорректированы планы и инструкции противопожарной обороны складов и баз, проведены необходимые мероприятия по усилению охраны и безопасности складов, улучшению маскировки, рассредоточению складов и хранилищ, окапыванию штабелей боеприпасов и емкостей с горюче-смазочными материалами, по созданию запасов воды, в том числе искусственных водоемов для тушения пожаров, усовершенствованию караульной и пожарной сигнализации, а также дообеспечению средствами пожаротушения.

В итоге проведенных мероприятий склады с пожароопасным имуществом были приведены в такое состояние, которое позволило при бомбардировках авиацией противника или артиллерийских обстрелах своевременно ликвидировать пожары, возникавшие одновременно на нескольких складах. На складах фронта за весь период войны не было допущено ни одного крупного пожара.

Все это усложнялось постоянными перемещениями воинских частей и подразделений, проведением круглосуточных работ по погрузке и выгрузке на базах и складах, работами по приведению боеприпасов в окончательно снаряженный вид, по приему и выдаче складами горюче-смазочных материалов, а также обеспечению действий авиационных соединений и частей. Естественно, что производство всех этих работ сопряжено было со значительной пожарной опасностью и обеспечивалось несением службы военными пожарными командами и постами, контроль за подготовкой которых и за несением ими службы вытекал из функциональных обязанностей Инспекции пожарной охраны фронта.

В первые годы войны Инспекция пожарной охраны фронта руководила школой по подготовке сержантского состава пожарной охраны. Выпускающиеся школой специалисты направлялись для дальнейшего прохождения службы во фронтовые пожарные команды, обслуживавшие склады, базы и аэродромы, а также для работы в больших фронтовых госпиталях. Преподавательский

состав школы часто привлекался для работы по заданию Инспекции для обслуживания состояния противопожарной защиты, а также к расследованию некоторых фактов пожаров, происшедших на различных участках фронта. В 1942 году в школы вместо мужчин стали призываться девушки.

Осуществление этих мероприятий позволило целенаправленно организовать службу пожарной охраны фронта, обобщать результаты профилактической работы и систематически докладывать командованию и Военному Совету о проведении необходимых противопожарных мер в частях и подразделениях.

Мне вспоминается, что когда во время разгрузки боеприпасов с транспорта на грунт очень часто было невозможно создать противопожарную защиту за счет фронтовых средств. В таких случаях Инспекция связывалась с управлениями железной дороги или пароходства, которые всегда приходили к нам на помощь и обеспечивали прикрытие посылкой пожарного поезда или парохода.

Когда в Ленинграде перестал работать водопровод и не поступала электроэнергия, в критические дни января-февраля 1942 года, Инспекция высылала автомобиль военной пожарной команды младшего лейтенанта Куксина И. А. для заправки водой тендеров паровозов, обеспечивавших военные перевозки из порта Осинец в блокированный город. Выполнение этих работ контролировалось Военным Советом фронта и лично товарищем А. А. Ждановым.

В те памятные дни возникали такие случаи, когда полностью полагаться на эффективную помощь профессиональных пожарных команд в городе Ленинграде не представлялось возможным. Это наблюдалось в случаях, когда все пожарные части оказывались задействованными на пожарах в Ленинграде, когда выходили из строя пожарные бойцы, иссякало топливо в баках автомобилей или исключалась возможность быстрой связи, реального водоснабжения, а также возникавшими трудностями в организации тушения в сложных очагах поражения. Разрешение этих вопросов затруднялось

малочисленностью фронтовых пожарных подразделений, не обеспеченных достаточным количеством материальной части. Эти подразделения имели ограниченное количество пожарных автомобилей, напорных рукавов и находились в большинстве своем на значительном удалении от населенных пунктов с мощными пожарными частями и командами. Постоянно сопутствовавшее бездорожье, отсутствие водоисточников, полевое размещение в землянках или полуразрушенных помещениях и, особенно, при продвижении фронта усложняли несение службы и делали довольно трудным решение задач противопожарной защиты объектов.

Предвидя такие задачи, Инспекция пожарной охраны фронта еще в первый месяц войны провела месячный сбор специалистов пожарной охраны, призванных на военную службу по мобилизации с различных объектов народного хозяйства, обучив их особенностям службы в армейских условиях, взаимодействию с другими службами воинской части, с частями гарнизона, с пожарной охраной НКВД СССР, с действующими уставными положениями и приказами, а также с программой подготовки личного состава пожарных команд и методами обучения его работе в сложных условиях и малыми силами. Кроме этого круга вопросов в деятельность инспекции входило: консультация и согласование планов объектов нового строительства и перепланировок наземных и подземных сооружений, участие во всевозможных комиссиях по выбору помещений и площадок для размещения складов и госпиталей, а также в приемных комиссиях пусковых объектов. Инспекция руководила и контролировала работу инспекторов пожарной охраны армий фронта.

В числе объектов особой важности, от деятельности которых зависела жизнь многомиллионного города, действовавшей в нем промышленности и фронта, оказалась «дорога жизни» через Ладожское озеро. На восточном берегу этого озера в населенных пунктах Новая Ладога, Кобона, Леднево, Жихарево и на мысе Кореджи имелось

большое количество площадок по приему, хранению и перевалке на западное побережье озера военного имущества, боеприпасов и продовольствия, горюче-смазочных материалов, вещевого имущества, медикаментов и запасных частей для автомобилей, танков и самолетов и многого другого, необходимого для жизни и войны.

Мыслимо ли было допустить, чтобы при таком стечении обстоятельств, которые сложились для Ленинграда, где-либо, по какой-то оплошности на путях перевалок эти имеющие громадное значение материальные ценности оказались уничтоженными вследствие пожара? И хотя важность данного вопроса понимали все без слов, но, тем не менее, полагаться на самотек в решении этих вопросов было нельзя. Разработку мероприятий по пожарной безопасности и их осуществление, а также повседневный контроль также выполняла Инспекция пожарной охраны фронта.

Инспекция фронта прибегала к проведению нескольких импровизированных мероприятий, в конечном счете, обеспечивавших пожарную безопасность. На первом этапе развертывания перевалочных баз на западном берегу Ладожского озера Инспекция через Военный Совет фронта добила послышки Управлением пожарной охраны области подразделений с двумя пожарными автомобилями, прикрыв ими порт Осиновец и Ваганово. По мере концентрации имущества на побережье Ладожского озера в декабре 1941 года Инспекцией в порт Осиновец для работы с личным составом рабочих батальонов и подготовки в них пожарных расчетов был направлен один из преподавателей школы сержантского состава т. Иончик А. С. Затем в феврале-марте 1942 года для продолжения этой работы командировался инспектор т. Кац И. А.

К маю 1942 года на западном и восточном берегах Ладожского озера кроме имевшихся уже там пожарных формирований фронтовых складов боеприпасов создаются специальные пожарные формирования фронтового подчинения. Координация действий этих соединений

11
это за счет
рской охраны
и соучастия
в некоторых ба
дос, я самог
ной работы
и очень скру
е безопасная
я помощью
те, Борис И
инского време
вероятности
ми помощи.
ю - Бру Ва
на было кон
ще врач
я ружь. Говоре
конкретно А во
20 лет еще
нашей род
сей мать то
низко ста
оно умирать,
меня в наст
Иванович, я
би трудное
и связку

осуществлялась по гарнизонному прин-
ципу, замыкаясь на 1-ю пожарную команду
западного побережья во главе с т. Зыбил-
ло К. В. Общее руководство возлагалось
на инспектора пожарной охраны управ-
ления перевозок т. Еремина С. И.

К этому времени на восточном и за-
падном берегах озера развернуты были
фронтальные склады горюче-смазочных
материалов, взрывчатых веществ и про-
дольствия, которые имели в своих шта-
тах пожарные подразделения. Всего на
западном берегу, включая команду воен-
но-морской базы в бухте Морье, имелось
семь военных пожарных команд и пожар-
ный поезд на железнодорожной станции
Ладожское озеро. На восточном берегу
озера, на участке баз находилось пять по-
жарных команд. В навигационный пери-
од на участке баз находилось два пожар-
ных парохода. Личный состав пожарных
команд пополнялся из батальона выздо-
равливающих. Это пополнение не имело
спецподготовки, но сразу же приступало
к несению постовой и дозорной службы,
включалось в боевые расчеты для туше-
ния пожаров. Это вызывало известные
затруднения в обучении, особенно шо-
ферского состава, не работавшего ранее
на пожарных автомобилях. Обстановка
же в то время характеризовалась систе-
матическими налетами вражеской авиации
и возникавшими постоянно пожарами.

В своих воспоминаниях инспектор
пожарной охраны управления перевозок
т. Еремин С. И. приводит краткую дис-
петчерскую запись начала только одного
дня в порту Кобона: «8 час. 47 мин. Де-
вятнадцать бомбардировщиков в сопровожде-
нии двенадцати истребителей атакуют
пирсы с грузом».

«8 час. 50 мин. Вторая волна бомбар-
дировщиков. Бомбят складские площа-
ди и пирсы».

«9 час. 09 мин. Четыре бомбардиров-
щика "Юнкерс-8" пикируют на пароход
"Форель", ожидающий очереди на раз-
грузку».

«9 час. 32 мин. Истребители с брею-
щего полета обстреляли пирсы».

Подсчитано, что в среднем на Ладож-
ские порты ежедневно сбрасывалось по
тридцать три авиабомбы. Естественно,

что такие налеты влекли за собой разру-
шения и, как следствие, пожары. Пожар-
ные команды приводились в «первую»
готовность по сообщению службы ПВО
о нахождении противника в воздухе.

Вспоминаются различные случаи ра-
боты этих пожарных команд, мужества,
отваги и находчивости рядовых и коман-
диров этих команд. Так, к одному из горя-
щих объектов из-за образования пробки
на дороге пришлось продвигаться через
заболоченную местность, укладывая на-
стил и проводя буксировку пожарной
техники. Тушение горящих пирсов, барж
и кораблей производилось путем про-
кладки рукавных линий вплавь. Какое му-
жество и самоотверженность проявляли
бойцы пожарной охраны при тушении
пожаров боеприпасов в штабелях, в ваго-
нах и баржах при постоянном обстреле
противником, прокладывании напорных
рукавов по-пластунски под огнем против-
ника, тушении пожара на складе горю-
че-смазочных материалов в бухте Морье
и так далее. Вспоминается, как прямым
попаданием авиабомбы было уничтожено
целое отделение пожарной команды базы
ВМФ при следовании на пожар...

Начальник управления перевозок
фронта генерал Шилов не раз наблюдал
героическую работу военных пожарных
команд. И хотя сам генерал не относил-
ся к людям, щедрым на похвалу, всегда
приводил в пример мужество и само-
отверженность военных пожарных.

Пожарные автомобили имели зна-
чительный износ и после каждой про-
должительной работы на пожарах под-
вергались тщательному техническому
обслуживанию и ремонту на полевых ав-
торемонтных заводах. Если кому прихо-
дилось видеть действия военных пожар-
ных команд на трассе «Дорога жизни»
и восхищаться их смелостью и муже-
ством, то пусть они помнят, что эти под-
виги совершали простые люди — рядо-
вые Филонов, Финоженков, Васильев,
Черемушкин, сержанты Романовский,
Герасимов, Зайцев, Малков, Потанин,
офицеры Забилло, Гониев Ибрагим
Бек-Газович и многие-многие другие, чьи
отвага, мужество и скромный труд вло-
жен в общее дело нашей победы.

В период летней засухи 1942 года и в 1944 году, когда велась подготовка к разгрому врага под Ленинградом, основные полевые фронтовые и армейские склады боеприпасов и горюче-смазочных материалов были размещены в лесах. В лесах же находилась и значительная часть воинских частей с огромным количеством боевой техники и личного состава. В это время внимание Инспекции было направлено на предупреждение пожаров в лесах. Особенно это проявлялось в период, предшествовавший наступательным операциям в 1944 году на Гдовско-Сланцевском направлении и по всему Карельскому перешейку. На основе предложения Инструкции ОДЭВ по приказу начальника тыла фронта были изготовлены и расставлены на лесных дорогах, по которым предполагалось передвижение воинских частей и соединений, многочисленные панно, выполненные в красках.

Всякое оживление в деятельности фронта вызывало оживление в работе и обслуживающих органов на полевых фронтовых, армейских и всех видов стационарно размещенных баз и складов. Естественно, что противопожарная служба этих объектов всегда была в состоянии постоянной готовности. Особенно сложной и ответственной была оперативная работа складов боеприпасов и горюче-смазочных материалов, задача которых заключалась в быстром выполнении погрузо-разгрузочных работ при передислокации вслед за передвигающимся вперед фронтом, не нарушая снабжения фронта боеприпасами и горюче-смазочными материалами.

Все это часто усложнялось неблагоприятными погодными условиями, отсутствием возможности отдохнуть, согреться или произвести несложный ремонт, часто под огнем противника. В таких условиях рабочее место инспектора пожарной охраны фронта

и инспектора армии определялось местом наиболее интенсивных и напряженных работ. Командование фронтом знало возможности инспекции пожарной охраны и руководимых ею подразделений. Вот один из примеров.

19 июня 1944 года, после десяти дней наступления на Карельском перешейке, начальник инспекции фронта Копейкин Н.А. в соответствии с утвержденным планом находился на одном из фронтовых артскладов. Автор этой статьи готовился к выезду на другой объект. Подготовку прервал телефонный звонок. Звонил начальник тыла генерал-майор Саваненков Г.М., который сообщил, что наши войска на подходе к Выборгу. Город горит. Военный Совет решил, не дожидаясь полного освобождения города, подготовиться к тушению пожаров в нем, подтянув к передовым частям необходимые средства пожаротушения, чтобы ночью вместе с войсками войти в город и приступить к тушению. Генерал приказал мне возглавить выполнение этого задания при условии, что пожарные команды с военных объектов не будут сняты, а от имени Военного Совета фронта будут использованы возможности УВД г. Ленинграда (начальник — т. Шикторов И.С.). Мне было предложено доложить через два часа о готовности. Уже через час я доложил командованию о готовности, а через полтора часа колонна пожарных автомобилей уже выезжала из Ленинграда в направлении Выборга.

В этой статье автор попытался хотя бы тезисно изложить основные задачи и деятельность Инспекции пожарной охраны фронта, о ее взаимодействии с другими службами и органами Государственного пожарного надзора. Автор полагает, что изложенное в статье будет способствовать более широкому представлению о важности и необходимости работы такого органа, как пожарная охрана фронта. Об этом необходимо помнить.

Спасите мой белый ялаль

*Владимир Яковлевич Мьялло,
начальник оперативной
группы пожаротушения*

Мы вышли из блокадных дней
Суровой, строже, суше.
Сердца ж не стали холодней,
Черствей не стали души.

Ю. Воронов

Начало войны застало меня в должности начальника спеццикла и преподавателя пожарной тактики в школе среднего и начсостава УПО, которая размещалась в здании 1-й ВПЧ.

До сентября мы проводили большую работу по подготовке населения к борьбе с пожарами. Ленинградцы от мала до велика были настоящими патриотами любимого города. Каждый стремился узнать хотя бы что-нибудь, чтобы активно защищать свой город. Помню, меня послали проводить занятия с населением на тему: «Как бороться с зажигательными средствами». Занятие было назначено в помещении Петроградского райисполкома. Для оповещения граждан о занятии было вывешено единственное объявление на дверях исполкома. Придя в назначенное время, я спросил: «В каком помещении будем заниматься?». Так как ожидал, что собралась группа человек в двадцать-двадцать пять. Сотрудник исполкома ответил: «У нас нет такого помещения, чтобы поместить всех. Посмотрите, что делается в саду!» Действительно, собралось человек пятьсот граждан района.

Мы и сами готовились к отражению врага. Для нашего училища был определен участок, где мы должны были вести уличные бои. Помню, в самый критический день для города, мы в полной боевой выкладке, в военных касках, с винтовками и рюкзаками на плечах ожидали распоряжения о выступлении на передовую. Через несколько часов был дан отбой военной тревоги.

Первое пожарное боевое «крещение» в условиях войны для меня и моих боевых товарищей — начальника школы Павликова Николая Степановича, Сергея Черкасова, Валентина Масленникова, Олега Белавенцева и других, оказалось неожиданным, хотя мы и ждали этой минуты постоянно.

Вероятно, всем ленинградцам памятен день 8 сентября 1941 года. Под вечер кто-то из наших крикнул: «Фашистские самолеты!» Мы выбежали на улицу. Самолеты летели гуськом в сторону Московского района. Я успел сосчитать — их было более двух десятков. Через некоторое время мы увидели странное для нас явление. На сравнительно чистом небе, над южной частью города, поднялась огромная черная стена, соединявшаяся с небесами на большой высоте. Создавалось впечатление, что эта масса неподвижная. Некоторые высказывали предположение, что внезапно появилась невероятная грозовая туча, но никаких грозовых или других раскатов слышно не было. Вскоре тревожные звонки внесли ясность. Поступило телеграфное распоряжение о выезде на пожар по адресу: Московский пр., 158. Это примерно в районе Электросилы. Эскорт из нескольких пожарных машин школы во главе с офицерами на каждой, двинулся по адресу.

Когда по Московскому проспекту мы приближались к Киевской улице, то увидели огромное море огня. Я сразу понял, что горят Бадаевские склады. Оперативные пожарные работники поймут мое состояние, когда мы были вынуждены проезжать мимо огненной стихии. Мучительно хотелось свернуть с пути и ринуться в бой с огнем. Но особенности пожарной службы в условиях военного времени были неумолимы. Прибыв на место, мы увидели, что все многочисленные очаги пожаров локализованы и успешно ликвидируются пожарными формированиями из рабочих и местного населения.

У нас был другой адрес, к которому мы обязаны были проследовать и проследовали. Быстро связались со Штабом противопожарной службы УПО, доложили обстановку, и к великой моей радости, получили распоряжение проследовать на склады им. Бадаева. Я точно не помню, указало ли мне руководство или я выбрал сам участок боевой работы для своего унитарного отделения из курсантов, но хорошо помню, что этим участком оказался пакгауз, который горел с южной стороны по всей высоте торца. Зная очень хорошо характеристику складов (в прошлом он был объектом моего инспекторского обслуживания), я быстро нашел близко расположенный свободный пожарный гидрант, на котором установили насос и быстро подали стволы на крышу и внутрь пакгауза.

В пылу разведки, боевого развертывания и начала работы, я ничего не слышал и не видел, что творится вокруг. Потом осмотрелся, прислушался — настоящий бой. Огненные смерчи взвиваются в воздух, огромное количество водяных струй разят очаги пожаров, слышен гул вражеских самолетов, которые поливают пулеметным огнем работающих пожарных, раздаются команды «Свободным — укрыться!» Я, своих бойцов-курсантов, кроме стволовых на позициях, тоже укрывал под бетонные грузовые площадки пакгауза. В горячей части нашего пакгауза были, по-моему, сушеные фрукты. Производя разведку в другой половине, за стеной, я установил, что там ящики с боеприпасами. Присутствие по

соседству «товаров», которые могут «поднять» нас в воздух, если дойдет огонь, подстегнуло нас к более энергичной работе. Стали подходить грузовые машины и красноармейцы энергично грузили ящики с «неприятным» грузом.

На своем боевом участке нам удалось быстро локализовать и ликвидировать горение. В это время вторая половина здания оказалась почти пустой. Ящики исчезли. С чувством большого удовлетворения мы оглядели плоды своей работы. Пакгауз обгорел на одну только четверть. Маленький бой на большом поле битвы был выигран.

После налета на Бадаевские склады бомбежки города стали почти ежедневными, по несколько раз в день. Особенно массированные нападения с воздуха начинались с наступлением темноты. Памятен особенно ожесточенный налет (12 сентября), который был произведен на территорию торгового порта. Наши школьные унитарные отделения были направлены туда. Когда мы приближались еще к Калининскому мосту, то уже оттуда увидели огромное зарево в направлении порта. На месте нас встретил, разъезжая на оперативной машине, руководитель тушения Георгий Максимович Кулаков. Он дал нам указание проследовать к горящему зданию Института водного транспорта. По-моему, оно тогда еще не было полностью введено в действие. Подробности уже истерлись из памяти, но, как сейчас помню, что когда мы следовали на свой боевой участок, то проезжать пришлось по огненной улице. Справа и слева по пути дома были охвачены пламенем. Излучение было настолько сильным, что следуя даже посередине дороги, нам пришлось защищать лицо и уши руками в рукавицах.

Нашим боевым участком оказался чердак многоэтажного главного корпуса института. По всей вероятности, деревянные конструкции чердака были покрыты огнезащитным раствором суперфосфата, так как горение протекало не особенно интенсивно, но зато выделялось огромное количество ядовитого, густого дыма. Вначале мы пытались тушить по всем правилам военного времени: раскрывая, не обнажая открытых очагов, чтобы не

демаскировать объект. Но когда поняли, что такое тушение затянется, начали срывать кровлю с обрешетки и стропил целыми полотнищами. Зато стволы стали работать эффективно, маневренно с быстрым результатом. Открытое горение мы довольно быстро ликвидировали, приступив к вскрытию чердачных перекрытий с ликвидацией скрытых очагов. Во время работы, помню, что временами раздавался треск пулеметов. Я даже видел, как лопнул аэростат воздушного заграждения, расстрелянный пулеметным огнем фашистских стервятников. Бойцы и командиры работали во всех очагах с остервенением, не зная страха и, как будто не ощущая усталости.

Лично со мною, в этой связи, в течение этих же суток произошел курьезный эпизод. С пожара мы возвратились уже под утро. Помылись, позавтракали и только я хотел лечь отдохнуть, как вдруг вызывают к телефону. Дело в том, что я приватно преподавал курс пожарного дела на старших курсах в Технологическом институте холодильной промышленности. Звонил декан института и умолял приехать для чтения лекций, так как из-за сильных бомбежек многие преподаватели не пришли и подменить меня некому. Проработав всю ночь на пожаре, я посчитал, что не смогу после этого еще и лекцию читать. Но все же упростили. Я должен был читать на одном потоке, а оказалось — на трех. Помню, когда читал пятый час, стоя и говоря, я на мгновение уснул. Когда открыл глаза — увидел, что мои студенты добродушно и сочувственно улыбаются. Я встряхнулся и с жаром, не знаю, на каком дыхании, закончил лекцию.

Смутно помню, как добирался до казармы школы. Товарищи мне потом рассказывали, что застали меня в спальнной комнате у своей кровати на коленях, голова на подушке, крепко спящего. Они меня подняли, раздели и уложили на постель. Я ничего не слышал и не помнил. Вечером снова «завыло» радио: «Воздушная тревога», немного позднее — тревожные звонки, и снова поехали.

В октябре 1941 года я уже дебютировал в должности начальника оперативной группы пожаротушения штаба

противопожарной службы (ПС) города. Я был, пожалуй, самый молодой начальник группы. В эти группы, особенно в качестве начальников, были собраны самые опытные, заслуженные люди. Это бывшие начальники команд, такие как: Беззуб К., В. И. Склауни, бывшие дежурные по городу, как Милоцков, даже бывший начальник УПО С. Каляев и другие.

Я имел уже определенную тактическую и теоретическую подготовку. Но работать в таких масштабах и в такой обстановке, какие сложились в Ленинграде в условиях войны, мне пришлось впервые. Вероятно, руководство ПС это учитывало, и поэтому в мою группу включили Сергея Иванова и Альберта Дзирит. Первого в качестве начальника штаба, а второго — начальником тыла пожаротушения. Это были большие оперативные практики — бывалые волки в пожарном деле.

Забегая вперед, скажу, что это оказалась самая стабильная группа. Мы так и не расставались до конца блокады. С глубоким чувством благодарности и тяжелыми воспоминаниями всегда буду помнить о моих старших боевых товарищах. Мы делили горе и малейшие радости, последние куски и корки хлеба, всегда помогая друг другу.

Сдрожью в сердце я выехал на первое боевое крещение в своем новом амплуа — начальником вновь созданной оперативной группы. На Бумажной улице в Кировском районе одновременно горели два многоэтажных дома. На одном доме возглавил тушение Василий Иванович Склауни, а на другом — я. Первый экзамен, по отзывам руководства, я выдержал. Но дался он мне с затратой огромного труда и энергии. Горели чердак и верхние этажи огромного многоэтажного дома. В любой точке пожара я считал, что мне нужно быть самому, проверить лично, да и не один раз. Я не помню точно, но вероятно, несколько десятков раз я поднимался на чердак и в верхние этажи, и все бегом, вверх и вниз. Когда пожар все же с успехом был локализован, то я, вероятно, держался на ногах силой одного энтузиазма.

Разрушенный дом

Как сейчас помню, при объезде пожаров руководством штаба ПС города, Сергей Гордеевич Голубев меня спросил: «Ну как, устал?» Наверное, страшная усталость была ярко написана на моем лице.

Позднее появился настоящий опыт и уже более грозные и масштабные «баталии» проходили для меня с гораздо меньшей затратой сил.

В один из обычных блокадных ленинградских дней, противник начал очередной артиллерийский обстрел города. Особенно ожесточенному налету подверглись Дзержинский и Смольнинский районы. Из окон штаба противопожарной службы (набережная реки Мойки, 85) было видно, что левее Московского вокзала и, вероятно, до Невы, над городом поднимались клубы черного дыма и оттуда доносился непрерывный гул разрывавшихся снарядов. В штаб ПС, по неизвестным причинам, никаких сообщений о пожарах и других поражениях в том районе, не поступало. Внешне создавалось такое впечатление, что огромным количеством пожаров охвачена большая часть районов города.

Руководство Штаба противопожарной службы приняло решение послать одну из оперативных групп в районы,

подвергающиеся обстрелу, для выяснения пожарной обстановки на месте и руководства пожарными подразделениями в очагах, а также организовать связь со штабом ПС любыми средствами. Моя постоянная группа в составе Сергея Иванова (начальник штаба пожаротушения), Альберта Дзирита (начальника тыла) с шофером Улановым или Кузьминым (точно не помню), направились в район обстрела на машине «Антилопа». В пути по Невскому проспекту почти до Московского вокзала нас сопровождала «музыка» канонады, но все же в некотором отдалении. Когда свернули на улицу Восстания и доехали примерно до Жуковского, тут мы попали в крепкий «переплет».

Обстановку можно примерно сравнить с артиллерийской артподготовкой пехоты перед броском на противника. Снаряды рвались впереди, сзади, слева и справа от нас. Стоял сплошной гул. От разрывов снарядов и разрушаемых ими кирпичных стен зданий, дым образовывался багрово-черного цвета, застилая видимость нашего пути. Но вот несколько снарядов разорвалось на дороге впереди нас. Взрывами повалило несколько столбов, порвало трамвайно-контактные провода, которые преградили дальнейший путь следования, на машине ехать дальше было невозможно. Тогда я приказал шоферу одному, выбирая неповрежденные улицы, двигаться в район улицы Салтыкова-Щедрина (бывшей Кирочной), ближе к улице Восстания. Сами пешком, прижимаясь к домам правой стороны улицы (она менее опасна для прямого попадания снарядов), стали пробираться дальше в сторону улицы Салтыкова-Щедрина. Несколько очагов пожаров в верхних этажах жилых зданий были обнаружены в конце улицы Восстания и, особенно, по улице Салтыкова-Щедрина. Там уже развернулись отделения 8, 7, 17 ВПЧ.

Наиболее серьезным очагом оказался пожар в одноэтажном складе медикаментов. Склад располагался на территории какой-то воинской части, а за кирпичной стеной склада располагался земляной погреб с боеприпасами. Разнообразие содержимого склада, особенно обилие перевязочного материала и различных горючих

жидкостей, создавали обстановку пожара на складе наиболее тяжелой. Непосредственное соседство погреба для распространения пожара, хотя и безопасно, но прямое попадание в него снаряда, могло повлечь гибель всего личного состава, работавшего на пожаре в медицинском складе. Вот почему я сосредоточил главное внимание на этом пожаре. Чтобы быстрее его ликвидировать и вывести весь личный состав от опасного соседства.

В проходной воинской части был создан общий штаб очагов пожаров. Сообщив в штаб ПС свои координаты и запросив несколько отделений в помощь на основной очаг, оперативная группа приступила к руководству подразделениями по тушению пожаров.

Изучая обстановку на главном очаге, проходя по территории двора, я обнаружил, что несколько военнослужащих стоят на территории и с интересом смотрят на пожар и работу пожарных. Артиллерийский обстрел ни на минуту не прекращался. Снаряды рвались в районе непрерывно. Я сказал солдатам, чтобы они не стояли на открытом месте, а укрылись хотя бы за каменные стены, а сам вошел в склад. По выработавшейся привычке, я, как только вошел в здание, мгновенно свернул от проема за простенок и отвел еще двух бойцов. В это время снаружи раздался оглушительный взрыв снаряда, осколки со свистом

пролетели через проем ворот склада. Выбежав во двор, я увидел, что группа военнослужащих, которую я предупреждал о необходимости укрыться, лежит на земле. Израненные осколками солдаты стонали. Чудом уцелевший какой-то командир (звания не помню) стоял, как истукан с вытаращенными глазами. Мне пришлось произнести несколько «солено-русских» слов, буквально приказать ему организовать помощь раненым солдатам. Сам начал обход других участков пожара. Артобстрел не прекращался.

На улице мне повстречался гражданин с противогазовой сумкой на плече, вероятно, работник МПВО. В это время где-то недалеко раздался очередной взрыв снаряда и поравнявшийся со мной гражданин вскрикнул и упал. Я нагнулся, расстегнул ему одежду — вся грудь была в крови, он был мертв. Осколком снаряда ему насквозь пробил грудь. В каких-то 30–40 см смерть прошла мимо меня, поразив другого.

Обойдя участки в других зданиях, я убедился, что отделения справляются или справились. Одному отделению, не помню какой ВПЧ, приказал перебраться на склад медикаментов, так как там обстановка усложнялась и работающих сил было недостаточно. Прибыв в штаб, приказал начальнику штаба Иванову направлять дополнительные стволы на склад за счет прибывающих

Пожар в здании Смольнинского райисполкома Ленинграда

Пожар в результате попадания зажигательной бомбы

подразделений. В это время прибыл заместитель начальника Школы младшего начсостава Янковой В. А. и доложил, что унитарное отделение 20-й ВПЧ в составе двенадцати человек прибыло.

Не успел я закончить приказание о подаче стволов в очаг, как вбегает командир отделения и говорит: «Автонасос 20-й ВПЧ горит». Прибывав на улицу Восстания, мы увидели, что ярким факелом пылает автонасос. Прибывшее отделение оставило автонасос у стены здания, а личный состав был укрыт в нише дворовой арки до получения конкретного задания. Разорвавшийся посреди улицы снаряд пробил бензобак, разлившийся бензин воспламенился, и пламенем мгновенно была охвачена вся автомашина. Пришлось вместо усиления позиций на пожаре склада снять один ствол и тушить насос 20-й ВПЧ. Обстрел района постепенно утихал. Все очаги пожаров были локализованы и моя группа, без потерь, на «Антилопе» вернулась в штаб ПС.

Очень много эпизодов уже покрылись туманом или забылись совсем. Но отдельные случаи остались в памяти на всю жизнь. Вот один из эпизодов, который я забыть не могу.

Горел жилой дом по улице Жуковского, по-моему, номер три. Когда мы прибыли, огонь уже распространился по всем этажам. Произведя разведку, я обнаружил, что часть квартир, еще не охваченных огнем, были либо пустые, либо с одним-двумя больными, а то и мертвыми, людьми. И тут ко мне обратились, в разное время, люди.

Первой была женщина интеллигентного вида, которая стала меня умолять: «Товарищ начальник, пожалуйста, спасите мой белый рояль». Выяснив, где он находится, я обнаружил, что часть квартиры с роялем, уже была охвачена огнем. И тут я вспомнил, как на одном пожаре, по-моему, где-то в Ленинском районе, Георгий Кулаков, руководя тушением, тоже пытался спасти рояль... Бойцы с большим трудом вытащили его на лестницу, но сил не хватило. Рояль выскользнул из рук и с грохотом покатылся по лестнице... Моя же просительница не могла понять, что мы не в силах ей помочь.

Вторым ко мне подбежал пожилой мужчина и стал умолять спасти его коллекцию грампластинок. Когда я прибежал в его квартиру, то пришел в ужас. Огромная комната от пола до потолка была заставлена деревянными стеллажами, забитыми пластинками. Если бы в моем распоряжении была рота здоровых, сильных солдат, мы бы не успели вынести эти пластинки, так как соседняя квартира была охвачена огнем и языки его уже лизали ближайший стеллаж, а стволов не было.

Тут ко мне подошла седая, изможденная женщина и обратилась с просьбой, которая меня потрясла. Я даже сейчас, когда прошло три с лишним десятка лет, не могу забыть ее слов и взгляд, полный невероятной муки и страдания: «Товарищ начальник, в квартире лежит мой муж. Он мертвый, не надо его выносить, не тратьте силы, их у вас и так немного. Пусть его родной дом будет для него крематорием». Часть дома нам все же удалось спасти, но упомянутые квартиры были уничтожены...

Ленинград, 1980-е годы

Тордая Мамара

Яков Степанович Середин,
инспектор ГПН

те дома, которые не удалось фашистам сжечь, хотя и много было сброшено на них вражеских зажигательных бомб (указанные мною улицы — мой бывший участок в блокадные годы).

В огонь идти под бомбами нелегко, а самое страшное — это не подняться по тревоге от голода. Если тебя уже голод свалил с ног, то ты уже на волоске «от санок». Немало людей из наших рядов задушил голод, и свезли их на санках на кладбище (хоронили под сугробами снега, как и всех ленинградцев). Среди нас, помню, был веселый молодой Розанов Саша, он в шутку говорил слабым: «Крепись и не теряй осанки, иначе попадешь на санки». Но и сам он в марте 1942 года, к сожалению, попал «на санки» — умер от голода.

Чтобы не умереть от голода, чтобы продолжить жить и бороться за город Ленина, весной 1942 года ленинградцы, в том числе и мы, пожарные, принимали все возможные и невозможные меры. На Обводном канале, где в земле лишь железо да камни, косогоры не были пусты — там росли запыленные листья капусты (в то время набережные Обводного канала были земляные). Даже эти пяди земли в борьбе с врагом нам помогли!

Первая зима блокады много унесла на тот свет ленинградцев (в декабре 1941 года умирало от голода в среднем за сутки по шесть тысяч ленинградцев). Изможденные голодом, холодом, бомбежками и обстрелами ленинградцы зимой 1942 года не в силах были убирать улицы и дворы от грязи и снега. Весной 1942 года, чтобы избежать новой беды — эпидемии, на улицы города вышли живые и полуживые, вышли с лопатами и ломом дворники и полковники, депутаты и солдаты. Эпидемия была предотвращена. В этой работе принимали участие

Из двадцати пяти лет моей службы в пожарной охране Ленинграда двадцать три года я работал профилактиком пожаров. В мирное время профилактировать пожары — нелегкое дело, а в блокадные годы — особенно. Причем в блокаду приходилось не только предупреждать пожары, но часто при налетах фашистской авиации на город, приходилось и вести борьбу с ними. Ведь в то время инспектор Госпожнадзора на своем участке больше должен рассчитывать на свои собственные силы, умение, способность и смелость, чем на «01», так как пожарные части едва справлялись на крупных пожарах (особенно в трагическую зиму 1941–1942 гг.). Всю блокаду я проработал в Московском районе Ленинграда. Не забуду никогда тех домов, на чердаках которых мне приходилось ночами бороться с «зажигалками». Смело, героически боролись с ними и молодые девчата из МПВО.

Когда я прохожу по улицам Решетникова, Благодатной, Кузнецовской, Московскому проспекту у Московского парка Победы, то я ощущаю радость за

и мы, пожарные работники (в период отбоя воздушной тревоги и прекращения артобстрелов). Когда кто-то из нас падал от измождения, дистрофии, то другие товарищи брали упавшего, и несли в подвал, где у печки-временки приводили упавшего на улице товарища в сознание, и снова потом он становился в строй на защиту города Ленина. Подчас казалось, маленькая помощь товарищей... А как эта «маленькая» помощь нужна была — трудно даже описать! Например, ночью в февральскую стужу 1942 года в конце Рощинской улицы (Московский район) я упал на улице — идти от слабости в ногах уже не мог. Меня тоже не обошли: кто-то поднял, приволок меня в деревянный домик (теперь там деревянных домов нет). Там я обогрелся, да еще добрые люди в этом домике дали мне выпить зеленого хвойного экстракта. С собой мне дали этого экстракта пузырек, чтоб я принимал его на следующий день. Если я спасал человека на пожаре или раненого на улице, то он не спрашивал, кто его спас. Спасать друга — это был святой закон в те трагические дни блокады, вот поэтому никто и не задавал такого вопроса.

Пожарные Ленинграда в суровые годы блокады не только спасали город и людей от огня, они кроме этого осенью 1941 года строили баррикады на улицах города, заготавливали дрова на зиму, подбирали на улицах павших от голода ленинградцев и даже ловили по ночам предателей Родины.

Мне не забыть, как мы в феврале 1942 года под руководством бывшего начальника Московского РУПО тов. Ювонена Л.М. восстанавливали полуразрушенную «мертвую» баню на Ломаной улице, около 14-й пожарной части, и пошли в первый раз туда мыться. Там была такая стужа, что у нас зуб на зуб не попадал от холода. Вода чуть-чуть тепленькая еле-еле струилась из крана, но все же каждому из нас попало по половине тазика. Это уже была такая радость, что ее невозможно ничем измерить. Я никогда не забуду внутреннего вида той бани в те дни: стены и потолок были покрыты толстым слоем колючей изморози, которая при свете электрической лампочки искрилась

и переливалась, как в сказке. В общем, наша баня внутри похожа была на «Ледяной дом» И. Лажечникова!

После снятия фашистской блокады в январе 1944 года мы после основной своей работы выходили на работу по благоустройству города Ленина. Разбирали и баррикады на улицах, зная, что они никогда, никогда уже не будут нужны. Разбирали мы их с такой силой, что только пыль с них летела.

После окончания войны я и моя семья, которая возвратилась из эвакуации, начинали жить с нуля. В нашей десятиметровой комнате находилась железная буржуйка да географическая карта Советского Союза на стене, почти вся в красных флажках, да сажи на ней был толстый слой. У меня кроме защитной гимнастерки и серой шинели ничего не было, семья приехала полураздетая, полуразутая.

31 июля 1941 года моя жена и двухлетняя дочь с трудом сели в товарный поезд на Московском вокзале (поезд, который эвакуировал детей, матерей и стариков из Ленинграда). И не успел этот поезд тронуться, как налетела фашистская авиация: я в это время стоял на платформе вокзала, ни жив, ни мертв. Не за себя я беспокоился, душа болела за семью и всех тех, кто был в этом поезде. Как писала потом жена, в поезд попала фашистская бомба, вагон загорелся, много людей погибло.

Не успела жена моя, Надежда, приехать из эвакуации в апреле 1945 года, как на второй день у нас уже появилась «обновка». Пока я был на работе, жена сняла со стены карту, распарила ее в горячей воде, бумага раскисла, а марля осталась. Так что вечером, когда я пришел с работы, жена уже похвастала, что мы теперь не бедные — есть теперь у нас «простыня» (из географической карты). Вот ведь, война научила находчивости и женщин! Конечно, мужчины не сообразили бы так быстро без денег и без магазина приобрести такую «роскошь». Да, теперь все это вспомнилось, и кажется смешным такое, а в то время ничего смешного не было. Надо переносить в жизни любые трудности!

А как теперь я и моя семья живем? Живем хорошо! Советская власть не была меня: мне дали замечательную отдельную квартиру со всеми удобствами в новом доме. Но, несмотря на то, что живу я в настоящее время хорошо, ни одной крошки священного хлеба я не выбрасываю в мусор. Нет, душа не позволяет этого делать. Я уверен, что ни один человек, который пережил голод в блокаду, не бросит ни одной корки хлеба в мусор.

«Хлеб дороже изумруда,
Хлеб дороже золота,
Век блокаду не забуду,
Не забуду голода!»

— так записал я в свой дневник 27 января 1944 года.

14 апреля 1975 года.

Продолжение воспоминаний...

Это было ровно сорок пять лет назад. 22 сентября 1941 года начальник 30-й пожарной части т. Цагин меня с отделением бойцов послал в поселок Стрельна вести борьбу с пожарами. Когда мы прибыли в Стрельну, то там горели не отдельные дома, а целые улицы. Наши силы по сравнению с тем морем огня были, что капля в море. Но приказ — есть приказ, и мы вступили в борьбу с огнем. К вечеру все выкидные пожарные рукава были выведены из строя — пробиты осколками мин и снарядов, так как фашистские войска были рядом и снарядов и мин они не жалели. Связь тоже была выведена из строя. Что делать? Или отдать людей и машину на растерзание немецким варварам или добираться в свою часть в Новый Петергоф. Здесь судьбу нашу решили не часы, ни минуты, а секунды. Я дал команду добираться до своей части.

Когда мы прибыли в свою часть, то начальник части т. Цагин так расшвирился, так размахивал пистолетом, что, казалось, вот-вот выстрелит в меня. Но долго ругаться Цагину не пришлось: ему доложили, что немецкие танки уже у вокзала Нового Петергофа. И тогда он скомандовал ехать всем на Ораниенбаум. Уже

ночью мы прибыли туда, и «поселились» в кустах. А на второй день т. Цагин извинялся передо мной, что-де ошибочно ругал меня. Потом он пошел в военкомат Ораниенбаума и доложил о нашей судьбе. Там долго не думали: составили список тех, кто помоложе, и дали направление в Морфлот Кронштадта. В Кронштадте нас нигде не принимали, вероятно, военкомат Ораниенбаума что-то перепутал в документах. Тогда я, как старший группы, из пожарной части Кронштадта дозвонился до начальника УПО Ленинграда товарища Серикова и доложил судьбу нашу. Товарищ Сериков дал команду всеми силами добираться до Ленинграда, пополнив пожарную часть Кронштадта добровольцами из нашей группы.

Когда мы прибыли в Ленинград, то нас причислили к 3-й пожарной части. А когда 22 декабря 1941 года по льду Финского залива на пожарных машинах в Ленинград из Ораниенбаума прибыли все оставшиеся люди 30-й пожарной части, то тогда нас всех разместили на территории Пожарно-технического училища в Московском районе. Здесь мы и продолжали нести службу в невероятно трудных условиях адской блокады Ленинграда.

В январе 1942 года, когда голодная смерть косила ленинградцев, в том числе и пожарных работников, всем смертям назло в нашей казарме родился Человек! Но об этом — отдельно...

ГОРДАЯ ТАМАРА

«В Благодатном переулке
Не благодатно было, жутко.
Рвались бомбы и снаряды,
Земля от грохота дрожала,
И в эту ночь, со смертью рядом,
Тамара гордая... рожала.
Раз человек родился на войне,
Внимание ему мы отдали вдвойне.
Кто разжигал «буржуйку» из железа —
Тепло ведь надо было дозарезу,
Кто снег искал почище во дворе,
Чтоб растопить его в ведре.
А кто фанерой чинил окошко,
Разбитое ночной бомбежкой.
Коптилка наша чуть мигала,
И серый дым стеной стоял.

что за стат
ной охраны
и и сочувств
в некоторых бо
дом, я смог
ной работос
и очень скоро
Беспомощная
помощь
те, Борис И
много време
возможность
ви помощи.
о - буду Ва
на благо на
це врача.
7 ружья. Говорю
книжки. А во
20 лет еще
нашей род
сей мать то
низиь ста
но умирать,
мня в нестел
Иванович, я
и труднее
и спаску не

Война Тамару не пугала –
Никто не плакал, не рыдал.
Не плакали, а слезы лились,
Ведь горьким дымом мы душились.
И вот в таком адском угаре,
Легко ли было нашей Тамаре?»

Кто такая Тамара? Тамара Харитоно-
ва (девичья фамилия Комарова) перед
самой войной вышла замуж за моряка
Харитонова. Думала жить и любить,
а вот проклятая война заставила ее ро-
жать в аду блокады Ленинграда.

Ребенок жил всего три дня. Да как
же ему жить в таком аду и при голодной

матери!.. На детских саночках Тамара
свезла малютку на Волково кладбище и по-
хоронила его в сугробе снега так, как хоро-
нили всех павших от голода ленинградцев
(временно, до весны, а потом перезахоро-
нили на Пискаревском кладбище).

До войны Тамара любила участвовать
в художественной самодеятельности ча-
сти, она пела хорошо. В период блокады
она работала инспектором Госпонад-
зора в Московском РУПО Ленинграда.
Отец Тамары Иван Комаров – старый
коренной пожарный, тоже блокадник...

22 сентября 1986 года

«О камни!

Будьте стойкими как люди!»

Василий Прокофьевич Шклярук,
помощник начальника штаба
353 ОГБ МПВО

Это началось в ноябре-месяце 1941 года. Ночью привозились трупы на грузовых машинах и ночью производили захоронение, когда же стали поступать большие партии, то хоронили и днем и ночью. Наступила зима. Морозы стояли крепкие. Земля промерзла на глубине до одного метра и более. Бойцы МПВО от голода теряли силы, а траншеи надо копать, надо хоронить. Мобилизовали подрывной взвод. Сначала делали лунки до мягкого грунта, затем закладывали взрывчатку и подрывали мерзлую землю, а затем рыли траншеи длиной 30 метров, шириной 2 метра и глубиной 2 метра.

Начали захоронение на пустыре, как входить на Серафимовское кладбище направо, где теперь братская могила, потом по дороге и вправо за церковью, где и было закончено захоронение. Условия захоронения были очень тяжелые. Днем мы жгли костры, а ночью не имели права — из-за светомаскировки. Погреться было негде. Голод усиливался, паек сбавили. Бойцы при рытье и захоронении трупов тут же падали и умирали, тут же их и захоранивали в траншею, иногда умирало до пяти человек в день.

Когда кладбища города были переполнены трупами, то к нам на Серафимовское привозили иногда в сутки от двух до трех тысяч трупов и складывали в штабеля. Надо было успевать их хоронить. Людей не хватало, а те, которых присылали в помощь к нам с фабрик и заводов, тоже были обессилены.

Неверно,
Что сейчас от той зимы
Остались
Лишь могильные холмы.
Она жива,
Пока живые мы.
И тридцать лет
И сорок лет пройдет,
А нам
От той зимы не отогреться.
Нас от нее ничто не оторвет.
Мы с нею слиты
Памятью и сердцем.

Ю. Воронов

История захоронения жертв блокады Ленинграда...

С первых дней войны с фашистской Германией, вероломно напавшей на Советский Союз, я был призван в войска МПВО и назначен помощником начальника штаба 25-го отдельного городского батальона по боевой подготовке.

Когда стали появляться жертвы от бомбежки и от голода в Ленинграде, по приказанию командования я был назначен руководителем захоронения трупов на Серафимовском кладбище.

это за ст...
ной охраны
и и сочувств
в некоторых бо
дом, я смог
мой работос
и очень скоро
Беспомощная
помощь.
те, Борис И
много време
возможность
ви сломате.
о - буду Вас
на благо на
ице врача.
ружм. Говоре
А во
20 лет еще
нашей род
ей мать то
ниже ста
но умирать,
ма в нестел
Мамашки, я
и трудное
и спаску не

Захоронение в осажденном городе

Единственно большую помощь оказывали женщины с хлебозаводов и завода «Красная Бавария».

Для быстрого захоронения находили следующий выход. Трупы привозили в гробах, их извлекали оттуда и складывали в траншею, как можно плотнее и выше уровня земли почти на 26 см, а потом засыпали землей. Гробы сжигались днем на кострах. За каждую выкопанную лунку в земле дополнительно давалось к пайку 50 гр. крупы и 50 гр. водки, но это редко кому удавалось. Правда, были четыре-пять человек, которые выкапывали от двух до трех лунок. Присланным солдатам на работы давалась иногда норма на два человека поднять десять трупов и сбросить их в траншею аккуратно сложив, и то не могли выполнять, потому что сами с трудом стояли на ногах. Бывало, ночью уговариваешь, уговариваешь приступить к работе, а они стоят молча. Приказывать не было смысла, так как все обречены на смерть. Тогда сам берешь труп — доволакиваешь до траншеи и сбрасываешь. Отдышишься и за другой труп берешься, и так трупов пять-шесть снесешь и уложишь. Смотришь, заговорят: «Что же, товарищ командир носит, а мы стоим и еще мерзнем?» Скажешь: «Братцы, помогите, выполните норму, и пойдемте домой». Тогда

только приступят к работе, а сам уйдешь в дальнюю траншею, чтобы никто не видел твоей слабости, ляжешь на трупы, немного отдышишься. Нельзя было поддаваться слабости.

Много было печальных и тяжелых происшествий. Приходили отдельно обесцененные граждане, привозили в гробах на санках своих родных и близких и обращались к нам с просьбой похоронить на краю траншеи и не вынимать из гроба. Всегда любую просьбу выполняли при них же с большим вниманием и чуткостью.

Подходит как-то один мальчик ко мне лет двенадцать-четырнадцать, трудно тогда было определить возраст на истощенных лицах. У другого четырнадцати-пятнадцатилетнего паренька по лицу можно было дать и за шестьдесят лет. Так вот, подходит мальчик и говорит: «Дяденька военный! Разреши мне взять один гробик домой. Мама умерла, уже неделю лежит дома». — «А где папа?» — спрашиваю я. — «Папа умер уже месяца два, и сестренка тоже, а я один остался». — «А где живешь?» — «На Геслеровском проспекте (ныне Чкаловский проспект)». — «Так ведь тебе, дорогой мой, не довезти одному». А он отвечает: «Не знаю, может и довезу».

Тогда я выделил двух бойцов, отобрал легкий фанерный гроб и сани,

что за счет
рской охраны
и соучастия
в которой бое
дос, я смог
работы
и очень скоре
и безопасная
помощью
те, Борис И
инного време
вероятности
нам помощи.
но - Бру Ва
на было кон
ице врача
и ружья. Говоре
конечно А во
20 лет еще
нашей род
сей мать то
низость ста
оно умирать,
меня в наст
Иванович, я
би трудное
и внажу

На улицах Ленинграда. Зима 1941–1942 годов

и отправил их вместе с мальчиком. Когда же они привезли труп, мы положили в траншею при мальчишке, а потом направили его с запиской в районное отделение милиции для его устройства.

Один раз пришла пожилая дама в трауре и попросила найти труп ее мужа, который был привезен накануне вечером. Я прошел с ней, и мы разыскали труп мужа, по ее просьбе положили в гроб и при ней спустили в траншею. Муж был профессор.

Таких случаев было очень много. А для нас была большая награда видеть довольные лица и получать благодарности со слезами. Хоть и были мы живые трупы, но человеческих чувств не теряли. Привозились трупы с вырезанными мягкими частями. Не секрет, что некоторые питались человеческим мясом, что даже группы людей специально охотились за живыми людьми на мясо.

Человек, который еще не имел вид дистрофика, опасался вечером ходить по городу, чтобы не быть съеденным. Это было, но это жестоко наказывалось. Некоторые лица пытались проникнуть на кладбище за детскими трупиками, но арестовывались и передавались соответствующим органам.

Был и такой случай: один солдат лет тридцать-тридцать пять, получив уволь-

нительную с передовой навестить семью, подъехал к Серафимовскому кладбищу с саночками, на которых лежал женский труп, завернутый простыней. Видимо, замерз и зашел в будку, где у нас телефонист вел регистрацию доставленных трупов. Телефонист ушел в казарму, а печурка еще топилась. Солдат снял замок, пристроился погреться и заснул, прислонившись к печурке. Это было поздно вечером. Нам сообщили, что на кладбище пожар. Мы выехали и видим: будка догорает, женский труп и солдат тоже сгорели. При осмотре трупа нашли обуглившийся бумажник с партбилетом и документами.

Днем как-то подбежал молодой старший лейтенант, летчик, и просит срочно похоронить его жену при нем, чтобы запомнить место. Я спрашиваю: «А почему так срочно?» — «Да как же? Мне через полчаса надо уже вылетать. Вот вырвался на минутку навестить жену, а она лежит дома мертвая. Как жаль!». А у самого слезы. Рядом с ним стояли сани с трупом, завернутым простыней. Просьба товарища летчика была выполнена сразу, и, поблагодарив, он побежал в сторону аэродрома. С какой же злобой будет он бить фашистов! Трудно понять теперь это горе блокадников.

это за ст...
ной охраны
и сочувств...
в которые бо...
дом, я смог
мой работ...
и очень скор...
беспольная
помощь.
те, Борис И
много време...
возможность
ви помощи.
о - буду Ва...
на благо на...
еще врач...
руки. Говор...
А во...
лет еще...
нашей род...
той ж... то...
ниже ста...
но умирать,
меня в нест...
Мванкин, я
и труднее
и спаску

Формирования МПВО на улицах Ленинграда

На кладбище я проработал до 20 марта 1942 года, и решил идти в госпиталь. Направление уже давно лежало в кармане.

21 марта 1942 года утром ко мне явился капитан Крохин из штаба города и передал валенки. «Вот, — говорит, — тебе подарок от генерала Лагуткина». Я сердечно поблагодарил, отдал валенки и опять побрел с палочкой на кладбище, но проработал только до двенадцати часов дня — ноги совершенно отказывались ходить. Меня двое красноармейцев проводили до госпиталя. Через пять дней от командования я получил письмо с благодарностью и подарочек — 200 гр. черных сухарей, 100 гр. белых сухарей, 4 шт. печенья, 2 конфетки и пачку папирос. Да, в то время это был очень дорогой подарок.

В госпитале я провел только десять дней. Обстановка была не из приятных. Трупы лежали тут же в коридорах. Обслуживающий персонал был истощен. Палаты не отапливались, хоть и были дрова. Некому было топить.

По выходе из госпиталя продолжал работать по захоронению, но в июне месяце доставка трупов стала незначительной, и получен был приказ эту работу вести гражданскому населению.

О МУЖЕСТВЕ И ГЕРОИЗМЕ ВОЙСК МПВО В ПЕРИОД БЛОКАДЫ ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА...

Ленинградская печать, радио и телевидение много писали и пишут, говорили и говорят о достойном героизме наших летчиков, моряков, артиллеристов, танкистов, и других защитников города Ленина. Но почти не упоминалось о героизме бойцов войск МПВО, которые за весь период (900 дней) блокады мужественно и стойко защищали Ленинград. Переносили жестокий голод и холод. Часто без сна, по несколько дней, под разрывами авиабомб и снарядов (для них не существовали убежища), они несли посты наблюдения и разведку, гасили зажигалки, спасали людей из-под обломков разрушенных зданий, в разрушенных квартирах, оказывали первую медицинскую помощь пострадавшим, уничтожали фашистские листовки, гасили зажигалки, извлекали неразорвавшиеся снаряды и бомбы, разряжали их, в результате чего пал смертью храбрых начальник одного батальона товарищ Орлов и командир подрывной взвода. Большое мужество проявила командир взвода одного из подразделений товарищ Ковалева, которая разрядила пять действующих авиабомб и была награждена орденом «Красной Звезды».

это за счет
рской охраны
и сочувств
в которой бо
дос, я смог
рабочей
и очень скру
и безопасная
помощью
те, Борис И
инного време
вероятности
они помогут.
о - буду Вас
на было кон
еще врачи
руки. Говоре
конечно А во
20 лет еще
нашей род
сей мать то
низко ста
о умираю,
меня в постел
Иванович, я
би трудное
и связку

Госпиталь МПВО. Разминеры. Июнь 1944 года

Также бойцы участвовали в тушении пожаров и контролировали светомаскировку в городе, вылавливали ракетчиков, частично участвовали в боях с фашистами, прорвавшимися в город около Кировского завода, участвовали и руководили на всех кладбищах города по захоронению трупов — жертв блокады, а их иногда достигало в сутки от двух до трех тысяч трупов. Наши бойцы при захоронении падали от непосильной работы и тут же умирали. Эти герои теряли силы от голода, но никогда не теряли веру в победу и до последнего вздоха стояли на своем посту.

Я помню, как я подошел к тяжело раненому командиру взвода 25-го отдельного городского батальона товарищу Орлову и спросил, как его самочувствие. «Какой же я командир, когда не могу встать на ноги и защищать свою Родину», — ответил он, и тут же уснул навеки.

А сколько таких было? Да все до одного! Их погибло около двадцати восьми батальонов, и чудом осталось небольшое количество в живых.

Когда освободили дорогу жизни по Ладоге, откуда стало поступать свободно продовольствие, вооружение и пополнение войсковых частей в Ленинград,

нас посадили всех на усиленный паек для лечения и поправки здоровья, а также пополнили все городские батальоны МПВО, но в большинстве — девушками. Недаром и песни появились о девушках в синих комбинезонах, в пилотках. Потом из бойцов и командиров выделили спецбатальоны, которых обучали подрывному делу, разминированию и другому военному делу. Когда же была окончательно снята блокада Ленинграда, спецбатальоны были брошены вслед за нашими наступающими войсками для разминирования дорог, полей, лесов, зданий домов, на передний край, а также очистки местности Ленинградской области от авиабомб, снарядов, гранат и других взрывчатых веществ; подрывали немецкие артсклады. Без жертв и тут не обошлось. Многие погибли, проявляя большое мужество и героизм.

А когда Советская Армия одержала блестящую победу над фашистской Германией, то из городских батальонов МПВО Ленинградское командование организовало строительные батальоны, которые восстанавливали частично разрушенный город Ленинград и строили новые здания. Вот эти герои-бойцы войск МПВО отстояли Ленинград и его

11
это за счет
ной охраны
и сочувств
в которые бо
дом, я смог
ной работы
и очень скоро
Беспомощная
помощь.
те, Борис И
много времени
возможность
ви помощи.
о - буду Вас
на благо на
ице врача.
7 ружья. Говорю
книжки. А вы
20 лет еще
нашей род
ей мать то
низию ста
но умирать,
ица в нестел
Иванович, я
и трудности
и спаску не

Восстановление города

восстанавливали. Что они перенесли в эти жуткие дни блокады, в этих нечеловеческих условиях жизни. Голод доводил людей до того, что съедали собак, кошек, срезали с трупов мякоть, охотились за людьми, и даже некоторые родители убивали своих детей и съедали, что, конечно, сурово наказывалось. Кто не пережил ужас этой блокады навряд ли поймет это.

Командиры и бойцы МПВО проявили сверхчеловеческое мужество в осажденном Ленинграде, никакая сила и трудности не останавливали их перед выполнением священного долга перед своей Родиной.

Вечная слава вам, бойцы и командиры МПВО, и вечная память вам, сложившим свои головы за Родину, за Ленинград.

Предсмертное письмо Бориса Гаслера,

руководителя 5-й оперативной группы пожаротушения

Мне кажется:
Когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.
Они к Неве,
По улицам идут,
Как все живые.
Только не поют:
Не потому,
Что с нами не хотят,
А потому, что мертвые
Молчат. Мы их не слышим,
Мы не видим их,
Но мертвые
Всегда среди живых.
Идут и смотрят,
Будто ждут ответ:
Ты этой жизни
Стоишь или нет?

Ю. Воронов

Уважаемый Борис Иванович! Допускаю к Вам такое отношение не только как к начальнику, но и как к бывшему сослуживцу по 17-й команде и части имени товарища Сталина, а главное, как к чуткому и отзывчивому человеку. Просить что-либо о себе и для себя не в моих правилах и привычках, но данное товарищеское обращение вызвано особыми обстоятельствами и является единственным, может быть, последним. Поэтому убедительно прошу прочитать его до конца, сделать по нему все, что окажется в Ваших силах и помочь мне. Если же ничего сделать невозможно, то я безропотно подчинюсь будущему и прошу об этом письме забыть.

Работаю я с 14-летнего возраста (то есть почти 24 года). Из которых в пожарной охране — около 14 лет. Здесь я прошел службу от рядового бойца, полюбил наше общее дело и мечтал отдать ему всю свою жизнь до последнего вздоха, честно работая и не

щадея ни сил, ни жизни, ни знаний для борьбы с огненной стихией. Не один раз меня перебрасывали для организации нового дела (например, телефонно-осветительной службы, школы младшего начсостава при 11-й ГПК и т.п.), наконец, поручили то, что больше всего соответствует моим склонностям и способностям — работу по подготовке так необходимых пожарной охране наших кадров. За время своей работы на пожарах и в последней отрасли я имел ряд благодарностей, премий и грамот. Случилась война, и мне снова пришлось переключиться полностью на оперативную работу. Я хотел и здесь отдать умение и накопленные почти за 15 лет знания, а быть может, и жизнь борьбе против последствий нападения проклятых фашистских варваров, но силы стали слабеть и таять. Не щадя их остатков, я вконец их истратил и с 30-го декабря, совершенно обессилев, слег, имея значительные отеки и жесточайший понос. Колоссальными усилиями, отказывая себе даже в самом необходимом минимуме, жена сумела задержать понос. С 30-го декабря по 1-е января я имел освобождение от врача РУПО, а с 3-го января тщетно ожидаю вызванного из поликлиники врача. Вместе с тем тают остатки сил, и положение с каждым днем становится все более и более безнадежным.

Сейчас передо мной встала задача: или беспокоить Вас просьбой о возможной помощи и надеяться на нее, или продолжать лежать и безропотно ждать единственного и неизбежного конца. Прошу не рассматривать это как малодушие, трусость или что-либо подобное. Я честно понимаю стоящие передо мной трудности, вытекающие из войны и блокады, грядущие победы и конечное торжество победившего коммунизма. Я бы был счастливейшим человеком, если бы мог

снова вернуться в наши ряды и участвовать на фронте или в тылу в общем деле, рука об руку отстаивая с другими независимость нашей дорогой и любимой родины. Хочется верить и надеяться, что за счет огромных возможностей и ресурсов пожарной охраны города Ленина, при Вашем живом участии и сочувствии, из тех крох в виде нескольких граммов, которые бы удалось выделить за счет каждой команды, я смог бы вернуться для активной и плодотворной работы на благо трудящихся. Иначе — единственный и самый скорый конец — медленное, бесполезное угасание и бесполезная смерть. Только быстрая и действенная помощь может решить этот вопрос. Простите, Борис Иванович, что отнял у Вас массу драгоценного времени и пишу карандашом. Если найдется возможность снова подняться на ноги, помогите, чем можете. Если же этого сделать одному невозможно — буду Вам благодарен за участие, и желаю успешно перенести все трудности, продолжая работать на благо нашей дорогой родины.

В настоящее время я лежу с опухшими ногами и кистью левой руки. Говорят, что когда отек дойдет до сердца — все окончится. А ведь мне только около 38-ми лет, и я бы 15–20 лет еще мог пожить, принести посильную помощь нашей родине. Да ведь и жить хочется. Безумно хочется жить тогда, когда видишь, как с каждым днем жизнь становилась прекраснее. Ну а когда суждено умирать, то хочется ее отдать не бесцельно, как сейчас (лежа в постели), а на своем боевом посту. Так, Борис Иванович, я всегда и мечтал. Вышло же по-другому.

Даже в эти трудные для меня дни я не утратил веру в силу и спайку нашего огромного коллектива, в ценность советского человека, в отеческую заботу о каждом из нас товарища Сталина. Мои личные ресурсы исчерпаны до дна: поддержать организм мне нечем, для согревания (так необходимого при моей болезни) я платил по 30 и 70 рублей за охапку дров. А пока имел силы, распилил с женой на топливо часть своей мебели. Даже причитающийся мне по телеграмме спецпаек для слабых и больных я ни разу не получал, а ведь лежу я две недели. Для ухода за мной жена вынуждена

была оставить работу, так как живущая со мной пенсионерка, совершенно слепая теща, также нуждается в уходе.

Так неприглядно обстоят мои дела, а надежд и перспектив никаких нет. Мне кажется, что вопрос о помощи сейчас заключается не в днях, а буквально в часах. Так примите же еще раз, Борис Иванович, мою горячую просьбу о товарищеской помощи, если можно в чем-либо помочь. Ведь каждые 100 грамм макарон, муки, крупы, сахару, масла и т.д., каждый глоток вина, водки или пива, каждая картошка, морковка, брюква или кочан капусты поддержали бы угасающие силы, каждое полено дров дало бы так необходимое мне тепло, каждый десяток папирос или коробка спичек обеспечили бы нервы, каждая капля керосина дала бы уют. И ничего этого у меня сейчас нет. Скажу лишь честно, что свыше двух месяцев я сижу на одном супе, о каше и картошке давнее не имею представления. Правда, я об этом говорю впервые, но это было и не нужно.

Тяжелее всего сознавать то, что несколько дней назад после продолжительной болезни, вызванной операцией, скончалась моя мать, и я не имел возможности даже отдать ей последний долг. Два же моих брата с оружием в руках отстаивают честь и независимость нашей дорогой родины. Как бы хотелось быть сильным и бодрым, вместе со всеми бороться против озверелого фашизма.

Ну, больше мне добавить нечего. Скажу, пожалуй, лишь одно: собственное бессилие безумно угнетает. Примите, Борис Иванович, мой привет, лучшие пожелания в успехах на будущее. Быть может, с Вашей помощью поработаю когда-нибудь и я. Если же этого не случится, я молча и безропотно перенесу все трудности до конца, как это делает гордый советский человек.

Еще раз привет. Борис Гаслер.

11–12 января 1942 года.

Автор этих строк скончался спустя несколько дней после их написания. Борис Иванович Кончаев получил письмо уже после его смерти. На конверте своей рукой он написал: «Предсмертное письмо Бориса Гаслера. Его в живых мы не застали»...

**Потери личного состава
пожарной охраны города Ленинграда
в период Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.**

Погибло при исполнении служебного долга
308 человек

Пропало без вести
210 человек

Умерло от голода, болезней и ранений
1593 человека

**Потери личного состава
МПВО города Ленинграда
в период Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.**

Погибло при выполнении заданий
345 человек

Пропало без вести
20 человек

Умерло от голода, болезней и ранений
3458 человек

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АХУ	Административно-хозяйственное управление НКВД
ВГПК	военизированная городская пожарная команда
ВКВШ	Всесоюзный Комитет по делам высшей школы
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВОВ	Великая Отечественная война (1941–1945 гг.)
ВГПК	военизированная городская пожарная команда
ВПК	военизированная пожарная команда
ВПО	военизированная пожарная охрана
ВПЧ	военизированная пожарная часть
ВТ	воздушная тревога
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГКО	Государственный Комитет Оборона
ГПК	городская пожарная команда
ГПН	государственный пожарный надзор
ГУПО	Главное управление пожарной охраны
ГЭС	городская электрическая станция
ДЗОТ	деревоземляная огневая точка
ДОТ	долговременная огневая точка
ДПО	добровольная пожарная охрана
ЗАБ	зажигательная авиабомба
КУОС	Курсы усовершенствования офицерского состава
КУКС	Курсы усовершенствования командного состава
ЛИСИ	Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛПТУ	Ленинградское пожарно-техническое училище
МПВО	Местная противовоздушная оборона
НИИКХ	Научно-исследовательский институт коммунального хозяйства
ОГБ	Отдельный городской батальон МПВО
ПВО	противовоздушная оборона
ПТВ	пожарно-техническое вооружение
РУПО	Районное Управление пожарной охраны
СВПЧ	Самостоятельная военизированная пожарная часть
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
УНКВД	Управление Народного комиссариата внутренних дел
УПО	Управление пожарной охраны
УУЗ	Управление учебными заведениями
ФАБ	фугасная авиабомба
ФИПО	Факультет инженеров пожарной охраны
ЦНИИПО	Центральный научно-исследовательский институт противопожарной обороны
ЦППС	Центральный пункт пожарной связи
ШМНС	Школа младшего начальствующего состава

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Название, употреблявшееся в годы Великой Отечественной войны	Современное название
ул. Бродского	Михайловская улица
ул. Васенко (Пушкин)	Дворцовая улица
пр. Володарского	Литейный проспект
ул. Вольфа	улица Чапаева
пл. Воровского	Исаакиевская площадь
пр. Газа	Старо-Петергофский проспект
Геслеровский пр.	Чкаловский проспект
ул. Герцена	Большая Морская улица
ул. Гоголя	Малая Морская улица
пл. Декабристов	Сенатская площадь
пл. Жертв революции	Марсово поле
Калашниковская набережная	Синопская набережная
пр. 25 Октября	Невский проспект
ул. Каляева	Захарьевская ул.
пр. Карла Маркса	Большой Сампсониевский проспект
Кировский пр.	Каменноостровский проспект
ул. К. Либкнехта	Большой проспект Петроградской стороны
ул. Коминтерна (Пушкин)	Оранжерейная улица
ул. Коммунаров (Пушкин)	Средняя улица
Комсомольской улице (Пушкин)	Садовая улица
Красногвардейск	Гатчина
пр. Майорова	Вознесенский проспект
пр. Максима Горького	Кронверкский проспект
Международный	пр. Московский проспект
Октябрьский вокзал	Московский вокзал
Ораниенбаум	город Ломоносов
Парк им. 1-го Мая	Парк Екатерингоф
ул. Плеханова	Казанская улица
Приютская ул.	Морской переулок
Пролетарская ул. (Пушкин)	Церковная улица
Республиканский мост	Дворцовый мост
Слуцк	Павловск
улице Труда (Пушкин)	Леонтьевская улица
ул. 3 Июля	Садовая улица
пл. Урицкого	Дворцовая площадь
г. Урицк	Лигово (Красносельский район СПб)
ул. Эдисона	улица Яблочкова